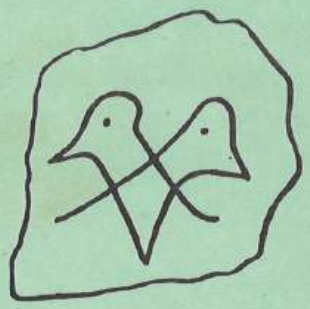
Е.В.КУЗНЕЦОВ

СЛАВЯНЕ И РУСЫ:

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА (IV-IX вв.)



МИНИСТЕРСТВО ОБЩЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н.И.ЛОБАЧЕВСКОГО

Е.В.КУЗНЕЦОВ

СЛАВЯНЕ И РУСЫ: ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА (IV–IX вв.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО НИЖЕГОРОДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
НИЖНИЙ НОВГОРОД
1997

УДК 936
ББК 633(2)41
К 89

Отв. редактор академик МСА О.А.Колобов

К 89 Кузнецов Е.В. Славяне и русы: очерки по истории этногенеза (IV–IX вв.) Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1997. 208 с.

В очерках на основании малоизученных и неизученных источников различного происхождения предлагаются решения ряда конкретно-исторических вопросов этногенеза восточного славянства в IV–IX вв. и предыстории Древнерусского государства с центром в Киеве. Для специалистов и студенчества.

К $\frac{0501000000-404}{\text{М } 187(03)-97}$ ББК 633(2)41

ISBN 5-85746-194-4

© Кузнецов Е.В., 1997

От автора

Древняя («докиевская») история славян и русов в ее этногенетическом аспекте заслуживает того, чтобы быть написанной полно и детально. Тема архисложна и не терпит суеты, что доказывают уже предпринятые в прошлом неудачные попытки на ограниченном материале создать всеобъемлющую концепцию славяно-русского этногенеза. Предлагаемые вниманию читателей «Очерки» имеют более скромные задачи: они содержат анализ малого числа конкретных вопросов – именно тех, которые доступны детальному изучению при существующей к сегодняшнему времени источниковой основе.

Методические приемы, применяемые автором «Очерков», традиционны. Выверенные многими поколениями историков на различных комплексах источников, они гарантируют достоверность аналитических усилий.

Начало данной работы было положено в августе 1987 г. в «публичной» (ныне «Национальной») библиотеке великого города на Неве знакомством с «Датской историей» Сакса (Саксона) Грамматика. От книги датского средневекового историка ниточки поисков потянулись к другим источникам, различным по своему типу, принадлежащим разным временам и разным географическим областям, нередко весьма далеким от скандинавских государств. Осенью 1993 г. в Н.Новгороде были закончены пять «очерков», которые внутренней логикой исторического процесса связаны друг с другом, хотя связь эта едва ли покажется читателю очевидной.

Отнюдь не расчет на коммерческий успех, а понимание своего профессионального долга, воспитанное его учителями по Нижего-

родскому университету С.И.Архангельским и Н.П.Соколовым, подталкивало автора тратить крохотные кусочки свободного времени и скудные денежные средства на малорентабельное исследование. Имеет смысл указать на патриотическую заинтересованность в исторических судьбах русского народа. Нельзя пройти мимо авторской рефлексии на участившиеся в последние годы попытки различных специалистов и даже многолюдных коллективов таковых отрубить древнюю историю славян и русов от прошлого Отчизны по образцу известного героя древнегреческого мифа. Автор живет надеждой, что мифотворческие усилия искренне или притворно заблуждающихся не помешают (в конечном счете – не помешают) созданию правильного повествования о ранних этапах существования народов России, во имя чего написаны «Очерки».

Очерк 1

ОБ АНТАХ, ИХ «РЕКСЕ» БОСЕ И р. БОГ (БУГ)

Вопрос о том, на какой территории жили анты, принадлежит к числу дискуссионных. Решение затрудняется неопределенностью географических ориентиров, сообщаемых восточно-римскими писателями Иорданом, Прокопием, Феофаном и др. Благодаря успехам полевой археологии решающий голос при обсуждении антской проблемы приобрели в последнее время археологи. Определенную черту под их поисками и наблюдениями подвела докторская диссертация О.М.Приходнюка «Славянское население юго-восточной Европы V–VII вв. (Пеньковская культура)», защита которой состоялась в Институте археологии АН СССР (г.Киев) в 1986 г., при участии таких известных специалистов как В.В.Седов, Е.А.Шмидт, П.П.Толочко. Выводы украинского ученого отличает большая определенность: «... анты – племена пеньковской культуры...»[1], «... очерченная Иорданом и Прокопием территория антского расселения для VI в.н.э. в основном вписывается в пеньковский ареал...»[2]. Не вызывает сомнения у Приходнюка и славянство антов. Вслед за В.В.Седовым он утверждает, что «...анты образовались в черняховское время вследствие расселения славян на скифо-сарматские территории и ассимиляции ими ираноязычного населения». Украинский ученый отмежевывает свою точку зрения от гипотезы М.И.Артамонова, что пеньковские памятники оставлены болгарами-кутригурами, и более мотивированной позиции И.П.Русановой, считавшей, что «в формировании культуры приняли участие славяноиранское население, болгары и другие народы»[3].

Концепция Приходнюка имеет определенные неясности хронологического и территориального порядка. Согласно письменным источникам расцвет антской этнополитической общности приходится на IV – начало VII вв. Но пеньковских памятников в IV в. не существовало. Поэтому украинский археолог вынужден,

используя наличный археологический материал, искать корни пеньковской культуры среди «памятников киевского типа и близких к ним черняховских древностей», конкретно – «в лесостепной полосе Среднего Поднепровья и Левобережья Днепра», откуда в V в. и началось интенсивное расселение людей пеньковской культуры «на юго-запад, в район Южного Побужья, Нижнего Поднепровья и Подунавья...»[4]. Аргументы, приводимые в пользу подобной миграционной модели «пеньковцев», не носят решающего характера. Легче согласиться с Приходнюком, что «несоответствие» «верхнего хронологического рубежа» антского союза (начало VII в.) и пеньковских памятников (конец VII в.) может быть объяснено тем, что «антское население было слишком многочисленным», чтобы авары «в ходе своей военной акции» 602 года могли его полностью уничтожить, и часть его, сохраняя производственные и бытовые традиции, «осталась на исконных местах»[5].

Только на каких «местах»? Приходнюк рисует широкий ареал распространения пеньковских памятников по лесостепи юго-востока Европы: от Нижнего Дуная и Прута до Северского Донца. Северная граница в Днепровско-Днестровском междуречье проходит через современную Белую Церковь, Войтовцы, Гордиевцы, Лука. На востоке (северо-востоке и юго-востоке) она определяется находками в районе Изюма, Задонецкой, Голубовки, Цыбли, Григоровки, Хитцы. Едва ли вся эта узкая, ломаная лента, вытянутая более чем не тысячу километров, могла быть политически сопряжена, тем более входить в один «союз племен». Предположение, что в 602 г. авары атаковали антов на среднем Поднепровье и еще восточнее,– тоже мало вероятно. Территория антского этнополитического объединения должна быть более компактной. Она могла охватывать лишь часть пеньковских памятников, если вообще может быть установлено тождество политического объединения (антов) и материальной культуры (пеньковской).

Дальнейший ресурс в исследовании антской историко-географической проблемы следует видеть в более внимательном отношении к данным различных списков ПВЛ, западнославянских летописей, а также этно- и антропонимии. Летописная традиция связывает антов с дулебами и волынянами. Широко известный текст ПВЛ гласит: «Дулеби живяху по Бугу, где ныне Велыняне...». «Велыняне»(волыняне) также связываются в летописи с «бужанами»[6]. Территория, где жили волыняне, длительное время называлась Волынской землей (княжеством), Волынью. Ее географические координаты достаточно хорошо известны. Однако сведения русской летописной традиции плохо согласуются с известным указанием Иордана, что анты живут против излучины Черного моря между Днепром и Днестром. Проверить известия нарративов можно путем привлечения онимических материалов.

Топонимы, связанные с племенным названием «дулебы», встречаются на Волыни, вблизи Киева (Дулебское или Долебское озеро, г.Дулебск или Долебск) и других местах. Они заслуживают пристального внимания. Но ранее всего хотелось бы рассмотреть вопрос другой: о связи известного благодаря Иордану личного имени главы антов Божа, распятого в 76 г. остготским «конунгом» Винитаром, с топонимами, расположенными на территории Западной Украины.

Уже ставился вопрос о связи антропонима Бож и названия города, лежащего в верховьях Зап.Буга (около 50 км. северо-восточнее г. Львова). В одном из своих выступлений академик М.Н.Тихомиров говорил: «Самое имя Бож может быть сопоставлено с племенным названием бужан, живших по Западному Бугу, с городом Бужском (Бозком), известным уже во времена киевского государства»[7]. Поясним, что сейчас город на географических картах обозначается как Буск. В ранних источниках, по нашим наблюдениям, название имело разные варианты: Божеск, Бусьскъ, Божеск-Бусьский...

Позиция М.Н.Тихомирова встретила категорические возражения. И.П.Крипьякевич, в частности, выражая историографический консенсус, писал: «...спроби звьязати Боза чи Божа, князя анті в IV ст., з Бужським або Божським... малоправдоподібно»[8].

Точка зрения Крипьякевича оправдана, если берутся только два разнохарактерных факта. Однако таких топонимов существовало немало (часть их сохранилась до сих пор). Их наличие фиксировано в летописных записях XI, XII, XIV вв., документами XVI, XVII, XVIII вв., на географических картах, в работах местных историков XIX в. Группировка этих разнообразных материалов позволяет выделить две зоны, где наиболее часто встречаются интересующие нас топонимы. Одна, назовем ее зоной «А», протянулась более чем на сто километров в верховьях Южного Буга и

между истоком Юж.Буга и верхним течением реки Сбручь, притока Днестра, от г.Хмельника до г.Волочиска. Другая, назовем ее зона «Б», занимает междуречье верховьев рек Горыни и Стыри и местность к западу от р.Стырь, иначе – от городов Шумска и Кременца до городов Луцка и Владимира-Волынского. Протяженность с юго-востока на северо-запад – 110-120 км. Интересующие нас топонимы находятся также и за пределами этих зон, но редко. Поэтому логичнее сказать о них позже. В зоне «А» следует различать две «подзоны» («гнезда»). Одна (самая юго-восточная) имеет центром ныне существующий населенный пункт – Меджибожье (Межибожье, Меджибож), при впадении р.Божок (Бозок, Бузок) в Южный Буг. Подле Межибожья в XII в. существовал г.Божский: «... град Божий, тако нарицаемые, и Межи Божья...» (Никоновская летопись). В Божский, Межибожский, Котельницу (и др.) был направлен в середине XII в. Изяславом Киевским для охраны южных границ Ростислав Юрьевич, сын Юрия Долгорукого. Н.Дашкевич с большой долей вероятности полагал, что Божский находился на юго-западе от Межибожья, ближе к степи, и ставил вопрос, не является ли его топонимическим наследником село Божиковицы (Бозиковицы)?[9] Неподалеку от Божиковиц исследователь обнаружил поселения Божемильцы (Бозимильцы) и Богудзанку[10]. Ниже по течению р.Буг, ближе к г.Литин, находилось, как указал Н.Барсов, Збужье (Забужье). Выше Межибожья по Бугу, недалеко от г.Проскуров (или Хмельницкий), Н.Молчановский обнаружил селения Божек, Божка[11]. Город Божский под усеченным названием Божск упоминался в XIV ст. как центр округа, лежащего между Межибожьем и Винницей[12]. Другая «подзона» расположена в междуречье Юж.Буга и Сбруча у г.Волочиска. Рядом в XIX в. существовали «Божская дубрава», «болото Бога», р.Божек и еще одно болото «Божек», «из которого речка вытекает»[13]. Все приведенные топонимы могут быть объяснены близостью Юж.Буга и его притока Божек.

Здесь уместно задержаться на чередовании корневых «о» и «у». Как отметил И.Е.Забелин, запорожские казаки в XVII-XVIII вв. говорили (и писали) не «Буг», а «Бох'г – Бокг (=Бог)[14], т.е. звучало «о», а не «у». В ПВЛ гидроним «буг» также передается с «о» – Бог. Что касается смягчения в говоре казаков твердого «г»,

то здесь можно предполагать влияние сформировавшихся к тому времени на Украине говоров.

Предложенное соотнесение топонимов с названием главной реки региона не выглядит для зоны «Б» надежным. Здесь расстояние до Зап.Буга не менее 50 км., а до Южного еще дальше. Двигаясь с юго-востока на северо-запад, находим на р.Сбытенке (притоке р.Валии, впадающей в р.Горынь) селение Буша. Несколько западнее на р.Яловице (приток р.Иквы, которая, в свою очередь, впадает в р.Стырь) селение Буща, рядом Бошковичи. Севернее, ближе к городу Ровно, – селение Сбужье (Забужье). В 1629 г. не границе Луцкого и Кременецкого поветов отмечены как топографические ориентиры гора Божья, селение Божское (Boszczca – польск.). Далее по направлению к Владимиру-Волынскому встречается р.Боженка, село Божов (рядом – Деревичский лес), с.Бушковичи, а также еще одно с.Божов, в четырех километрах к северу от г.Горохова. Молчановский предполагает, что селение это, лежащее подле Горохова, фигурирует в описании границ Королевства Польского 1546 г. как «Boski» (Боский = Божский), приграничный, но принадлежащий Великому княжеству Литовскому населенный пункт (город?) и отличает его от Божска (Буска), лежащего не берегу Зап.Буга и принадлежащего тогда Польше[15]. Различие Божска «волынского» («гороховского») и Божска «прибугского» («белзского» – как его называет Молчановский) не может вызвать возражений. Другое дело – оценка той роли, какую играл Божск «волынский» в истории русских земель. Молчановский склонен считать, что тот Божеск, который получил в 1100 г. на Витичевском съезде Давыд Игоревич, это «волынский», а не «белзский» Божеск, поскольку первый территориально ближе к другим пожалованным ему городам: Острогу, Дубно, Чарторыску – и дальше от Перемышля, где «сидел» ослепленный Давыдом Василько и брат последнего Володарь. Где-то здесь, на Волыни, находился и полученный Давыдом позже от Святополка Дорогобуж (местоположение не установлено). Думается, для проверки версии Н.Молчановского необходимо привлечь археологический материал. Кстати, С.Руссов, «открывший», по его словам, «20 городищ» на Волыни, называет среди них Бужеск, наряду с Триполем, Сутенем, Червенем, Нежатиным. Никаких координат

этого «волынского» Бужеска С.Руссов не сообщает, но, вероятно, нельзя его смешивать с «прибугским» Божском[16].

Важно подчеркнуть, что вблизи верховьев волынских рек Стыри и Горыни известно десять топонимов, привязать которые к Западному или Южному Бугу невозможно.

Топонимические факты из местностей, далеких от двух Бугов, можно увеличить. Известно, что Даниил Галицкий срыл в качестве мести за поддержку батыевых татар семь болховских городов: Деревич, Губин, Кобуть, Кудин, Городец, Божский, Дядонов. Таким образом, мы получаем еще один город «Божа», по счету четвертый. Первый – Божский (Божск) под Межибожьем (галицкий), второй – Божск (Божов) под Гороховым (волынский), третий – Божск на берегу Зап.Буга (белзский) и вот четвертый – Божский среди болоховских городов (болоховский).

На р.Лесной Тикач И.Барсов нашел «Бусово городище». По данным М.Фасмера, у Киева, или даже в его городской черте, течет р.Бусловка[17]. Ссылаясь на географическо-статистические материалы XIX в., современный специалист В.П.Нерознак сообщает о местечке Бузск «в Галиции при впадении р.Полтвы в Зап.Буг», а также о селении Бузовка «с остатками древних валов, которое по преданию было большим городом...» К тому же времени относятся топонимические находки Якова Головацкого. Это Бусно, близ г.Хрубежов (недалеко от Зап.Буга), Бусовно – в Красноставском уезде Люблинского воеводства (упомянуто в Ипатьевском списке ПВЛ), Бусно – в Калецкой губернии (к западу от р.Вислы). В Моравии в XIX в. существовали селения – Бусов (Верхний и Нижний), Бозок, Бозковицы. На юге Чехии в Таборском уезде – Божаев, а на западе, близ города Житец,– Бушковица (Buscovice, нем. – Buschwitz). Существуют с.Босна в Белорусском Полесье, р.Баусна в Латвии, с.Буштино в Трансильвании (близ г.Марамуреш). По суждению Я.Головацкого, в Курляндии (Курземе) немецкий топоним Баускенбург, существовавший в XIX в. на р.Асе, являлся переделкой туземного (славянского – ?) Буск, Бовск[18]. Сейчас латыши называют его Бауска.

Укажем также на селения Витебской губернии, фиксированные Ю.Ю.Трусманом в 1897 г.: Боги, Божки, Богодка[19]. Густаву Хею наука обязана знанием аналогов на землях лужицких сербов, близ Дрездена. Селения: Boskaw, Bazwowe, Boschilow – были отмечены в немецких документах XIV столетия. Р.Траутман установил на землях ободритов селения Bosowe, Buskowe, Busaw, Bozeve, Boguitin и др.[20] М.Фасмером был составлен интересный перечень славянских топонимов в Греции: Bosьcь, Bozec, Bosowo, Boštani, Bosna, *Bъzinik, *Bъzovo, Bъzъ и др.[21] Приведенный список может быть расширен и, вероятно, значительно. Но уже сейчас можно утверждать, что только меньшая часть топонимов с корнем бож (буж, буг, бог, боз и др.) связаны с двумя Бугами. Большинство из них расположены в стороне от этих рек. Но все они расположены на тех землях, где жили или живут славяне.

Логично выдвинуть гипотезу об антропонимическом происхождении указанных топонимов. «Нужные» антропонимы – не редкость. В XII в. был известен мастер-ювелир Лазарь Богша[22]. Один из черногорских воевод, действовавший в XIX в., – Божо Павлович[23]. Сейчас среди украинцев нередкость фамилии Божий, Божек, Боженко[24], а среди великороссов встречаются Божуковы, Божьевы, Божеряновы[25].

Едва ли необходимо много примеров для доказательства широкого распространения у славян обычая называть города и крепости именами князей, вождей и т.п. На карте западно-украинских областей еще сейчас можно увидеть Владимир-Волынский, Львов, Изяслав, Станислав, Володарск-Волынский и др. Да и название столицы Украины происходит от антропонима Кий. Горы тоже были «именные», достаточно вспомнить названия киевских гор – Щековица, Хоривица... Почему же Божу, правителю сильного политического образования, к тому же трагически погибшему, защищая свободу соплеменников, не оставить по себе след в топонимике подвластных ему мест? В этом нет ничего невозможного.

Выдвинутая гипотеза открывает определенные возможности для новых решений в древнеславянской истории. Если она имеет право на существование, то принятое археологами соотношение антов с пеньковской культурой должно быть пересмотрено. Археологические памятники следует попытаться поискать севернее известных сейчас пеньковских древностей, в верховьях Южного Буга, у Волочиска, на юго-западе Волыни, в первую очередь у Горохова и современного Буска, т.е. на территориях зон, фиксированных специфической топонимикой[26].

Как возникло название рек Буг Южный и Буг Западный? Ставя такой вопрос, мы исходим из «зеркальности» этих гидронимов и отбрасываем точку зрения о различии их этимологии, как исторически недостоверную.

В 1968 г. О.Н.Трубачев писал: «Буг, др.р. – Бог. Это название Ю.Буга не имеет единой этимологии». А далее: «...можно почти достоверно определять как неславянское название, и хоть Фасмер считает недоказанным мнение об иранском происхождении этого гидронима, высказанное еще Соболевским, все-таки наличие, с одной стороны, формы Βογον – у Константина Богрянородного, а, с другой стороны, Богучар на Дону, где «чар» двигаться, делает мысль об иранизме наиболее приемлемой»[27]. Позднее украинский ученый А.Т.Масенко поддержал точку зрения известного польского специалиста Я.Розвадовского: буг (бог) от германского (западно-германского) «baki» – поток, ручей[28]. Другую точку зрения высказал В.П.Нерознак: в основе современных славянских гидронимов лежит праславянское *вад, *вод, *вид – затопленное место, течение, поток. Он указывает, что русское слово «буга» означает низкий берег, заросший ивой и др.[29]

Все три точки зрения – «иранская» (Соболевский – Трубачев), «германская» (Розвадовский – Масенко) и «славянская» (Нерознак) – не учитывают древнеславянской («языческой») теонимии. Между тем, по нашему мнению, объяснение гидронима Бог (Буг) кроется в религиозных взглядах древнеславянского мира и фиксировавшей эти взгляды лексике. Связь живой воды и представлений о живом божестве сохранилась среди образов дожившего до нового времени фольклора. Речь идет об олицетворении славянских рек Дуная и Дона («Ивановичи»), Днепра («Непра Королевична»)[30] и др.

Фольклор, прошедший через толщу многовекового господства христианской религии, фиксирует элементы «языческой» теологии. В древности водяные божества славян жили в сознании людей несравненно более яркой и одухотворенной жизнью. Освящение воды, свойственное различным религиозным системам в контексте разнородных цивилизаций, проявилось в политеистической системе славян наиболее прямым, непосредственным путем – путем обожествления рек. В дальнейшем будет показано, что так было с Зап. Двиной, где гидроним синонимичен имени

одного из божеств древней Европы. Этимологизация гидронима Бог (Буг) также возможна только таким способом, причем аналоги и параллели следует искать не в германском или иранском лексиконе, а в западноевропейских языках.

Античный духовный мир, где связь человека и бога была короче, чем в позднейшие времена, фиксировал эту близость человека и бога в мужских и женских именах. Позднее «языческий» пантеон был заменен сонмом христианских святых. Древнекельтский словарь Альфреда Хольдера, содержащий выборку из текстов Цезаря, Тита Ливия, Полибия, Страбона, Птолемея, из «Свода латинских надписей» и др., фиксирует антропонимы: Pompeus Bosius Priscus, Busiacus, Bugius, Bogionus, Adbogius, Tubogius, Setuboggius, [A]emiliu[s] Clarus Boxarvae filius, Bugius Saturninus, Adebugius, Dibugius, Bugatus, Bovius Julianus, Bovalus, Bovecus, Ursinus Buionis filius, Buio Vibi [filius], Buio Senni [filius] и др. Это мужские имена. Встречаются и женские: Buscilla, Bugia, Bovia, Buia и др. Особо следует отметить зафиксированный на территории Лондона cognomen в родительном падеже – Buiturri (N.-Buiturris)[31]. Представляется возможным утверждать, что у всех этих антропонимов наличествует общий, соединяющий их в одно «гнездо» формант *во- (ви-). Богатый и разнообразный онимический материал, относящийся к различным регионам Европы, был собран Э.Фёрстеманном[32]. На основании древнеиталийских текстов А.Хольдер отмечает многовековую традицию употребления этого имени в Зап.Средиземноморье[33]. Однако истоки италийской и кельтской теонимики лежат глубже – в древнейших цивилизациях восточного Средиземноморья и индо-иранского (арийского) Востока[34]. Культ мужества и силы, олицетворенный в мощнейшем из приручённых человеком животных – быке, впервые распространился среди различных социальных групп неолитической поры[35]. Пережитки «бычьей символики» были обнаружены в обрядово-фольклорной символике восточных славян: И.И.Толстой сравнивал древнегреческие «буффонады» с обрядом жертвоприношения быков на Вологодчине в начале XX в.[36]

Все приведенные А.Хольдером и Э.Фёрстеманном (и продолжателем последнего – Г.Джеллигхаусом) антропомиконы следует непосредственно выводить из древнегреческого *во [s] – бык (=сила, мощь быка). Ссылаясь на корпус латинских надписей,

Э.М.Штаерман сообщает о боге Бугии, «имя которого встречается на галльских монетах...» Этот теонимический и производный от него, антропонимический, пласты являются первичными по отношению к существовавшим на территории Римской империи названиям местностей и антропонимам. Среди первых отметим острова – Boa близ иллирийского берега и Bova около Tragurium, а также два одноименных селения Box[s]um (сейчас – Buis) в Галлии, Bovium (Boverion) в Бретани, Busciacus, villula у совр. Безансона, Boviniacum (сейчас – Logny-Bogny) в департаменте Арденны, Bogliaco (Bovilly), Buget, Bugnet, Bugniaco др. Корень *во- лежит в основе названий итальянского монастыря Bobbio и французского Bobini Cells (в деп.Бар-сюр-Об). Не менее обширный перечень можно найти на территориях, заселенных в настоящее время германскими народами, но принадлежавших когда-то кельтам и славянам, а именно – в Австрии, Тюрингии, Фризии, на приэльбских и южнобалтийских землях, у Гамбурга. Так, в Австрии были выявлены Bosinga, Bosinbach, Pogindorf (позднее онемеченное – Pondorf). Bogendale (Begendale), Bogisile, Boianvilla были отмечены в Тюрингии, Bozeberg (Bozeberch) – в швейцарских Альпах, Boinhap – к югу от Люнебурга, Bointzewerder – у Гамбурга, Вблизи Мерзебурга существовала Boiondorf (Boiendorp). За пределами этих местностей интересен топоним Buggewiniden neben Bukewiniden в Оберпфальце[37].

В античной литературе нередко при разных обстоятельствах упоминается племя «боев» или «богов» (Boii, Bogii). «Остатком» этого сильного и многочисленного племени были, как полагает А.Хольдер, boiates, поселившиеся в Ландах, на берегу Бискайского залива, в начале II в. до ХЛ. Как-то с ними связаны упоминавшиеся в более поздних источниках «Boias, qui nunc Boiarii dicuntur». Этот кельтско-италийский имяслов не мог не влиять – с иными элементами мировоззрения и культурной традиции – на взаимодействовавшие с римским миром другие этнические группы Европы. Можно отметить факты такого взаимодействия для ирландцев, германцев (особенно у фризов).

Обратимся к примерам.

А.А.Королевым[38] был дан анализ древнеирландской надписи «bogai maqi biraci». Исследователь считает возможным связать первое имя (имя сына) с континентально-кельтским компонентом

bogio «бьющий, побеждающий»: Adbogius, Conbogi, Namantobogius. Все три приведенных антропонима имеют формант, обозначающий силу, мощь обладателя имени. Второе имя «...связано с древнеирландским прилагательным berach «острый, рогатый», именем собственным Berach... В галльском засвидетельствовано идентичное имя Biracus, Biracius...» Перевод всей надписи следовательно таков: Могучий (Сильный) – сын Рогатого. Надо думать, сын рогатого – сам рогатый, т.е. бык (!). Весьма наглядная метафора к сказанному на этих страницах ранее.

Антропоним в форме Boso существовал в германской языковой среде. Саксону Грамматику была известна его усеченная форма – Bo[39].

У фризов были зафиксированы мужское имя Boge и женское (вост. фризы) Bogstra. Известны также мужское Boi (Boge) и производные от него – Boying, Boike, Boyke, Boykou...[40].

А.Хольдер обращает внимание на параллель между двумя лексемами: кельтско-римской *bogius (bogio) и славянской *bogŭ[41]. Наблюдение австрийского ученого может быть дополнено. Большинству форм антропонима с корнем *во (ви), приведенному в его словаре, в славянских языках можно найти соответствия. В знаменитой работе Ф. Миклошича «Образование славянских личных имен и топонимов»[42] приводится длинный перечень антропонимов – преимущественно старопольских: Božo (Божо), Boža (Божа), Božana (Божана), Božena (Божена), Bohna (Бохна) и др.[43] Старочешские имена – Bohuslav (Богуслав), Bouslav (Боуслав), Boslav (Бослав), Buslav (Буслав)[44]. Полабское княжеское имя Buggeslav (Buggeslavus, Buggezlavus) было зафиксировано в скандинавских и немецких средневековых летописях[45]. Широко распространены у западных и южных славян мужские антропонимы – Богухвал, Богумил, Богуслав, Богдан и др. Древние славянские онимы, выявленные на территории современной Греции М.Фасмером, имеют корни: Bos (Бос), Boz (Боз), Възъ (Бз). Форма Boz – характерна для македонского региона[46]. Древнейшие письменные памятники, фольклор, разговорная традиция восточных славян также содержат онимический материал, который тождественен данным латинско-кельтских надписей, собранных Хольдером. А именно: бог, буг, *боз[47], *бос (боус), буз, бож, *буж (буш), буй, *бой.

Вот некоторые примеры.

П.Л.Маштаков нашел р.Босовку (Бужковка) в бассейне Днестра. Под 1248 г. в ПВЛ написано: «Воеваша Ятвязи около Охоже и Боусовна». Селение Боуцина на р. Лизонцо фиксировалась в XVII в.[48]

В южнобугском речном бассейне был отмечен ряд названий местностей с корнем буз: Прибузька (Винницкий район), Прибузьня (Жовтенский район) и др.[49] Левым притоком Ю.Буга является р.Бужок. Р.Буша (Бушка) впадает в Мурафу (Мурашву), левый приток Днестра в среднем течении. В Житомирщине фиксированы селения Прибужане, Прибужа, Буша (последнее близ Ямполя), р. Бушинка и др.[50]

Об онимической единице «буй» и производной лексеме «буян» писал еще сто лет тому назад А.А.Потебня. Наблюдения над историко-географическими источниками дают интересный материал: г.Буй на север от Костромы, село Буйское на р.Буй в бассейне р.Вятки. «Буйгородок» находился поблизости от Волоколамска. Если верить Л.Н.Гумилеву, знаменитый о.Березань при устье Днепра назывался в древности Буян. Все эти топонимы обозначают места, где проводился торг. В Петербурге XVIII в., как свидетельствует подпись к акварели Балтазара де ла Траверса, «торговый» Буян существовал у Тучкова моста на Васильевском острове. Различные новгородские летописи сообщают о большом пожаре на Торговой стороне в 1326 г. В списке Археографической комиссии сообщено: «...Загореся на Бояни улке, і погоре до половины Рогатици...» «Толстовский список» называет улицу иначе: «Буяны». Об этой улице, называя ее то «Бояна», то «Буяна», пишут другие копиисты. Можно установить, что «на Буяне уліце Хутинское подворье храм Каменной» (1556), где служил одно время «поп Василей Буянской». Назывался этот Каменный храм, построенный в 1300 г., – «церковь Св.Дмитрия на Бояни улке». Опубликованные копии Новгородской летописи (в 1879, 1888, 1950 гг.) относятся к XV-XVI вв., но содержат более древние записи, начиная с событий 1300 г. Следовательно, в те времена «боя[н]» и «буя[н]» были синонимами, что нельзя объяснить иначе как общностью их исторического происхождения[51].

«Бой» является формативом в антропониме Боян (Bojan). Его варианты – Bajan, Bujan. На их славянстве настаивал Ф.Миклошич. Его позиция нашла консенсус у Э.Фёрстеманна, Г.Хея, Г.Джеллингхауза. Э.Фёрстеманном указаны такие характерные топонимы: Boiendorf, Boindorf (близ Мерзебурга), Boianvilla (Тюрингия)[52].

Объяснить эти факты случайностью невозможно. Налицо заимствование лексических форм – заимствование, четко отражающее преемственность культурной и мировоззренческой традиций.

Приведенные лингвистические наблюдения позволяют ответить на сформулированный вначале вопрос о происхождении гидронима «Буг, др. р.Бог»[53]. Текст знаменитого сочинения Иордана сообщает о том, что после военного успеха «король» (rex) ост-готов Винитар(ий) распял короля (regem) антов, его сыновей и 70 «первых» (primarios)[54]. Факт незаурядный, свидетельствующий о немалой силе антов. Равенство в титулатуре Винитара и главы антов говорит о том же. В различных копиях[55] иордановской рукописи имя «короля» антов имеет три формы: Boz, Booz, Box. Как отметил Моммзен, «z» в конце слова означает слабый «s»[56]. Он же указал на возможную связь иордановского антропонима Boz (Booz) и сербского имени Божо – «Božo, a bogŭ (deus) derivato»[57], что, как нам кажется, послужило основанием для Е.Ч.Скрижинской в ее известном переводе труда Иордана величать антского «рекса» Божем[58]. Однако, если следовать точному смыслу рассуждений Моммзена, то Boz читается как Бос, что совпадает с приведенными ранее фонемами из македонского региона Балканского полуострова[59]. Думается, что встречаемая в рукописях форма Box – Бокс, Богс – наиболее близка к славянскому оригиналу. Еще П.Шафарик обратил внимание, что в сочинении Географа Равеннского (VII в.) речь идет о реке Bagossola[60]. Константин Багрянородный в X в. пишет о р.Бог (точнее – Βογον, Bogon)[61]. Гидроним Бог был зафиксирован в ПВЛ[62]. П.Л.Маштаков сообщает, что на различных европейских картах XV–XVI вв. название реки писалось Bog, Boh, Bohus. В тексте «Путешествия Зосимы» ее обозначали как Бог, «Бъоуг» (=Бог), а в «Книге Большому Чертежу» – Бокг[63]. Все это позволяет звать не только реку, но и правившего на ее берегах антского рекса Богом. О том же, что название реки произошло от знаменитого и, надо полагать, долго чтимого жившими в тех краях славянами пра-

вителя, свидетельствуют и внутренняя логика онимических фактов, и карта предполагаемого расселения антов, где многие названия местности не могут быть выведены из гидронима Бог (Буг). Кроме того, если мы попытаемся этимологизировать термин Bagossola равеннского географа, то получается «Страна[64] (область) Бага». Признав случайным искажение первой гласной, получим «Страна Бога» (= река Страны Бога), что и требовалось доказать. Полученный результат позволяет признать происхождение современного города Буска от имени древнего антского предводителя. Далее, бужане могут быть названы божанами – по имени их предка, «короля» IV в., подобно тому, как вятичи от Вятко, а радимичи – от Радима. Возможна такая параллель: среди древних италийских племен были бовианы, тотемом которых был, по мнению М.А.Леви, бык (bos)[65]. Наверное, не просто бык, а бык божественный (бык-тотем) или, быть может, основатель племени носил «бычье» имя (прозвище).

Буян, вопреки мнению А.А.Потебни[66], слово исконно европейское, а не восточное (тюркское). Прав исследователь, когда говорит, что великорусский буян-торговая площадь, но буяны, вопреки мнению, располагались далеко не всегда на возвышенных местах. Правильнее говорить о буяне как о святом месте, где царил буй (= бог). Иначе говоря, буян – «площадь», где действовало особое, освященное обычаем и защищенное богом право[67]. Можно говорить о языческом буе как покровителе торговли, богатства. Если же признать взаимосвязь теонимов буй (бой) и бог, то мы получим одну из сакральных функций древнеславянского бога – он покровитель богатства. У западных славян слова бог и хлеб употреблялись как синонимы[68]. Несомненно, для земледельцев хлеб был символом богатства. Этим коррелируется и функция восточнославянского Дажьбога – дающий блага, достаток, т.е. тоже богатства. Если представить, что на берегах Буга земледелие давало зажиточную жизнь, то имя антского рекса имеет адекватное социальному бытию сакральное содержание.

Критика концепции Потебни требует определенных оговорок. Он недооценил глубокой древности, сакрального смысла лексемы буян (боян, буй, бой)[69]. Христианская революция в сфере общественного мировоззрения не могла не снизить, материализовать многие сокровенно духовные, святые понятия дохристианской

жизни. Тексты, сгруппированные в известных «Материалах...» И.И.Срезневского[70], показывают исторический процесс снижения менталитета слова «буй».

В приводимом палеолингвистом отрывке «Повести временных лет» (6604 г.): «Олег же въсприимъ смысл буи и словеса величава» – «буи» и «величава», на наш взгляд, на одинаково высоком уровне значения. Речь идет о том, что Олег воспринял нечто значительное. «Смысл буи» – это, вероятно, «разум великий» или нечто подобное. Конечно, в дохристианском (языческом) понимании значительности (важности, разумности). Столь же многозначительны обращения автора «Слова о полку Игореве» к своим героям: «...буи Рюриче и Давыде», «...буи Романе и Мстиславе» или «за раны Игореве, буего Святославича». Здесь не только подчеркивание храбрости русских князей, а нечто более возвышенное, святое. Позднее слово буй, как установил Срезневский, перешло (надо думать, не без усилий со стороны христианских писателей) в антонимичную по отношению к раннему значению позицию, приобрело смысловой оттенок простоты: «буе слово» – это «простое слово». «Боуя мира избра Бог да посрами премудра». К «новому времени» лексема буй материализовалась полностью. Срезневский пишет: «Буй ныне в Псковской губернии пустое место около церкви в ограде». Может быть, здесь когда-то, под защитой церковной святости, проходил в определенные дни торг? Или это была уступка «двоеверным» прихожанам? На русском Севере, по мнению Срезневского, «буево» – кладбище, «буйвище» – место, где было кладбище, – связь слова с дохристианской, «нечистой», силой довольно заметна. Языческий менталитет родственных бую лексем баяние, боян, бай (бой) еще очевидней. В «Изборнике» Святослава (1073) можно прочесть: «Не боуди бая, ни съмывая сна...», «Да не боудеть в Израили... баяи и дивы твораи» и т.п. Срезневский утверждает, что одно из значений слова баяние — «ворожба» (incantatio). После победы христианства значение слова упало до унизительного, насмешливого уровня: баяние – «байка», «басня».

Если высказанные здесь соображения верны, то следует полагать, что легендарный певец Боян, известный «Слову о полку Игореве», носил «священное» в пространстве языческого менталитета имя. Фольклорный «кот-баюн» также имеет сакральные

языческие корни. Возникает возможность раскрыть первоначальный, исходный (сакральный) смысл сословного термина «боярин», антропонима «Слова» Буй-тур Всеволод[71].

В известной книге Константина Багрянородного (949 г.) содержатся сведения, что сербы пришли на Балканы в 634-638 гг. из страны, расположенной к северу от территории, занятой аварами («за турками»). Эта родная сербам страна соседствует с землями язычников-хорватов – «белыми хорватами», а также с Францией? Константин приводит название сербского отечества – Бойки (Βοϊκι – Boiki)[72]. П.И.Шафарик сто пятьдесят лет тому назад выдвинул гипотезу, что «бойки» – это не топоним, а название жившего в его время (и живущего сейчас на юге Львовской области) в Карпатах небольшого народа, и сделал вывод, что сербы пришли на Балканы из Прикарпатья. «Мы не боимся, вместе с Добровским, вопреки общему мнению новейших историков объявить хорватов и сербов вышедшими из Восточной Галиции и Владимирского края (т.е. Новгород-Владимирского – Е.К.), или, впоследствии, Червоной (Красной) Руси, но отнюдь не из Чехии и Лужицы»[73]. Точка зрения Шафарика о прикарпатской родине сербов была поддержана М.С.Дриновым[74]. Шафарик попытался этимологизировать этноним бойки, выводя его из русского прилагательного «бойкий»[75]. П.Наумович связывает имя народа с мужественным и пылким характером карпатских горцев и отмечает, что их отряды австрийские военачальники считали нужным ставить в первой линии боевых порядков армии[76]. Высказывались и иные, порой прямо противоположные мнения: по суждению Потебни, «бойки» – от глагола «бояться». В 1975 г. Л.М.Худаш была высказана точка зрения, что этническое имя бойки и украинская фамилия Бойко имеет общее происхождение[77]. Фамилии Бойчук, Бойко связывал с этнонимом Б.О.Унбегаун[78]. Из текста Худаш можно узнать, что свое имя бойки получили от вождя Боя, что оно возникло в результате «укорочения» (усечения) «праславянских» составных имен Бойслав, Боймир[79]; последнее замечание представляется нам неточным: Бойслав, Боймир от Боя, а не наоборот. Первое же заслуживает самого пристального внимания. Если имя Бой – инвариант Боза (=Божа=Бога), то этноним бойки, равно как бужане, связан с антским вождем IV в. Такая фонетическая инвариантность воз-

можна. Например, кельтское племя, жившее в разные временные отрезки на побережье Бискайского залива фиксировалось источниками то как «боги» – отсюда Богемия, то как «бои» (Байонна), «боиварии» (Бавария). «Русский» остров на Балтике проходит в источниках как Руген (Рюген) и Руяна; его жители соответственно – «ругане» («ружане») или «руяне».

Можно сделать некоторые наблюдения над балканскими онимиконами, подтверждающие эту мысль. Известна славянская р.Босна (от нее – область Босния) и речка Бойна, а рядом с речкой – город Бойон (бассейн р.Струма). «Житие Св.Деметрия» знает, среди других, славянские племенные группы войничей, баюнитов (бойничей, баюнитов). Среди первых правителей сербов был Воислав (Боислав)[80].

В заключение, некоторые соображения по поводу одной концепции О.Н.Трубачева. На одной из страниц своего труда «Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования» он пишет: «...принадлежность теонимов *stribogъ и *da(dj)-bogъ к **культурным инновациям** славян, а не к индоевропейским архаизмам явствует из их современности интенсивным иранским культурно-лингвистическим влияниям, которые нельзя датировать старше скифской эпохи (VII–V вв. до н.э.)... их образование близко ко времени расцвета соответствующей развитой славянской антропонимии типа *bogu-xvalъ, *bogo-danъ... благодаря четкому выявлению иранских в последней можно в известном смысле **датировать** первую» (выделено мною – Е.К.)[81].

Приведенный здесь материал позволяет объяснить появление первичного компонента bog в славянском без «иранских влияний», а, следовательно, учитывая мнение Трубачева о центрально-европейском регионе формирования языка и культуры древнейших славян, возможно предположить заимствование теонима из италийских (менее вероятно кельтских) наречий в более раннюю эпоху, чем VII-V вв. до н.э. При признании заимствования нельзя не высказать и другое мнение: теоним был первичен, а антропонимы типа Богухвал, Бог[о]дан и т.п. вторичны, возникли значительно позже внедрения в лексико-культурную славянскую среду теонимического понятия (сама сложная конструкция антропонимов свидетельствует в пользу этого). Если вождь антов – Бокс, Бог или Бус, то, на наш взгляд, ближайшие ему языковые

параллели на Востоке отнюдь не иранские, а греческие, в частности – Боспор.

Трубачев отмечает: «... личное имя короля антов гех Boz у Иордана (обычно читают Бож, 'божий') отражает раннеславянское *vožь или *vožь, русск. народ вож (калька гех = вож), книжн. вождь»[82].

Хочется сказать «наоборот»: вож отражает зеркально более древнее индоевропейское (европейское) boz (во-).

Хольдер отмечает, что bo/bh – формант bōs и дает перечень древнейших индоевропейских форм: латинская – bos, bus, оскская -fs, -ss, умбрская -s, -ss, древнеиталийская (uritalisch) – *fos, древнеиндийская – bhyas, авестинская – byo[83]. Взгляды Хольдера подтверждаются материалами известного словаря И.Покорного о лексеме bha и образованных от нее bhos, bhas[84].

Адам Бременский сообщает немаловажный факт: граница между саксами и славянами к северу от Эльбы на каком-то участке проходила по берегу ручейка, который славяне называли Boize[85], т.е. Бойци[й] – Бойцкий-Божий. Может быть, этот, ныне стертый рубеж славянского мира и следует считать для тех далеких времен «западным» или «северо-западным» «Бугом» славянского мира. Существование такого водоема помогает осознать тесную связь онимической лексики древних славян со «священными именами», возникшими в Европе, без участия культурно-языковых традиций кочевников причерноморских степей.

Примечания

1. *Приходнюк О.М.* Славянское население Юго-Восточной Европы V-VII вв. (пеньковская культура). Автореферат диссертации на соискание уч. степени доктора исторических наук. Киев. 1985. С.30.
2. Там же. С.30.
3. Подробнее об историографии пеньковской культуры смотри цитируемый автореферат. – С.9.
4. Там же. С.29.
5. Там же. С.31.
6. Летопись по лаврентьевскому списку. СПб. 1872. С.12.
7. *Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» (доклад по этногенезу славян XII.43. Москва). // Советская этнография. 1947. VI-VII. С.78.

8. *Крипьякевич П.* Галицько-Волинське князівство. Київ. 1984. С.62. (прим.).
9. *Дашкевич Н.* Болоховская земля и ее значение в русской истории. Эпизод из истории Южной Руси в XIII–XIV столетиях. Киев. 1876. С.16-17. Автор выражает благодарность И.В.Кутакову, указавшему на содержащиеся в книге Н.Дашкевича топонимические материалы.
10. Там же. С.18.
11. *Молчановский Н.* Очерк известий о Подольской земле до 1434 года. Киев. 1885. С.127.
12. Там же. С.155,187,235,238.
13. Установил Н.Молчановский. – Ук.соч. С.131,127 и др.
14. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Часть первая. Доисторическое время Руси. М., 1908. С.165.
15. *Молчановский Н.* Ук. соч. С.124. См. также С.128-129, 71 (прим.1) и др.
16. *Руссов С.* Волынские Записки. СПб., 1809. С.11 (прим.«Л»).
17. Wörterbuch der russischen Gewassenamen, herausgegeben von Max Vasmer. B.I. Lieserung 2. Berlin-Wisbaden, 1961. S.326.
18. *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М. 1988. С.30. Географический словарь западнославянских и южнославянских земель и прилежащих стран, составленный Яковом Головацким. Вильно. 1884. С.35,36,37 и др. Сравни: *Молчановский Н.* Ук. соч. С.124. В.П.Нерознак указал топонимы с префиксом от корня «буг», «буж», в частности – Добуж к северу от Славгорода, Побужье на северо-восток от Вятки (Брянщина), Прибуж и др. Все – в 400-500 км от Ю.Буга (Ук.соч. С.31). «Словник староукраїнськоі мови XIV-XV ст.» (Т. I. Київ. 1977) фиксирует: Боище (вблизи Васлуй), Божещи (у Сучавы) на территории Молдови, «Божовский став» (Подолия) и др. – С.107, 109, 127 и др.
19. *Трусман Ю.Ю.* Этимология местных названий Витебской губернии. Ревель. 1897. С.24. Любопытно, что таких топонимов нет на Псковщине. – *Трусман Ю.Ю.* Этимология местных названий Псковского уезда. Ревель. 1887.
20. *Hey.* S.46; *Trautmann.* T.I. S.57,66,109,125,147,159.
21. *Vasmer.* Die Slaven. S.43, 185, 199, 208 ,232, 255 und anders.
22. *Алексеев С.Л.* Лазарь Богша – мастер-ювелир XII в. // Советская этнография. 1957. № 3.
23. *Забелин И.Е.* Ук.соч. С.403.
24. Украинская Советская Энциклопедия. Т.1. Киев. 1978. С.506-507.

25. Русский биографический словарь. Т.2. СПб. 1889. С.168.

26. Как сообщил нам в письме научный сотрудник института археологии АН СССР И.Гавритухин, «на очерченной территории отсутствуют более-менее значительные скопления раннеславянских памятников. Ближайшие массивы зафиксированы в районе г.Житомира – на восток, в Черновицкой обл. – на юг, хотя, конечно, это может отражать степень сохранности или уровень исследованности памятников (сравним – под Житомиром долго работала Русанова, на Буковине – четверть века Тимощук). Тем не менее, как-то археологически подтвердить реальность выделенных зон нельзя». Однако, на взгляд автора данной работы, обнадеживает отмеченное в письме Гавритухина существование «городища» Зимно (зимнее) – «на реке Луга, правом притоке Зап.Буга (к с.-з. от зоны «А» – Е.К.). Нижний горизонт памятника – раннеславянский слой, который можно... отнести к VI – началу VII вв. ...» (Цит. фрагмент письма И.Гавритухина, находящегося в личном архиве автора работы).

27. *Трубачев О.Н.* Названия рек правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968. С.250,188. Трубачев имел в виду статью А.Соболевского: *Soboleyskij A.* Einige Hypotesen über der Sprache der Skythen und Sarmaten. – Archiv für Slavische Philologie. B. 27. S.243.

28. *Масенко А.Т.* Гидронимія східного Поділля, Київ, 1979. С.63; Rozwadowski J. Studia nad nazwami wód slowiańskich. Krakow. 1948. С.238-241.

29. *Нерознак В.П.* Ук.соч. С.30-31.

30. Поэтично об этом рассказано в очерках Сергея Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила» (Русская мифология). // Литературная Россия. 1991. № 4.

31. *Holder.* I. S.453, 454, 462, 495, 500, 501, 629, 644, 996, 997 usw. А.Хольдер черпает материал чаще всего из «Корпуса латинских надписей» – CJL (в частности – vol. VII. S.1336).

32. *Förstemann.* I. Erste Hälfte. S.508, 509, 510, 521, 522, 543, 547, 550, 611.

33. Хольдер указал такое написание – BΘ9 (III. S.972). Композит свойственен лепонтийскому языку – setupokios, anokopokios (Алфавит этрусский). // *Королев А.А.* Древнейшие памятники ирландского языка. М. 1984. С.122.

34. См. Приложение 1.

35. *Антонова Е.В.* К реконструкции мировосприятия неолитических обитателей Анатолии (на материалах Чатал Хююка). (Идеологические представления древнейших обществ. Конференция. Тезисы докладов. М. 1980. С.53); *Маркевич В.И.* Новые данные о трипольских верованиях по материалам Молдавии (там же. С.85); *Курочкин Г.Н.* К реконструкции идеологических представлений населения Ирана предахеменидского времени (там же. С.80).

36. *Толстой И.И.* Статьи о фольклоре. М.1966. С. 22-23. О современных «бычьих» ритуалах и символах на русском севере: *Жарников С.В.* Обрядовые функции древнерусского женского народного костюма. Вологда. 1991. С.25-27.

37. *Holder.* I. S. 453,462-463 usw; Förstemann. S.508,509,522,611 usw. *Штаерман Е.М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М. 1961. С.207.

38. *Королев А.А.* Древнейшие памятники... С.68,121,122.

39. *Saxo.* 1931. P.27.

40. Friesche Naamlijst. S.43.

41. *Holder.* I.S. 462: «...Adbogius..., Tubogius, Bogionius nach Stokes vielleicht verwandt mit Slaw. bogй...»

42. *Mikloschich F.* Die Bildung der slavischen Personen-und-Ortsnamen (III. Abhadlugen), Heidelberg. 1927. S.33.

43. Использовались Ф.Миклошичем богатейшие материалы, которые содержит многотомный «Codex diplomaticus Poloniae» // Studio et opera L.Rzysczewski et A.Muczkowski (vols.I, II, III. 1847-1888).

44. *Mikloschich F.* Die Bildung... S.33.

45. *Huitfeldt Arild.* Dänmarks Riges Krönike. Chronologia. Fro Knud VI til Erik Glipping. 1600. // Facis.: Köbenhavn. 1977. S.17.

46. *Vasmer.* Die Slaven. Wörterregister. S.342.

47. *Срезневский.* I. С.139, 141.

48. *Маштаков П.Л.* Список рек... С.39; ПСРЛ. Т.2. М., 1962. С.799; Chronica oder historische Beschreibung der Stadt Wien. Franckfurt am Mayn. 1692. S.108, 109

49. *Горпинич В.О., Лобода В.В., Масенко Л.Т.* Власні назви і відтапонімі утворення Інгуло-Бузького Межиріччя. Київ. 1976. С.176.

50. *Маштаков П.Л.* Список рек... С.27; *Горпинич В.О., Лобода В.В., Масенко Л.Т.* Власні назви... С.176; Масенко Л.Т. Гидронимія... С.21.

51. *Потебня А.А.* Этимологические заметки... // Русский филологический вестник. Т.6. № 3. Варшава. 1881. С.145,146; *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. Очерки этнической истории. М., 1992. С.48; Новгородские летописи (II и III). СПб. 1879. С.84,97,327,335 и др.; Новгородская летопись по Синодальному списку. СПб. 1888. С.307, 322 и др.; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С.91,97,340, 458.

52. *Förstemann.* II. Erste Hälfte. S.510.

53. *Трубачев О.Н.* Название рек... С.250.

54. *Jordan.* – MGH. AA.T.V, Pars prior. P.20.

55. Копий насчитывают, как минимум, 12. – *Korkkanen J.* The Peoples of Hermanic Jordanes Getica 116. Helsinki. 1975. P.9,10,18 etc.

56. *Jordan.* Index Personarum. P.121.

57. Ib.

58. Мы не ставим под сомнение правомерность перевода Е.Ч.Скрижинской, но думаем, что ее трактовка не бесспорна.

59. О связях восточных и южных славян и возможности маятниковой миграции написано уже достаточно много. Сошлемся на исследование *Дринова М.С.* Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873. С.151 и след.

60. Первая гласная, несомненно, искажена. Правильно – «о».

61. Комментарии: *Трубачев О.Н.* Названия... С.258; *Масенко Л.Г.* Гидронимія... С.62.

62. Летопись по лаврентьевскому списку. СПб. 1872. С.241,344.

63. *Маштаков П.Л.* Список... С.33.

64. Sola от лат. solum – страна, область, край и т.п.

65. *Levi M.A.* Italia antica. Milano. 1872. P.21-22 etc. Этот фрагмент книги М.А.Леви был пересказан Е.М.Штаерман в книге «Социальные основы религии древнего Рима» (М., 1978. С.31).

66. *Потебня А.А.* Этимологические заметки... С.415.

67. Освящение рыночных и ярмарочных мест было широко распространено в Зап.Европе. На ярмарках (базарах и т.п.) действовал особый суд, с особыми правовыми нормами. В центре базарной (ярмарочной) площади ставился священный символ, часто – крест.

68. *Горяев Н.В.* (Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис. 1896. С. 11) пишет: «... польск. bože – жито, чеш. zbož и белорус. боже – хлеб».

69. Поэтому нет оснований отвергать семантический анализ Потебни таких славянских слов, зафиксированных в памятниках христианской поры, как «буйна гора», «лют буен огонь» и др.

70. *Срезневский.* I. С.46, 191. В сочинении В.П.Строговой (Как говорят в Новгородском крае. Новгород. 1991. С.16-17) отмеченная Срезневским тенденция получила свое подтверждение. Тем не менее, воспоминания о «святом» смысле слова сохраняются до сих пор. Один из информаторов исследовательницы сообщил: «Буйвище – очень высокий холм, где летом гулянье в честь «божественного праздника»... О характере божества (святого) умалчивается. Буй – часть земли у церкви, используемая для службы («молебен на бую») и кладбища («на буевщине барин и барыня похоронены у самой церкви»).

71. Едва ли возможно ставить знак равенства между Buiturris или Buiturrus (калька – «священная башня») античной Британии и «Буй-Туром» Руси XII в., но то, что слово «буй» (bui) характеризовало не физическую, а духовную специфику персонажа, кажется вероятным.

72. Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Ch. XXXII.

73. *Шафарик П.И.* Обозрение древнейшей истории славян сербских. СПб., 1943. С.11,14. Сравни: *Шафарик П.И.* Славянские Древности. Т.II. Кн.1. С.401,431 и др.

74. *Дринов М.С.* Ук.соч. С.88-89.

75. *Шафарик П.И.* Обозрение... С.11 прим.

76. *Наумович И.* О Галицкой Руси // Славянский сборник. Т.1. СПб. 1875. С.38.

77. Бойківщина: історико-этнографічне дослідження. Київ. 1983. С.42-43.

78. *Унбегаун Б.О.* Русские фамилии. М. 1989. С.215. Перевод с лондонского издания 1972 года.

79. Бойківщина... С.44.

80. *Шафарик П.И.* Славянские древности. Т.II. Кн.1. С.370, прим.5, Его же: Обозрение древнейшей истории славян сербских...С.4 и след.

81. *Трубачев О.Н.* Этногенез... С.181.

82. Там же. С.11. Срав. С.229 прим.

83. *Holder.* I. S.511; III. S.890.

84. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. B.I. S.104.

85. *Adam.* P.63. Известны, благодаря Э.Фёрстеманну, река (речка!) Boizena в Мекленбурге и древнее, некогда укрепленное селение на ней – Boizenburg (1251 – Bocheneburg).– *Förstemann.* II. Erste Hälfte. S.521.

Очерк 2

ВЕСТГОТСКИЙ КОРОЛЬ РАДАГАЙЗ И СЛАВЯНСКИЙ БОГ РАД

Благодаря усилиям Франьо Рачки, обеспечившим публикацию в 1894 г. раннесредневекового нарратива далматинского происхождения[1] «Сплитской истории» (Historia Salonitana)[2], мир научных идей получил авторитетные свидетельства в поддержку «романтической» гипотезы первых адептов славянского «исторического» патриотизма о расселении славян на балканских землях империи вместе с готами «и в готское время» (Gothorum tempore). Авторитеты мировой исторической науки отринули «сплитскую версию», можно сказать, с порога: славянская колонизация Балкан была отодвинута на сто пятьдесят лет, на вторую половину VI в. Однако внимательный учет совокупности сведений о событиях конца IV – начала V вв., происходивших в западнобалканском регионе и на территории Италии, позволяет, как нам кажется, преодолеть критическое отношение к информации сплитского летописца.

* * *

Начать следует с изложения тех легенд, которые, изъяв из уст народной традиции, зафиксировали в строках своих сочинений основоположники сербской[3] и хорватской историографии.

Сербская «Летопись попа Дуклянина»[4] сообщает, что в годы правления в Константинополе царя Анастасия (491-518) сыновья «краля» Сенулада или, как уточнил Ф.Шишич, Свевлада (Svevladus)[5], возглавлявшие готов – «gens ferox et indomita», с севера вторглись на Балканы. Их звали Брус, Тотила и Остроил. Они завоевали разные земли, в частности Тотила воевал в Истрии, Италии, Сицилии. В информации Дуклянина ряд специалистов увидели не без основания возможность связать готско-славянское вторжение с действиями остготского «рекса» Теодориха, победителя Одоакра и основателя остготского королевства в Италии[6]. Однако эпизод с Тотилой не укладывается в эту схему. Он ведет нас от остготских к вестготским временам[7]. «Сплитская история» знает только Тотилу. Дукс (dux) Тотила действовал вместе с семью или восемью «благородными» племенами славян, пришедшими с севера «из земель Польши, которые лингонам принадлежали» (?). «Этот дукс, прежде чем войска направить в Италию, прошел, опустошая, по землям Далмации и в том числе город Салону (Сплит – Е.К.) опустошил»[8]. Сообщается придающая рассказу убедительность деталь: готский военачальник вступил во дворец «цезаря» Диоклетиана (edificium Diocletiani Cesaris), уничтожил выбитый на стене дворца титул этого императора и «partem eisdem edificii destrui fecit». Позднейшая, расширенная редакция летописи – Historia Salonitana major – уточняет, что пострадала крепость в восточной части Салоны. В «Большой Сплитской истории» дукс носит эпонимическое по своему характеру имя Гот (имя Тотила не встречается). «Дукс Гот, который стоял во главе всей Славонии, собрав большое войско конных и пеших, спустился с гор»[9], чтобы напасть на Салону. Сплитский историк подчеркивает арианство готов. Фиксирует тесное взаимодействие («смешение» – «мијешаньу», по выражению Клаича) славян и готов[10]. Все это, нам кажется, указывает на время преобладания вест-готов в западно-балканском регионе, продолжавшееся около четверти века – с момента их переселения сюда императором Феодосием (середина 80 гг. IV в.) до похода Алариха на Рим (410). Относившееся к более позднему времени (455-493) остготское влияние было относительно слабое, во всяком случае – о господстве остготов на западе Балкан невозможно говорить. Впрочем, высказанные соображения нуждаются в серьезнейшей проверке, в первую очередь, – на базе фактов, содержащихся в трудах историков более раннего, чем «Сплитская история», времени.

Среди нарративных источников ближайшей по времени написания к интересующему нас периоду является «История» Павла Орозия[11]. Он был очевидцем происходящего (умер в 417 г.). Его «История» содержит сумму фактов и оценок, которые послужили основой для позднейших трудов Аврелия Августина (начало V в.)[12], Иордана (середина VI в.)[13], Исидора Севильского[14], Павла Диакона[15]. На англосакский «Историю» перевел Альфред Великий[16].

Наверное, правильным будет сказать, что западно-европейская историческая традиция ориентирована при изображении событий римской (римско-германской) истории конца IV-начала V вв. на Павла Орозия – при определенных частного характера коррективах, конечно. Независимый рассказ дают восточноримские грекоязычные авторы – это так называемые «Excerpta» Олимпиодора[17] и «Новая история» комита Зосимы[18], время создания которых относится ко второй половине V в. (Зосима умер в 502 г.). Историки нового времени включили в круг источников уникальные «Prosperi Aquitani Chronicon», «Cassidori Chronicon»[19] и др.

Сумма содержащихся в названных источниках фактов свидетельствует, что в ближайшие годы после смерти Феодосия Великого (395 г.) традиционное для Империи соперничество правящих групп Запада и Востока локализовалось до борьбы за приграничные земли на Балканах – иллирийские провинции, но при участии нетрадиционного военно-политического фактора – вест-готов. Каждая из соперничавших «имперских сил» стремилась привлечь вест-готов на свою сторону. Вестготская же знать сумела с выгодой использовать позицию «третьей силы», поставив перед собой дерзкую задачу – ограбление богатств Италии и ее исторического центра Рима. В 400 г., когда консулами были Стилихон и Аврелиан, на север Италии вторглись две армии «варваров», ведомые двумя предводителями – «regibus», «ducibbus» – Аларихом и Радагайзом[20], которые за два-три (?) года до этого были выбраны вест-готами на место умершего Атанарика[21]. Стилихону удалось разгромить нападавших. Потерпевшие неудачу «короли» просили «мира и хлеба». Их просьбы получили благожелательный отклик. Для «прокорма» вест-готам были выделены земли на юго-западе Паннонии[22]. Тогда же или нéмного позже Стилихон заключил с ними «наступательный союз» против «восточной» Империи. Следствием этого договора явилось то, что армия Алариха ограбила «всю Грецию» и расположилась в Эпире, ожидая призыва Стилихона к совместному нападению на Иллирию с целью ее отторжения от власти Константинополя[23]. Внезапно для западно-имперского правительства, нарушая соглашение, Радагайз собрал «от Дуная и Рейна» из «галлов и германцев» «саранчеподобную толпу»[24] (Орозий называет цифру в 200000 человек, Зосима – вдвое больше)[25] и вторгся в Италию. Это

произошло в 405 г. Чтобы отразить вторжение, западно-имперское правительство мобилизовало все наличные силы, включая британские легионы. Были наняты вооруженные формирования алан, гуннов и ост-готов[26]. Отбив нападение на Флоренцию, имперские войска и их союзники окружили «толпу» Радагайза в тосканских горах (in montuosis Tuscae locis)[27], в горах близ Фьезоле (in Faesulanos montes)[28].

По свидетельству Олимпиодора, в критической ситуации «примерно двенадцать тысяч готов»[29] перешли на сторону римского военачальника и тем обеспечили ему бескровную победу[30]. Многие тысячи сдавшихся были распроданы в рабство по дешевке, а захваченный на тропе бегства Радагайз обезглавлен[31].

Разброс в оценках личности предводителя «саранчеподобной толпы» у античных историков невелик. По мнению Орозия, он «страшнейший» враг христиан и христианского Рима[32]. Ему вторит Августин: враг «Рима и римлян»[33]. Радагайз – «язычник», «исповедовавший культ идолов» (Орозий, Исидор), «почитатель демонов» (Августин). Более поздние писатели германских королевств уточняют, что он ежедневно приносил человеческие жертвы «идолам» («дьяволам»), причем предпочитал видеть в качестве жертв римлян и даже намеревался их всех уничтожить в случае победы (Павел Диакон, Альфред)[34]. Мотивы его поведения определяются тем, что он не только язычник, но и «скиф» (Scytha): «paganus et Scytha» (Орозий), «Scytha» (Иордан), «genere Scytha» (Исидор), «barbarus erat et Scytha» (Павел Диакон) и т.п. Важно то, что ни один нарратив не дает Радагайзу иной этнической характеристики, чем «скиф» (Scytha), все они однозначно описывают его менталитет как «варварский» (barbarus) и «языческий» (paganus).

Так представлена современному читателю короткая цепь исторических эпизодов первой «пятилетки» пятого века в древних нарративах. Материал источников позволяет сделать ряд вполне определенных наблюдений. В армии Радагайза вест-готы составляли меньшинство – не более 6%: 12000 из 200000 или, думается, пропорционально меньше. По своему составу воинство, предводительствуемое «паганым скифом», не германское. За это – прямое указание Зосимы на «галлов» (?), т.е. негерманцев, и косвенные свидетельства: публичные человеческие жертвоприношения; отсут-

ствие присущего германцам четкого боевого построения («толпа»). Если язычество отчуждает Радагайза только от ариан вест-готов, но не от некоторых других германских этногрупп, то сообщения о его «скифстве» и особенно «варварстве» дают основания высказать мнение, что Радагайз не был германцем. Невозможно допустить, чтобы такие германские писатели, как Исидор Севильский, Павел Диакон, Альфред Великий, следуя Орозию, пошли на фальсификацию, приписав германцу по крови, достигшему королевского достоинства, происхождение из «варваров», из «скифского рода». Латиноязычные нарративы, содержащиеся в разных сериях и в разных томах серий «Monumenta Germaniae historica», за редкими исключениями четко отличают «скифов», «Скифию» от «германцев», «Германии». Как писал Иордан: «Omnes Scythae et Germanie nationes»[35].

Возникает вопрос: если Радагайз не является германцем, то кто он? Ответить на него с помощью чисто исторических приемов невозможно. Необходимо привлечение лингвистических методик с целью установления этноязыкового облика антропонима, что равнозначно в данном случае, как нам представляется, выявлению этнической принадлежности его носителя.

Славянские ученые «романтического периода» (XIX в.) предполагали, что Радагайз – славянин. Однако их точка зрения не получила достаточной аргументации, и, пожалуй, главное: вызвала политически стимулированный гнев мощнейшей германской школы античной лингвистики (может быть, точнее сказать – «индогерманистики»). Немецкие ученые в конце XIX – начале XX вв. высказывались резко против и привели аргументы, вполне удовлетворительно на уровне тогдашней науки подтверждавшие их точку зрения и опровергавшие противную сторону[36]. Уже в 1892 г. знаменитый британский специалист Томас Ходжкин отмечал, что точка зрения о славянском происхождении предводителя «саранчеподобной толпы» совершенно отвергнута[37]. Консенсус ученых считает Радагайза готом[38].

Позднее «германскую позицию» в вопросе об этнической принадлежности Радагайза укрепил своим авторитетом М.Фасмер[39]. Однако правильность ее уже тогда оказалась поставленной под сомнение древне-кельтскими материалами Хольдера, а вскоре лингвистическими экскурсами Шёнфельда[40]. Контрверсионные

суждения и гипотезы множились с годами. Историографические итоги за длительный период были подведены Гервигом Вольфрамом. Он отметил, что «до сих пор не ясно» происхождение Радагайза и возглавленной им «саранчеподобной толпы», но «все согласились», что «ариане-готы едва ли у него служили». Воинство его было «чисто языческим». Распространено среди немецких историков мнение, к которому склоняется и сам Вольфрам, что армия Радагайза была сформирована из ост-готов, во всяком случае – преимущественно из них[41]. Сомнения Вольфрама и его современников открывают дорогу для попытки заново переосмыслить данные источников о Радагайзе и его огромной армии.

* * *

Анализ придется начать со второй составной части антропонима Radagais[us], т.е. – gais. Дело в том, что Фёрстеманн, Фасмер[42] и следовавшие в русле их идей специалисты обосновывали германскую этническую принадлежность вестготского конунга именно на основе лингвистической оценки этого композита, считая его германским *gaiza, производным от древнегерманского (and., mhd., asächs) gêr[43], и переводя на современный немецкий язык как Speer, Spie, т.е. легкое копье, дротик. Утверждая исконную «германскость» – gais и его более слабых форм: -ges, -gis[44], Фёрстеманн и Фасмер столкнулись с проблемой этимологизации двух славянских имен: упомянутого в «Истории» Агафия[45] знатного анта Дабрагеза (Δαβραγεζασ в латинской транскрипции – Dabragesas)[46] и известного по нескольким источникам[47] предводителя славянского племени, обосновавшегося в Фессалии, Велегеза (Βελεγεζασ, в латинской транскрипции – Velegesas или Belegesas). Фёрстеманн, а позднее Фасмер путем формально-лингвистических сопоставлений попытались обосновать германский облик обоих антропонимов. Belegesas, подчеркивает Фасмер, «...особенно хорошо соответствует ahd. Willigêr (т.е. «Разящее копье» – Е.К.), что было доказано Фёрстеманном»[48]. Имя Дабрагез, по суждениям Фасмера, состоит из древне-германского *darga, что на современном немецком языке значит fest, gedrungen, straitbar, т.е. нечто крепкое, сильное, готовое к удару, и еще одной, уже известной нам германской лексемы *gaiza (копье, дротик). Итак, «Dabragesas» – «der Mann mit dem tapferen Speer»

(мужчина с разящим копьем)[49]. В заключение Фасмер замечает, что оба имени – Дабрагез и Велегез – относятся к тому же онимическому ряду как «гот» Радагайз[50].

При всем уважении к искусству лингвистического анализа Фасмера (и, естественно, его предшественников) представляется, что лингвистически формализованный подход к оценке онимических форм не должен противоречить историческим фактам. А исторические факты идут вразрез с фасмеровской концепцией. Невозможно оспаривать прямое свидетельство Агафия, что Дабрагез – ант, т.е. славянин. Стало быть параллель композиту «dabra» надо искать среди славянских слов. Такой аналог давно указан и, на наш взгляд, неоспорим: «добро»[51]. Велегез – человек, давший имя славянскому племени вельгезетов (вельзетов) и существовавшему не менее 500 лет славянскому государству на юго-восточном берегу Фессалии Вельгезетия (Вельзетия), хорошо известному специалистам[52]. Подчеркнем, что антропоморфизм племенных онимов – широко распространенный обычай у древних славян. Таковы этнонимы радимичи, вятичи, бужане (?) и др. Уместно вспомнить легенду, содержащуюся в летописи попа Богухвала, о происхождении различных групп славян от сыновей Пана – Чеха, Леха, Меха. Подобные легенды существуют о происхождении словен (новгородских), киян (киевлян) и др. Схожие антропонимические факты дает и Фессалия. Доныне здесь фиксируются залив Воло, г. Волос на его берегу и расположенное на малом расстоянии от Волоса селение Велестион[53]. Все три топонима имеют достаточно очевидную связь с родоначальником вельгезетов, но не только: Велес (Волос) – имя одного из славянских божеств. Поэтому первый композит двукорневого имени славянского предводителя – теоним Велес (Волос). Явление опять-таки нередкое для славян, как и других этносов древней поры. Примером может послужить такой ряд антропонимов: Богухвал, Боз (Бож), Богдан, закрепленных христианским вероучением и сохранившихся вследствие этого в веках[54].

Выяснив славянство первого корня антропонимов Велегез и Дабрагез, мы расчистили путь к правильной интерпретации второго композита – ges и увязываемой с ним такими авторитетами, как Фасмер, более сильной формой – gais, так как проведенные наблюдения позволяют говорить, что этот композит встречается в

именах, славянская принадлежность которых достаточно четко определяется исторически. Трудность, возникшая в данный момент, состоит в логически неизбежном предположении: не было ли – ges (-gais) в антропонимах Велегез и Дабрагез заимствовано у германцев? Симбиоз разноэтнических элементов в европейских онимах разного порядка допустим логически и подтвержден отдельными фактами[55].

Чтобы выяснить этнический облик композита, необходимо обратиться к тому ключевому тексту, на основании которого доказывалось германское происхождение композита -gais (-ges). Таким текстом является сообщение в известном труде Павла Орозия (5.16.20) о событиях 101 г. до христианского летоисчисления: «Lugios et Baiorix reges in acie acciderunt, Claudicius et Caessorix capti sunt» – «Цари лугиев и байориков (боев – Е.К.) убиты в бою, Клавдик и Цезорикс (может быть – Кезорикс) были пленены». Имя Цезорикс (Кезорикс) за несколько веков до этого носил кимврский предводитель... Восстанавливая варварскую форму имени, Цейс предложил читать *Gaesorix[56]. Хольдер читает *Gaisorix (Гайзорикс). Поскольку, по мнению Хольдера и ряда германских ученых, кимвры – германское племя, то имя их вождя – германское. Следовательно, древнейший антропоним с корнем caeso (=gaiso, gaeso) – германский, сопоставимый с ahd. Gerrich и др.[57] Этот «исторический» аргумент в настоящее время выглядит не столь убедительно, как в XIX – начале XX вв., поскольку накопленные наукой данные свидетельствуют о том, что кимвры – если не все, то верхний слой социума – являлись кельтами. Чисто лингвистический анализ также заставляет Хольдера сделать немаловажную оговорку: оним «...in gallische Uniforming überliefert», т.е. имя «передано в галльской стандартной форме». Из сжатой формулировки Хольдера непонятно, все ли имя имеет кельтскую «униформу» или только вторая часть -rix. Оценивая антропоним *Gais [o-n], австрийский исследователь полагает, что его использовали и кельты, и германцы. Более определенное мнение высказал Шёнфельд; «... ученые полагают, что имя является кельтизированным готским Gaisareiks, ahd. Gêrrih и идентично также Gaisoricus. Но столь же возможно, что германский король носил исконно кельтское имя, так как обе части его имени являются известными кельтскими словами»[58]. Немецкий специа-

лист считает Gais[o], Gais[io] кельтскими именами. В другом месте Шёнфельд считает gaes[um] кельтско-латинской лексемой[59]. Последнее замечание указывает правильное направление в исследовании.

Известные сейчас историко-лингвистические материалы заставляют включить онимы с корнем gais в галльско-римскую культурную традицию. Происхождение имен с этим корнем – результат социальной практики тесно взаимодействующих римской (или шире италийской) и галльской (предальпийской и заальпийской) культур. Тит Ливий (340 г. до ХЛ) свидетельствует: «легковооруженными воинами зовутся те, что носят такое легкое копье и дротик» (...qui hastam tantam gaesoque gerant). Вергилий подтверждает, что gaesa – метательное копье у галлов. Варрон поясняет: «gesa – выдумка галльской молодежи». Тексты различных рукописей Варрона и Сервия (Servius), сопоставленные Хольдером, показывают, что gaesa-cesa (геза – цеза – кеза) – фонетические варианты одной лексемы, сильная форма которой gais [o-n][60]. Античные писатели предлагают такое разъяснение: «pilum proprium est hasta Romana, ut gaesa Gallorum, sarisse Makedonum», причем галльское метательное копье «gaesa» в различных копиях рукописи передается и другим набором фонетических знаков: gesa, gaesa, cesa, caeso[61]. Исходной для всех этих фонем является исконно галльское *gaiso (ghaiso), означавшее особым способом сконструированное («выдуманное») легкое метательное копье, принятое на вооружение молодыми кельтскими воинами. По точному замечанию Хольдера: «...ghaiso-n, основа ghaiso, из галльского переходит в латинское gaesum»[62]. Однако это «неодушевленное понятие» как в его галльском, так и латинском варианте вошло в онимическую часть лексикона у латинизировавшихся галльских этнических групп, равно как и в среде взаимодействовавших с ними на разных уровнях и при различных условиях уроженцев Аппенинского полуострова. Благодаря Хольдеру известно, что продуктивность форманта гайз (gais) и его слабых форм была весьма высока. Существовали личные имена мужские: Gaiso[n], Gaisio[n], Gaisorios, Gesoris, Gesorius, Gesatus, Gesoriacus, Caesorius, Caesarius, Caesarus–и женские: Gesa, Gesara, Congesa, Octogesa, Caesilla, Casaria etc.[63] Птолемей пишет о городе Гезодунон (Γησοδουνον – Gesodunon), о «Поле Цезаря»

(Καισαρομαγος – Caesaromagus) в земле белловаков, где теперь город Бове, департамент Уаза (Ptol., 2.3.2; 2.9.4). Существовали местности Caesoriacum (ныне – Köstrich) близ Майнца и *Caesellia-cu-m на верхнем Дунае[64]. Причина такой распространенности онима кроется, нам кажется, в том, что имятворчество людей было возбуждено поражавшим воображение величием Гая Юлия Цезаря, сакрализацией потомками его когномена, превращением его в титул правителя могущественного государства. Повышение социального уровня слова вызвало изменение его смыслового значения. И если имя кимврского правителя Цезорикс (Гезорикс, Кезорикс) еще могло пониматься как «Царь-дротик» или нечто подобное, то позднейшие антропонимы содержат знак связи с сакрализованным «цезарь» («кесарь») в приобретенном значении «господин», что делало их достойными для претендовавших на высокое социальное положение личностей. Многие родители верили, что соучастие «божественного Юлия» в имени ребенка принесет тому удачу в жизни. Поэтому композит гайз (гез, цез, кез) в римском ономастиконе следует переводить как «господин»[65], быть может – «святой господин».

Можно найти и другую линию повышения социальной значимости изучаемого имени, о чем свидетельствуют в первую очередь сочинения греческих ученых. Под 182 г. до христианского летоисчисления Полибий сообщает о владыке галатов по имени Гайзоторий (Γαιζοτόριος – Gaisotorios)[66]. Страбон, рассказывая о событиях первого года ХЛ, упоминает другого важного галата. Он звался Гезаторин (Γεζατορίνος – Gesatorinus). В кодексах Феодосия и Юстиниана (V – первая половина VI вв.) также встречается неоднократно имя Гайзон (Gaisonus)[67]. О том, что имя Гайзон (Γαίσωνος) существовало в V в., свидетельствует Зосима[68]. «Gaiso vero comes», т.е. «Гайзо-граф», был отмечен Григорием Турским[69]. Сообщенные здесь факты и другие, которые содержит «Corpus inscriptionum Graecorum»[70], свидетельствуют о наличии самостоятельной кельтской традиции, поднявшей социальный статус онимикона на высший «царский» уровень. Тексты Полибия свидетельствуют, что эти и подобные им имена приобрели значение эпонимов для каких-то кельтских этнических групп (или хотя бы одного кельтского племени), обитавших некоторое время на землях по берегам верхнего или среднего (?) Дуная[71]. Если верить

Полибию, то этноним галаты иногда заменялся современниками на гайзаты (Γαισάται)[72]. Гайзаты («господа») – действительно были господами в некоторых регионах Европы[73] и в части Малой Азии. Кельтская традиция, конечно, действовала слабее имперско-цезарианской, и, тем не менее, появление в греческих документах для обозначения политического понятия «цезарь» сильной формы Καισάρ[αζ] нельзя объяснить, на наш взгляд, без воздействия галатской (или галатско-кельтской) традиции[74]. Можно предполагать, что именно греческое разговорное «кайсар[ас]» оказало влияние на готскую лексику, явившись, наряду с *gais[or], исходным материалом для позднейшего обозначения верховного правителя (императора)[75].

Онимическая практика передовой греко-римской цивилизации разными путями влияла на «варварскую» периферию. Их «короли» и приближенные к королям стали включать в свои имена и имена своих детей композит «цез-арь» («кес-арь»), т.е. gaise, gaes, gis, ges, caes, ces, в значении «господин»[76]. Так, в знатной семье, из которой вышла знаменитая династия Меровингов, появилось имя Мерогайз (Merogaisus), т.е. «господин (может быть, лучше – владыка) моря». Историческую славу приобрел и жестокий конунг вандалов Гейзерих, в латинизированной форме – Гайзерик[77] (Gaisericus)[78], или Гизерик (Gizericus)[79]. Были и другие имена такого же плана – франк Ланиогайз (Laniogaisus)[80], лангобард Винигиз (Winigisus)[81], а также Оагейз ([H]oageis), Гермегискл (Hermegisclus)[82].

Не только германцы использовали этот антропоним. Установлена его армянская форма – Kaisr[83]. Известны скиф (?) Арнигискл (Arnigisclus)[84], отец скифа Анагаста (Anagastus), и влиятельный вельможа при дворе гуннского владыки Аттилы – гунн (?) Онегез-ий (’Ονηγησίος – Onegesius)[85]. К той же «интернациональной» группе онимов следует относить и два имени балканских славян. Подставляя вместо «ges» при переводе на русский язык соответствующее понятие, получаем: Велегез (Veleges) – *Веле-[с]гес – «Велес-господин», т.е. правитель, олицетворяющий силу бога Велеса (Волоса); Дабрагез-Доброгез – «Добрый господин», «Добрый правитель» (в значении хороший, достойный, а не мягкий, слабый).

Результаты наших наблюдений над лексическим материалом источников не противоречат мнению современных лингвистов. Лексемы *gais и производных от нее нет ни в «Готском этимологическом словаре» Лемана[86], ни в древнегерманских словарях Р.Гроссе[87], Г.Еггерса[88] и др. Немаловажным аргументом против германской природы является перевод королем Альфредом Великим латинского текста Орозия на англо-саксонский. Имя вестготского конунга он записывает так: Raedgota[89] (Рыжий Гот – ?), т.е. в лексиконе германских племен, заселивших Великобританию, не было ни gais, ни ces.

Текст Альфреда подводит нас к вопросу об исторических судьбах gais и развившейся от этого корня онимической семьи. В V-VI вв. источники фиксируют факты замены (вытеснения) античного композита синонимами, которые были более адекватными этнически обусловленной языковой среде своего существования: у славян – гость (gost) и его варианты гощь (gošč), хощь (hošč)[90]; у германцев – gast (гаст). Они параллельны в смысловом отношении[91]. Поэтому этнообусловленная фонетическая специфика каждого далеко не всегда учитывалась теми, кто писал на латинском и греческом языках. Чаще, следуя, вероятно, информаторам, лучше ориентировавшимся в германских наречиях, писали gast.

Справедливость сказанного подтверждает известный текст из Менандра о после антов к аварскому кагану Межамире, сыне Идарисия, брате Келагаста. Славянство («антство») Межамира («Защита мира», т.е. общины, «общества») и Идарисия (от корня *дар-дарящего, дареного, подаренного богами – ?) не вызывает сомнений. Зато много ученых прений вызывало имя Келагаст. Первый композит имени расшифровывается по-славянски: кело=чело. Возможно, более точным является мнение, связывающее греческий формант кел- со славянским цел- (целый). В.И.Даль обратил внимание на такие значения производных: «цельный», «нравственно целый, доблестный». Указывалось на синонимичность слов целый и здоровый («цел-здоров»), «остался цел» (=здоров), «цел и невредим» (=здоров) и т.п. В. 1876 г. Потебня обосновал такую позицию: «чело – соотв. цел-» (целый-здоровый); -век – сила; следовательно, человек – обладающий полной силой. Фасмер высказал сомнение в чередовании «ч» и «ц» (чело-цело)[92]. Однако, даже если отбросить возможное «цо-

канье» в говорах ряда славянских имен, то и тогда придется учесть, что иноязычное «ц» передавалось греческими писателями как «к». Поэтому первая часть антропонима означала, наверное, «здоровый», «доблестный» или как-то похоже. Впрочем, такие рассуждения, позаимствованные из палеолингвистических штудий, имеют смысл только в том случае, если написание Менандра отражает фонетическую ситуацию после второй палатализации. Но к VI в. этот процесс коснулся далеко не всех славянских племен. Поэтому для историка правильнее считать, что в фонеме Келагаст первая часть «сохраняет праславянское состояние»[92a].

Второй композит gast (γαστ) ставит под сомнение этнопринадлежность антропонима. Возникшее противоречие логически можно разрешить, лишь признав, что греческое «гаст» – результат искажения информатором (информаторами) Менандра или им самим славянского «гост» под влиянием более привычной слуху германской фонемы. Аналогов этой языковой ситуации несколько. Так, Приск[93] называет нам среди вождей «скифов» Анагаста. Вопрос о том, к какому реально существовавшему в то время этносу принадлежал Анагаст (Αναγαστοζ – Anagastos), конкретно – к германцам или славянам, решается по-разному. Германский историк Ф.Вреде настаивает, что композит «ana» и, следовательно, весь антропоним германский[94]. Дринов, наоборот, считая имя славянским, читает Оногост (по аналогии с именем антского вождя)[95].

Феофилакт Симокатта знает славянского вождя Ардогаста[96]. Мнение о равнозначности Ардогаста и Радогаста высказывал И.Е.Забелин[97]. Примеры тождества – композитов славянского Rad и грецизированного Арб (Раб) привел Фасмер[98]. Славянство Ардогаста (Радогаста , или, точнее, Радогоста) ни исторически, ни лингвистически опровергнуть невозможно. Славянство же Радогоста утверждает славянство Радагайза, если, конечно, признать, что композит gais начала V ст. синонимичен gast конца VI в. Сумма сделанных наблюдений приводит к объяснению второй части антропонима Радагайз (Radagais[us]): -гайз (-gais) – «господин».

Связка «а» образовалась под влиянием корневого «а» в композите – gais. Примеры такой зависимости были проанализированы Шёнфельдом[99].

* * *

Этимологизация первого композита в имени Радагайз требует меньших усилий.

Исходная позиция определяется свидетельствами немецких хронистов – Титмара Мерзебургского[100] и Адама Бременского (XI в.)[101], а также продолжателя последнего – Гельмольда (XII в.)[102] – о существовании в их время на землях «западных» славян, вблизи южнобалтийского побережья, древнего и чтимого святилища божества по имени Radogast[us][103]. В XIX ст. рядом исследователей, среди них А.Ф.Гильфердинг[104], была обоснована точка зрения, что -gast немецких хронистов имеет славянский эквивалент -gost, -goščь, т.е. гость (гощь), что на современный русский язык следует переводить как «господин», может быть – «господин-защитник», «охраняющий господин»[105]. Следовательно, теоним Радогост – «Рад-господин». Что значит – rad?... Попытки связать этот композит со славянскими «рада» (совет) или «рать» и в последнем случае толковать термин функционально «бог войны» (Kriegsherr, Feldherr, Schutzherr)[106] – неудачны. Нельзя также поддержать попытку этимологизировать rad[a] или *hrada в рамках германской лексики как «быстрый», «подвижный»: quick, agil, clever[107], schnell[108]. Они не учитывают античное влияние на славянскую теонимику. Композит rad- имеет более глубокие исторические корни, чем период тесных германо-славянских взаимодействий накануне и в ходе «великого переселения народов». Следует указать на онимические аналоги славянскому rad на территории западных провинций Римской империи: Radasbona (совр. – Регенсбург), река Radantia в Баварии (теперь – Rednitz), селение Radolium в современном департаменте Сена-и-Марна (рядом с Mo), Radis (ныне – o.Pe) в департаменте Ниж. Шаранта, Radinga (ныне – Reading) на юге Англии[109]. Список можно продолжить[110]. Имяслов античных народов Средиземноморья италиков, лигуров, кельтов и др.[111], фиксированный в различных типах и формах письменной латыни, влиял и на славян, и на германцев, хотя отнюдь не в равной мере. Было отмечено, что при этих взаимодействиях латинское корневое «а» в немецких наречиях перешло в «е», а иногда (позднее?) в «i»[112]. Корневое «а» сохранилось у славян (и литовцев), а также встречается у живших по соседству со славянами и дольше других удерживавших в силу

определенных исторических условий кельтское и (позднее) кельтскоримское влияние германских этнических групп. В первую очередь имеются в виду те племена (германские и смешанные, кельтско-германские), земли которых соседствовали с Империей или на какой-то срок включались в ее пределы. Известны мужские и женские имена с корнем у фризов: Radbald (Radbod), Radboda, Radink, Rado, Rada, Radinga, Radema, Raadsma... Наряду с архаичными формами, во фризском имяслове существовали антропонимы, развившиеся по общегерманской фонетической модели: Radferd – Rathfried, Rader – Raeder, Radeke – Raethjen[113]. Нарративы содержат информацию о фризском герцоге (короле – ?) Радбоде (начало VIII в.), сохранившем верность языческим идолам, за что он был изгнан франкским королем-католиком Дагобертом III из Фризии в языческую тогда Данию[114]. По мнению В.Брауне, лексемы с корнем rad принадлежат к древнефризскому фонетическому типу[115].

Встречаются имена с корнем rad у германцев Тюрингии[116] – соседей славян[117], и лангобардов[118], контактировавших многократно со славянами, в том числе – на юго-востоке Италии (в Апулии), а также у древних франков[119]. Известно, что мажордомом Нейстрии при Хлотаре был Rado (начало VII в.). С Руаном связана деятельность святого по имени Радо[120].

Определенное количество немецких фамилий с корнем rad за период с конца XIII до начала XVII вв. было отмечено в словаре И.К.Брехенмахера[121]. Все они позднего происхождения и непосредственно не связаны с древней тео- или этнонимикой.

Отмечая все эти факты из немецкой ономастики, необходимо подчеркнуть, что они выглядят или случайными, или чужеродными для германских языков. Только в славянском мире онимический формант *rad (рад) приобрел массовое, если не сказать всеобщее, общественное признание и применение на антропо- и топонимическом уровнях. В первую очередь следует указать, что рад-(rad-) дал имя племени, зафиксированному на страницах латиноязычных памятников письменности немецких летописцев, как redarii, rhedarii, ridarii, riodarii[122]. Радари одно время господствовали в ободритском (бодричском) племенном союзе...[123] В пределах их территории не острове, спрятанном в глубине болот и окруженном глубокими водами озера, находилось

святилище божества[124]. Оно было взято и разрушено саксонскими рыцарями герцога Лотаря в 1121 г.[125] Почитание Рада-господина не локализировалось землями одной этноединицы славянского мира, а было во много раз шире, с сакральным авторитетом Радогоста соперничал среди западных славян только Свентовит, храм которого находился на о.Рана (Руяна, современный Рюген)[126]. Традиция считать Радогоста главным богом южнобалтийских славян (их называют не без основания также полабскими) сохранялась долго. В издании «Славянской хроники» Гальмольда и его продолжателя любекского аббата Арнольда[127], подготовленном на рубеже XVII – XVIII вв. Генрихом Бангертом и Иоганном Моллером (Любек, 1702) на иллюстрации к странице 126 можно видеть центральную по положению и масштабу фигуру Радогоста с орлом на голове, копьем в руке, а грудь прикрывает щит с рогатым чертом. Справа с яблоком в перстах и при красиво распущенных волнистых волосах богиня Жива – «Шива» (Siva, Sivva), слева симметричная Живе фигурка бога правосудия с необходимыми атрибутами – «Прова» (Prova, т.е. Права)[128]. Специалист более позднего времени Мартын Джункович предложил уточнение к «историческому портрету» Радогоста: на его голове восседал гусь...[129] По нашему предположению, птицей на голове божества могла быть и утка (?)[130]. Почитание Радогоста имело одним из следствий образования у южнобалтийских славян-виндов немалого числа гидро- и топонимов. Многие из них, как отметил Рейнольд Траутманн[131], сохранились и после германского завоевания и колонизации, поменяв в процессе онемечивания корневое «а» на «о» или (реже) «е». Этот языковой процесс отразился в многочисленных документах германской поры. Селение близ Старгорода, фиксированное в 1380 г. как Roddelin, в более позднее время Rödlin, – переделка древнего славянского *Radelin. *Radochlin неподалеку от Ростока превратился к концу XIV в. в Reddechlin, позднее в Reddelich. В районе Гюстова (Gustow) немецкие источники фиксировали Priberaze (1228), Přiberadze (1290) из славянского *Priberadze. Последний соотносится с чешским Přibraz. Фиксированы также Radostovo (1294, Зап.Померания), Radostovo (близ Шверина, позднее – Rastow), *Radelube (1230 г. – Rodelube). В Мекленбурге два Радегоста (1194, 1270), Radegust (1240), Radegorst (1244), а также – *Radoslav (1240 – Redszlaus),

*Gosteradz (позднее – Goseredz) и др. Известны и аналогичные по структуре гидронимы: «Radogost aqua» (1188) вблизи Щецина. В 1255 г. один из документов фиксирует этот водоем как Radegast (славянское gost переменило гласный звук на «а»). Древний Radogošč в Мекленбурге имеет аналоги с польскими ручьем, озером и деревней Rhadogaszcz. Räzsee нового времени близ Neustetten происходит от Raddatz (Radocz, 1404). Последнее, в свою очередь, связано с именем Radozce (1277)[132].

Топонимы с корнем rad, по свидетельству Траутманна, нередки в средневековых документах Бранденбурга и Померании[133].

Благодаря Хею известна значительная группа аналогов по Саксонии и смежным областям (в древности славянским). Среди них селение Radegast у Далена (beim Dahlen). В 1284 г. оно именовалось именно так, но и в 1533 г. здесь существовала пустошь, так называвшаяся. Близ Познани – Radegosz, в Чехии – Radihošt (Radhošt), в Моравии – Radhoštice и др.[134] Некоторые славянские топонимы «дожили» до XX века – Radehule на северо-западе от Дрездена, близ его городской черты, и в некотором отдалении на северо-восток Radeberg[135]. В расположенном на верхнем течении Заале Рудольштадте (Rudolstadt) надлежит разглядеть первичный славянский топоним: *Radodal (Radodaj) или что-то похожее[136].

Если попытаться расширить изученный немецкими учеными регион, то целесообразно указать, что в середине прошлого века, по свидетельству А.Ф.Гильфердинга, близ Лауенбурга на Эльбе существовало населенное славянами-виндами селение Radegast. Яков Головацкий, писавший примерно в то же время, сообщает о горе Radhošt в моравских Бескидах, селении Радгона (нем. – Radkersburg) на р.Мур в Штирии, селе Радгошь (польск. – Radgoszcz) в Тарновском уезде Галиции[137]. Для Польши уже в недалекое от нас время отмечены Радом, Радомско, Радошице (Radoszyce)[138], Радуньское озеро с вытекающей из него р.Радуня вблизи Гданьска, Радзеева (на с.-в. от Закопане) и Радостова горы, селения Радванице, Радзимин[139]. Топонимику с корнем рад- знает и восточное славянство: Белоруссия, Украина, западная часть европейской Великороссии. На р.Луге, как указал Забелин, стояли Радгощи, Радовижи[140]. В междуречье р.Явосьмы (приток р.Паши) и р.Лидь существует селение Радогоща[141]. Среди достопримечательностей Новгорода – церковь Иоанна Богослова в Радоковицах[142]. На юго-

востоке от Москвы, в преддверии знаменитых болот Мещеры, находится селение Радовица[143]. О селе Радово на Рязанщине писал в своих стихах Сергей Есенин. На Рязанщине существуют и другие топонимы интересующего нас облика. В бассейне р.Десны встречаются Радутино (выше Трубчевска), Радогощь (к югу от р.Неруссы, первое упоминание в письменном источнике 1155 г.), два селения Радицы неподалеку друг от друга к северу от г.Брянска (в бассейне р.Болва), Радомка вблизи р.Убодь, на территории современной Черниговской области. На Украине западнее Киева известен г.Радомышль. На западе Белоруссии – Радостов и Радунь, близ Минска – Радошковичи[144]. В Литве, на дороге между Паневежис и Шауляй, лежит селение Радвилишкис, т.е. селение Рада. В России также известны селения Радьковка (севернее Белгорода), Радченское (на юге современной Воронежской обл.) и много др.

Уместно сделать одно замечание географического порядка. Большинство населенных пунктов с корнем «рад»: Радостав (Полесье), Радунь (Белоруссия), Радвилишкис (Литва), Радогоща (Новгородчина), Радовица (Мещера) и др. – лежат на относительно возвышенных речных водоразделах, подобно древнему храму Радогоста, затерянному среди мекленбургских болот. Менее характерны топонимы с первокорневым «рад» по берегам рек, но опять-таки на холмах.

Южнославянский регион также дает богатый топонимический материал – это селение Радече (Radeče) восточнее столицы Словении Любляны. Севернее, в предгорьях Альп, Radovilijca. В южной части Штирии – славянонемецкий топоним Radenstein. На карте Болгарии можно найти по соседству с Перником селение Радомир. Болгарский фольклор повествует о четырех братьях и сестре, пришедших в Болгарию с р.Олга (Волга) и основавших ряд селений. Младший из братьев Радул основал село Радуил[145].

На востоке славянской Македонии существует селение Радовиш[146]. Нельзя не вспомнить «Песни западных славян» А.С.Пушкина, в частности песню «Битва у Зеницы Великой» – «Радивой поднял желтое знамя. Он идет войной на бусурмана...»[147]

В основе названных здесь и иных топонимов лежат антропонимы, как бы опосредующие связь божественных и «земных» имен. Имена с корнем рад- каталогизировались уже в XIX ст. Вот перечень, который содержит книга Хея: Radon, Radan, Rad, Raden,

Radim, Radik, Radoch, Radiš, Radca, Radoš, Radobud, Radobyl, Radibor, Radhost, Radlub, Radimir, Radoslav, Radslav, Raczlaw, Raslaus, Radwor, Nerad, Njerad. Кроме двух последних, во всех других звучит мотив радости. Например, Radobud-frohen Wesens, Radibor-Kampfesfroh, Radhost-Gastfroh, Gestiliub[148]. Несомненно, эти имена возникли в разное время и эмоциональное их наполнение было в зависимости от исторических условий различным. Но общий оптимизм бытия, связанный с именем божества, представляется более чем вероятным.

Онимическая модель: бог – человек – земля – применима и к фактам лингвистического ландшафта других славянских регионов. Отметим еще раз среди антропонимов Радима предводителя радимичей[149]. Легендарный князь Радар, если верить белорусским сказаниям, установил западную границу между «лехитскими» и восточно-славянскими племенами (Помни, ляше, па Бух наша)[149]. У поляков языческих времен существовало имя Раданта. У восточных славян уже после принятия христианства бытовали имена Рад, Радило[150], Радко, Радомысл, Нерад и др. Языческий имяслов просматривается в современных русских фамилиях Радищев, Радин, Радов, Милорадов, Радченко и др. Не исчезли и имена, в частности – Радислав[151].

Благодаря Венелину мы имеем богатый онимический материал по нижнедунайскому бассейну, территории современной Румынии[152]. Хотя документы несут даты XIV-XVII вв. (от последнего столетия – большинство), их более древнее дохристианское происхождение не может быть оспорено. Из «Сербского Пременика», хранящегося в Митрополичьей библиотеке г.Бухарест, Ю.Венелиным извлечены следующие мужские имена: Радован, Радослав, Радич, Радул, Радивой, Радой, Радена, Раден, Радман, Радомил, Радун, Радош, Радан, Радек, Радомир, Радашин, Радонец, Радоша, фиксированы и женские: Рада, Радоница, Радоша, Радова, Радоя, Радомира. Имя Радоня прилагалось к мужчинам и женщинам. Интересно, что в некоторых именах коренное «д» видоизменялось – Рашко, Райко, или оказалось потеряно – Раян, Раяк (*Ра[д]ян, *Ра[д]як). В другом поминальнике (помянике) из Бухарестской митрополии исследователь обнаружил имена мужчин: Рад, Радул, Радослав, Радивое, а также женщин: Рада, Радослава[153]. Даже в XVII в. многие знатные люди Валахии и Молдавии

находили возможным носить языческие славянские имена. Так, грамота, датированная 11 январем 1623 г., имеет подпись воеводы Радула[154]. Найдены также четыре грамоты Мирчи Радуловича, документы, подписанные Радулой Радуловичем, Радулой Владовичем, Александром Радуловичем, воеводой Радулой Басарабом[155]. Среди трех дочерей Владовича одна звалась Радой[156]. Естественно предположить, что персоналии влияли на топонимику региона в то время, хотя установление здесь адекватных отношений дело будущих исследований.

Однако наиболее впечатляюще выглядят онимические находки в южной части Балкан, в исторических областях Греции – Эпире и Фессалии. Усилиями Альфреда Филлипсона[157], А.Васильева[158] и, особенно, Фасмера[159] были установлены около двух десятков топонимов. среди них 'αρδομίστα (Ardomista – Radomista), т.е. «Место Рада». Фасмер находит аналоги в Польше: Radom – и Словении: Radomlje – и считает, что все три географических названия от личного (славянского!) имени Рад[160]. Другой топоним 'αρδοσι (Ardosi – Radose) – также производное от Рад[161]. Оба тогда были расположены поблизости один от другого в округе Янины, столицы Эпира. В те годы, когда путешествовал по Греции А.Филлипсон, в северной Греции существовали селения Radoviti, Radovizi и др.[162] Radovizi, Radobuzi, Radobor, Radotin, Radovanja, Radostiva, Radovižd, Radovišt[a] – такие населенные пункты отмечены Фасмером[163]. От антропонима, точнее от теонима через сакрализованное человеческое имя, возникли, как установлено Фасмером, такие названия местностей как 'αρδογβιστα (Ardovista), 'αρτοτίνα (Artotina), 'αρδομέρι (Ardomeri), Исследователь этимологизирует их путем сравнения с такими славянскими онимами как Radovište (Радовиште), Radotino (Радотино), Radoměrjь, Radomir (Радомерж, Радомир) и т.п.[164] Такая масса топонимов на территории Греции, особенно в Эпире, является бесспорным свидетельством не только существования здесь славянского населения, но и почтения славян к антропониму Рад[165]. Естественно, невозможно связать напрямую эти селения со славянами, входившими в вестготскую политическую структуру в начале V в., и с Радагайзом, но в равной степени нет и бесспорных аргументов против такого соединения. Корректно предположение, что вдовы и дети бойцов армии Радагайза остались жить в Эпире после

гибели их мужей и отцов и составили наиболее ранний (если не единственный) массив славянских селений. Здесь поле для будущих исследований, не в последнюю очередь археологических. Сейчас же важен необходимый минимум, а именно: rad – тео-и-антропонимический формант, принадлежавший древним славянам. Он широко использовался в социо-культурной практике языческой поры, в том числе и теми славянами, которые селились на Балканах, особенно – на территории северной Греции.

Разнообразный онимический материал дал основу для исторической оценки форманта рад (rad). Фасмер в одной из ранних работ указывал, что названия немецких селений на датском острове Лолланн Reviae, Revitse происходят от славянского топонима *Radovice, и этим фактом (в цепи других) подтверждал существование в древности славянских поселений на датском архипелаге[166].

Безоговорочно признавали славянство форманта Франц фон Миклошич[167], Хей и Траутманн. Важно отметить, что исследователь готского словаря Леман считал, что готы заимствовали у славян формант *radi, raditi[168].

Следует попытаться найти обоснованные причины столь широкого распространения среди различных групп славян – от Балтики до южных пределов Балкан – этой короткой фонемы. Здесь предмет для детальных исследований историков религии и палеолингвистов. Пока они не осуществлены, приходится на сегодняшний день ограничиться гипотезой о влиянии на сакральные функции Рад[огост]а широко распространенного в странах Средиземноморья античной поры культа Радаманта (Радаманфа)[169]. В пользу этого говорят как некоторые письменные свидетельства, так и этнографические. Согласно описанию Адама Бременского, в озерном храме радарей золотой (? – золоченый) идол Радогоста покоился на ложе, окрашенном пурпуром[170]. И ложе, и пурпур – атрибуты греко-римских храмовых ритуалов.

Праздник «радуница» вошел в народный календарь[171]. С ним смирилась православная церковь. И сейчас, через тысячу лет после крещения восточных славян, праздник отмечается миллионами жителей России, Украины, Белоруссии. Само содержание ритуала, пришедшего из глубокой древности, весьма примечательно. Смысл обрядов радуницы в поминовении и прославлении

предков. Они выражают живую, непосредственную связь живущих с прошлыми поколениями. Они призваны внести праздничный элемент в «загробное» существование усопших родственников. Функция радуницы, а, стало быть, и освятившего ее Рада, если не адекватна, то близка древнегреческому божеству Радаманту, связывавшему нить земного пути человека с его судьбой в потустороннем мире. Не случайно появление скульптурного изображения птицы – утки (или гуся) – на голове идола Рад[огост]а. Славянский, в том числе – русский, фольклор дает немало фактов посредничества «серых гусей», «гусей-лебедей» между миром людей и иным миром («светом»).

Рад – божество, связанное не с хозяйственной жизнью, а с социальными, родовыми отношениями у древних славян. А раз так, то возникает проблема общего и отличного между двумя теонимами – Рад и Род. Взаимодействие между ними несомненно, но глубинная диалектика такого взаимодействия остается нераскрытой. Здесь пространство для исследовательских поисков и наблюдений. Что касается фонетического аспекта, то корневое «а» и «о» в славянских языках весьма близки – поэтому письменная их фиксация не отличалась строгостью. М.Мейе в свое время отметил, что «...в общеславянскую эпоху между «о» и «а» не было глубокого различия в тембре». Срезневский в текстах древнерусских письменных памятников обнаружил немало лексем, где вместо привычной для читателей близких к нам времен буквы «о» писался знак «а»[172]. Среди этих памятников: «Слово о Законе и Благодати» Илариона (пораждать), в «Изборнике» Святослава 1076 г.[173], в служебных минеях конца XI – начала XII вв. (ражати, ражание, раждание), у Даниила Заточника (ражают) и др. В более поздней «Рязанской кормчей» (1284) один из разделов имеет такой заголовок: «О женах творящих блуд и юумирающих ражающаяся в них младенца»[174]. Архаичное употребление корневого «а» для XIX в. было отмечено В.И.Далем[175]. Наблюдения могут быть умножены, но для насущных задач данной работы их вполне достаточно. Рад и Род – онимы-двойники. Их тесное взаимодействие несомненно. Можно ставить вопрос о их тождестве, но для этого надо прояснить, как в сознании древних славян соединялись и различались весенние и осенние «родительские» дни: радуница и родительская («Дмитриева») суббота.

* * *

Изучение онимикона Радагайз подтверждает нарративные материалы. Теперь с большей долей уверенности можно говорить, что вест-готы на Балканах не были одноэтническим политическим образованием. В него входили на каких-то уровнях подчинения чуждые вест-готам родоплеменные группы, в том числе – славяне. Воспользовавшись ослаблением потомственных вест-готов в военных событиях конца IV в., подчиненная им «саранчеподобная» многоэтническая толпа поставила рядом с «благородным» Аларихом, власть которого освятила арианская церковь, своего «короля» – «скифа» (славянина). Подтверждая гипотезу А.Ф.Гильфердинга, следует еще раз подчеркнуть, что полиэтничность была характерна не только для готов. Она свойственна и другим аналогичным политическим образованиям. Известно, что в Причерноморье, наряду с готами (вместе с ними), пришли герулы. Уже во время их пребывания на берегах Черного моря наблюдатели (в частности – Забелин) отмечали ряд несомненных славянских черт их быта (в частности – погребальный обряд). Пройдут века и, вернувшись к берегам Балтики , герулы получат новый этноним «гаволяне», т.е. живущие по р.Гаволь, причем их включение в состав западных славян (ободритское политическое образование) и этническое родство с другими родо-племенными славянскими группировками южнобалтийского региона ни у кого из писателей тех лет (преимущественно – немцев) не будет вызывать сомнений[176]. А ведь герулы теснейшим образом связаны с ругами (=русами). Их передвижения проходили параллельно и в тесном взаимодействии. В эпоху великого переселения народов, можно предположить, руги, подобно герулам, если не целиком, то в значительной степени ославянились, но не потеряли первоначального племенного названия, явно не славянского. Наконец, не здесь ли ключ к загадке вандалов, которые в одних исторических памятниках относятся к германцам, в других – к славянам. Если исходить из посылки, что готы, герулы, русы, вандалы могли быть полиэтническими политическими образованиями, германо-славянскими – по преимуществу, то это меняет подход к проблеме прародины славян, заставляет отказаться от поисков ее в припятских болотах, настойчиво подталкивает к тому, чтобы вести

розыскания среди племенных и иного рода политических образований Центральной Европы. Открываются перспективы и для изучения процессов возникновения и становления различных групп славянства, в особенности – славянства восточного.

В заключении заметим, что обычай выбора двух «королей» (вождей?) в этнически неоднородных государственных организмах соответствует хорошо известной в странах Средиземноморья древней традиции (Спарта, Рим). Может быть, за четверть века до похода Радагайза на Рим, когда, обосновавшись на нижнем Дунае (в Мезии), готы выбрали двух «королей» – Фридигерна и Атанарика (Атарика)[177], они имели в союзе с собой славян?

Примечания

1. Полное название издания: *Thomas Archidiaconus.* Historia Salonitana. // Scriptores rerum croaticarum. Том III. 1894. Ф.Рачки (1828-1894) не дожил до выхода в свет этого издания. См.: *Флоринский Т.Д.* Жизнь и труды d-га Фр. Рачкаго, первого председателя Юго-Славянской академии. Киев. 1895.

2. В данной работе было использовано следующее издание: *Клаић Н.* Historia Salonitana major. // Cpncka akademjija nauki и уметности. Monographies. T.CCCXIX. Београд. 1967. В прим. 23 Н.Клаич цитирует текст «Historia Salonitana» (p.7), имеющий ключевое значение.

3. См.: *Банашевић Н.* Летопис попа Дукльанина и народна преданьа. Београд. 1971. С.50-51.

4. Летопис попа Дукльанина и народна преданьа. Увод, перевод и коментар *Славко Мијушковић.* Титоград. 1967.

5. Уточнение Шишича (*Банашевић Н.* Летопис ... С.50-51) важно тем, что раскрывает языческий славянский облик имени легендарного «готского» владыки – «святой владыка». Некоторые историки (Мишич) видят в имени Свевлада искаженное *Всевлад, Всеволод.

6. *Rus J.* Kralji dinastije Svevladičev najstar ejsi skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454-614. Ljubljana. 1931. S.33. Критические замечания в адрес Йоже Руса см. у Николы Радойчича (О најтамнијем одељку Барског родослова. Цетиње. 1951).

7. Имя вестготского правителя Тотилы было хорошо известно византийским и германо-латинским историческим сочинениям.

8. «Dux ipse, antequam arma inferret Italiae, per partes Dalmaciae vastando transiuit, Salonem urbem ex parte vastavit», – цит. по *Клаић Н.* Historia... P.89.

9. «Dux Gothus, quit toti proerat Sclavoniae, coadunato magno exersitu equitum peditumque descendit de montibus». – Цит. по *Knauh H.* Historia... P.89.

10. *Knauh H.* Historia... P.89, note 399.

11. *Orosius*, ch VII. Павел Орозий писал по свежим следам событий: где-то между 410-417 гг.

12. *Augustinus Aurelius.* De civitate Dei. V.I. Recognoverit B.Dombart. Lipsae. 1908. P.235. (V.23).

13. Jordanis Romana. P.40, 41.

14. Jsidori Junioris episcopi Hispalensis Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum ad a.624. – MGH. AA. T.XI. Chronica minora. Fasc.II. Rec. Th.Mommsen. Berolini. 1894. P.272. Ср.: Jsidori Junioris episcopi Hispalensis Chronica majora. – Ib. P.468ff.

15. Pauli Diaconi de Gestis Romanorum. Разные издания. Было использовано также издание: Pauli Diaconi de Gestis Romanorum libro octo ad Eutropij historiam additi. Paris, Apud Simonen Colinaem, 1531. P.9-10.

16. An English Translation of King Alfred's Anglo-Saxon Version of Historian Orosius. // The Whole Works of King Alfred the Great. Ed. *J.Bosworth*. V.II. L.1858 (reprtint – N.Y. 1969). P.197 (Book VI. Ch.37); Anglo-Saxon Version from the Historian Orosius. By Aelfred Great. L. 1773. P.238.

17. Olimpiodoro Excerpta // Corpus scriptorum historiae Byzantiae. Ed. *B.G.Niebuhr*. Pars I.Bonn. 1839 (далее – Excerpta). P.450.

18. Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia Nova. ed. *L.Mendelssohn*. Lipsae. 1887. P.249 (V.26.5); *Zosimos*. New History. A Translation with Commentary by *R.T.Ridley*. Published by the Australian Association for Bisantine Studies with the Assistance of a Publication's Grant from the University of Melbourne Committee on Research and Graduate Studies. Canberra. 1984 (reprint). V.26.

19. Изданы среди других «малых» исторических сочинений, представляющих галльскую историческую традицию в упоминавшейся серии «Auctores Antiquissimi. – MGH. AA. V.IX. Fasc.1.

20. Вот текст из «Cassiodori Chronicon»: «Stilichó et Aurelianus His Consulibus Gothi, Hadarico et Radagaiso regibus, ingrediuntur Italiam». В «Хрониконе Проспера Аквитанца» военачальники готов названы «dueibus». См. комментарий: *Hodgkin Th.* Italy and her Invaders. V.I. Part.2. Ox.1892. P.711.

21. После Атанарика готами управляли два короля (reges). – Jsidori Chronicon Gothorum. – MGH. AA. T.XI. Chronica minora. Fasc.II. P.166.

22. *Zosimi...* Historia nova. V.26.5.

23. После грабежа «всей Греции» Аларих остановился в Эпире, ожидая выполнения своего соглашения со Стилихионом. Последний собирался с помощью Алариха присоединить всю Иллирию к империи Гонория. пребывание в Эпире готов продолжалось около двух лет – 403-405.

24. О «саранчеподобной толпе» (Heuschreckenschwarm) см. комментарий в издании: *Wolfram H.*Geschichte der Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte der sechsten Jahrhuderts. Entwurf einer historischen Ethnographie. München. 1980 (zweite Auflage). S.302.

25. *Orosius*, VII. 37.5-9; *Zosimi...* Historia Nova. V.26.5.

26. *Orosius*, VII. 37.8; «adsunt Uldin et Sarus, Hunorum et Gothorum duces, praesidio Romanorum». О привлечении алан и гуннов сообщает Зосима, но он молчит об Остготах. Текст Орозия воспроизводит Иордан (41.14). В «Галльской хронике» под 405 г. записано: «Huldin et Sarus Hunnorum et Gothorum reges Radagaisum continuo devicerunt», т.е. «Ульдин и Сар», цари гуннов и готов, тогда победили Радагайза». – Chronica Minora. T.IX. Fasc.1. P.209.

27. *Isidori...* Historia... P.273.

28. *Orosius*, VII. 37.8-9.

29. О двенадцати тысяч готов у Радагайза свидетельствует также Павел Диакон (Romana. VIII).

30. Олимпиодор подчеркивает, что это были «первые, лучшие готы». – Excerpta. P.450.

31. *Orosius.* VII. 37. Сравни тексты «Romana» Иордана и Павла Диакона. В одной из «малых хроник» сообщается, что Радагайз был у ворот Флоренции 10 сентября 405 года «capite truncatus». – MGH. AA. V. IX. Fasc.1. P.249.

32. *Orosius.* VII. 37.

33. *Augustinus.* De civitate... P.235-6 (V.23).

34. Вот отрывок из текста Альфреда Великого: «...Радагайз оставался язычником и ежедневно совершал жертвоприношения идолам посредством убийства мужчин и был особенно доволен, если они были римлянами» (VI, 37).

35. MGH. AA. T.V. Pars prior. P.89.

36. Подытожил усилия индогерманистов двухтомный труд Эрнста Фёрстеманна. См. «Список сокращений».

37. *Hodgkin Th.* Italy... V.I. P.2. P.731, note 2.

38. Ib.: «Radagaisus, the Got» (p.711), «Radagaisus, the Got» (p.731).

39. *Vasmer.* Schriften. II. S.916. Данный «шрифт» является перепечаткой из «Zeitschrift für slavische Philologie». B.18. 1942. S.55-59. В

своих суждениях М.Фасмер опирается на материалы, собранные Фёрстеманном.

40. См. «Список сокращений».

41. *Wolfram H.* Geschichte der Goten... S.302.

42. *Vasmer.* Schriften. II. S.916.

43. Ib. S.916.

44. О связи -gais и -ges с полной определенностью пишет Фасмер (Ib.)

45. *Agathius.* Historia (3.21). Ed. B.G. Niebuhr. Bonn. 1828. S.186.

46. *Vasmer.* Schriften. II. S.916.

47. Речь, в первую очередь, об «Acta S.Demetri», опубликованных Минье в «Patrologia Graeca». Мы использовали отрывки текста, приведенные в книгах: *Niderle L.* Manuel... P.110; *Vasmer.* Die Slaven. S.85; idem, Schriften. S.916.

48. *Vasmer.* Schriften. S.916: «Βελεγεζαζ entspricht besonders gut einem ahd. Willigêr, daß belegt by Förstemann, altd. Namenbuch, I^2, 1598».

49. В качестве параллелей Фасмер предлагает такие: «..anord. dapr, ahd. tapfar, mhd. tapfer, mnd. Dapfer», m.e. «schwer, gewaltig, ausdavernd». – Ib.

50. Ib.: «Zum Namentipus vgl. Radagaisus «Gote», Ariogaisus «Quade», Merogaisus «Franke» u.a.»

51. Славянская точка зрения была достаточно точно воспроизведена Фасмером в «Schriften» (S.916). Топонимы с корнем «добро» были зафиксированы Траутманном у южнобалтийских славян, в Польше, Чехии. В частности, немецкие селения Dabergotz (Dobbergotz) в округе Rupin (XIV–XV вв.), Dobrogosch в округе Берент, так же как польский топоним Dobrogost или Dobrogust. Антропоним отмечен 1198 и 1400 гг. в документах Померании. – *Trautmann.* S.45.

52. Сошлемся на Л.Нидерле. – Manuel.... P.110, note 2.

53. Указанные топонимы можно найти на карте Греции. См.: Греция. Карта. Географическая справка. Указатель географических названий к карте. М. 1974. С.9.

54. Об именах, производных от синонима Рад- (Rad-), речь пойдет далее.

55. Шёнфельд (s.19) считает, что энтоним amsivarii состоит из кельтского корня *amsi и германского – varii.

56. Шёнфельд поддержал точку зрения К.Цейса. Он считает, что «...*ц* довольно часто заменяет *г*» (*c* steht für *g* wie oft er).

57. *Holder.* I.S.1520.

58. *Schönfeld.* S.59.

59. Ebenda. S.100-101.

60. Выдержки из Тита Ливия и других античных авторов, цитируемых здесь, собрал Хольдер (I.S. 1517, 1518, 1519, 1520). Предшественником Хольдера был А.Л.'Арбуа де Юбанвиль. Он отметил, что с 232 г. до Х.Л. в римское войско и римскую историю вошли воины, звавшиеся у греков Γαίσατοζ (Полибий, Страбон), а римлянами gaesati (Тит Ливий). – *L'Arbois de Jubainville H.* Les noms gaulois chez César et Hirtius de Bello Gallico. Paris. 1891. V.I. P.197.

61. *Holder.* I. S.1517-9.

62. Когномен Caesar[us] в роде Юлиев имеет, кажется, определенную этническую, «галльскую» окраску. Думается, что связь великого Гая Юлия с Галлией и его впечатляющие победы там имеют более глубокую основу, чем принято думать. Не исключено, что в когномене скрыт эзотерический смысл, выражающий связь носителя его с великим кимврским правителем более ранних времен.

63. *Holder.* I.S.679, 1512, 1514, 2015, 2016.

64. Ib., S.678-9.

65. Поэтому, например, Цезорий и Гезорий – синонимы и равнозначны русскому «господин». Смысл «госпожа» дают женские имена Геза, Гезара, Цезилла. Особого изучения заслуживают имена, составленные из двух композитов.

66. К.Цейс предлагает читать *Γαιζατόρινοξ. Вероятно, на латинском языке это имя точнее передать как *Gaisato-rix, что обнаруживает близость к более молодому антропониму кимврского правителя – Gaisorix.

67. Анализ названных юридических памятников см.: *Holder.* I. S.1517, 1520-1.

68. Historia nova. 2.42.5.

69. *Григорий Турский.* История франков (IX.30). Пер. *В.Д.Савуковой.* М. 1987. С.266.

70. «Корпус греческих надписей», в частности, предлагает интересный вариант имени – Гайзатодиастион (Γαίζατοσιαστιον).

71. Здесь нет места для рассмотрения научных дискуссий по поводу вопроса, существовало ли особое кельтское племя «гайзаты» (Γαιζάτοι) или нет.

72. Использовались тексты Полибия, опубликованные Хольдером (I.S.1521–1526).

73. У Плиния встречаются упоминания о племени на севере Пиренейского полуострова – Gessorienses, Gaesorienses (от личного имени Gaesorius). – *L'Arbois de Jubainville H.* Les noms... P.200; *Holder.* I.S.1514.

74. *Theophanes.* Chronographia. – CSHB. I.P.388, 568, 186 etc.

75. *Braune W.* Althochdeutsches Lesebuch. Halle. 1907. S.226: «got. – kaisar, as. – Kêsur, ags. cásere, lat. – Caesar».

76. Перечни таких имен и их этимологическую оценку можно найти в разных изданиях. Сошлемся на словарь Шёнфельда (S.28, 30, 59, 99, 183).

77. В книгах на русском языке – и это совершенно правильно – употребляется чисто германская форма Гейзерих (например, «История средних веков». Т.I. / Под ред. *С.Д.Сказкина.* М. 1977. С.72).

78. Gaisericus – калька имени жившего на полтысячи лет раньше кимвра Gaiserix, хотя вопрос, является ли это случайностью или выражением легендарной традиции, остается открытым.

79. В «Anastasii Bibliothecari Historia ecclesiastica» отмечено: «Giserícus Vandalarum imperator», – CSHB. Pars.II. P.66. См. также: Ib. Pars.I. P.145-7.

80. Holder. I.S.1520.

81. Имя Винигиз носил на рубеже VIII-IX вв. лангобардский граф Сполето. – Einhardi Annales. Ed. *G.H.Pertz.* Hannover, 1845. P.38, 48-9. Аналог Винигизу – остготский антропоним Винитарий (Vinitarius), этимологизируемый «...на германской языковой почве как '*потрошитель венедов' (при том, что король этот вошел в историю прежде всего как победитель антов)». – *Трубачев О.Н.* Этногенез. С.89 (прим.) Если Винитарий-победитель («потрошитель») венедов, то Винигиз – господин (владыка) виндов, т.е. славян.

82. *Schönfeld.* S.290, 300.

83. *Eusebii Chronicon.* Liber I. Ed. *A.Schöne.* Berlin. 1875. P.264, 295 note 3.

84. Gis – слабая форма от gais. Schönfeld. S.18, 30, 183.

85. CSHB. I.P.170, 176, 180.

86. *Lehman W.Ph.O.* Gothic Etymological Dictionary. Leiden. 1986.

87. Althochdeutsches Wörterbuch. Herausgegeben R.Grosse. B.IV (G-J). Berlin. 1987.

88. *Eggers H.* Vollständiges lateinisch-althochdeutsches Wörterbuch zur althochdeutschen Isidor-Übersetzung. – Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Sprache und Literatur. B.20. Berlin. 1960.

89. Anglo-Saxon Version from the Historian Orosius... 1773. P.238ff.

90. В польском и нижнелужицком – gošč, в верхнелужицком – hošč. – *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. М. 1959. С.153. Примеры, приведенные Срезневским, свидетельствуют, что восточные славяне пользовались формами – гость и гощь (I.C.569; II.C.1017).

91. Позднее наметился процесс, также параллельный у германцев и славян, – возможно, в связи с падением власти родоплеменной знати – постепенного снижения статуса онима: господин – важный почетный пришелец – богатый «приезжий» купец – просто пришелец (чужестранец).

92. *Menandri.* Historia. – CSHB. I.P.284. *Владимир Даль.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.IV. М. 1955. С.577; *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М. 1989. С.870. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. Окончание. М.-Л. 1949. С.61; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М. 1979. Т.IV. С.328.

92а. *Зализняк А.А.* Новгородские берестяные грамоты и проблема древних славянских диалектов... С.22; Его же. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. – *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977–1983 гг. М. 1986. С.111-119. Эта точка зрения была поддержана недавно И.А.Левинской, С.Р.Тохтасьевым в комментариях к «Истории» Агафия Миринейского // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.I. М. 1991. С.303. Названные комментаторы пишут о незавершенности палатализации в разных этнических регионах славянского «мира» к середине VI в. и даже начала VII ст. (Свод... С.302, 303).

93. CSHB. I.P.176.

94. *Wrede F.* Über die Sprache der Wandslen. Strassburg. 1886. Его точка зрения была поддержана Фасмером (I.S.916). Шёнфельд более осторожен в оценке антропонима (S.293).

95. *Дринов М.С.* Заселение... С.46, 47.

96. *Феофилакт Симокатта.* История. Пер. *С.П.Кондратьева* // Памятники средневековой истории народов Центральной Европы. М. 1957. С.35, 144, 145, 147.

97. *Забелин И.Е.* История... С.453.

98. *Vasmer.* Die Slaven. S.21, 165, 202.

99. В ониме Radigis, по мнению Шёнфельда, «i ... проявилась, очевидно, под влиянием gis» (S.30).

100. Thietmari Merseburgensis episeopi Chronicon, Ed. *R.Holtzmann* et W.Trillmich. – Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Herausgegeben von. R.Buchner. B.IX. Berlin. 1959. P.266, 268.

101. Использовалось лучшее, по нашему мнению, издание: *Adam,* 1959. P.66, 132, 157 etc.

102. *Гельмольд.* Славянская хроника. Ред. *В.Д.Королюк.* М., 1963. С.37, 73 и др.

103. Известны такие формы написания: Rjadegast, Ridegast, Riedegast. – *Žuncovič M.* Slavische Runendenkmäler. – Bibliothek «Staroslovan». B.I. Kremsier, 1913-1915. S.19, 22-3 etc. См. также: *Adam*, 1959. P.66, 157, 107 note. Особенно прим. Ф.Ф.Чана к с.207.

104. Точка зрения русских лингвистов была подтверждена позднее немецкими палеолингвистами, в частности, Траутманном (см. Список сокращений).

105. *Žuncovič* M. Slavische Runendenkmäler... S.23: «...gost = Gast, i.e. zu Beschützende; gosudar, gospod, gospodar = Herr...»

106. Возможность такой этимологии была детально обсуждена Е.Фёрстеманном. – *Förstemann*. I.S.1203-4.

107. *Žuncovič* M. Slavische Runendenkmäler... S.23.

108. Шёнфельд (S.183) отмечает: «Der Name [Radagaisus] ist also identisch mit ahd. Râtgêr, wie Förstemann 1211 flg. und Kremer PBB.7.437 meinen, da wir alsdain *Redagaisus erwarten müssen».

109. *Holder*. II.S.1070; Vasmer. Schriften. I.S.72.

110. Europa latina, oder Alphabetisches Verzeichniß der vernehmsten Landschaften, Städte, Meere, Seen, Berge und Flüsse in Europa. Quedlingburg und Blankenburg. 1785. P.168. Онимические материалы, опубликованные на страницах этого издания, были многократно преумножены в многотомном издании «Корпуса латинских надписей» (XIX–XX вв.)

111. Формант «rad» возник в глубокой древности в странах Вост. Средиземноморья и был принесен оттуда на крайний запад Европы, где вошел в теонимику лигуров, кельтов и др. См. также далее о связи rad- с теонимом Радамант.

112. Поэтому неправ Ю.Венелин, утверждавший, что «...Rudolf не есть немецкое, ни немецкого значения и происхождения, а славянское народное Радуло...» – Влахо-болгарскія или дако-славянскія грамоты... СПб. 1840. С.339-340. Имена Радуло и Рудольф связаны опосредованно – у них общий источник происхождения. Кстати, промежуточное звено между античным rad и немецким Rudolf можно найти во фризской топонимике Radulf, Radolf, Radwolf. – Friesche Woordenboek (Lexicon Frisicum). Deel.4 (B.IV): Friesche Eigennamen, bewerkt door J.Winkler. S.297.

113. Friesche Woordenboek... S.279.

114. Об этом свидетельствуют: «Vita Dagoberti III Regis Francorum». «Vita S.Lingeri» (начало VIII в.) также сообщает, что «rex Frisorum звался Radbod[us]. В «Житии» речь идет о другом знатном фризе по имени Radbrand[us]. О Радеботе писал также Фредегар (Chronica Fredegarii. Liber IV).– MGM. T.II. Ed.*B.Krusch*. P.50, 404-5, 423.

115. *Braune W.* Althochdeutsches Lesebuch... S.240.

116. Тюрингия была родиной Св. Радегунды. Radegunda принадлежала «natione barbara». Она была захвачена в плен после убийства ее отца Бертехария (Berthecharius, Bertcharus) воинами франкского короля Хлотаря. – MGM. T.II. P.365; T.I. Ed. *G.Waith*. 1883. P.111, 115, 359. Среди дуксов Тюрингии был Radulf[us], сын Chamari. – Ib. T.II. P.121, 159, 164, 169. От святой Радегунды образовались имена Gundrada, Theodrada // MGM Scriptorum. T.II. P.528.

117. В «Vita S.Sturmi» повествуется как святой, направляясь в 736 г. в Тюрингию, встретил к западу от нее, на берегу р.Фульды «magnam sclavorum multitudinem» // MGM Scriptorum. T.II. P.369. Славянские поселения в то время окружали тюрингов буквально со всех «сторон света».

118. У лангобардов известно женское имя Walderada. Павел Диакон свидетельствует, что у короля Вахи (Wachi) было три жены и три наложницы (liberi). Среди последних – Вальдерада. Если учесть, что наложницами обычно становились девушки из подвластных племен, можно думать, что она – из славян. Одна из королевских дочерей (от названной наложницы – ?) также звалась Вальдерадой // Pauli Historia Langobardum. Hannover. 1878. P.265.

119. Среди вождей древних франков (первая половина IV в.) был некий Ragaisus (Ra[d]gaisus?). Прокопий Кесарийский знает о сыне «правителя» (вождя – ?) племени варнов по имени Радигис (Radigis).– Procopii Caesarensis opera omnia. Leipzig. 1905. T.I. Ch.VIII. Варны, варины (varini) – племенная группа, родственная фризам и кимврам античности, и, подобно фризам, она подвергалась большему, чем иные германцы, римскому и кельтскому влиянию. *Schönfeld*. S.290, 257, 268. В свое время Вильгельм Обермюллер заметил, что фризы во времена Тацита были еще кельтами, точнее – кимврами. Obermüller W. Deutschkeltisches geschichtilch-geographisches Wörtebuch. B.I. Berlin, 1872. S.495.

120. MGM. II. P.142, 495.

121. Фамилий около 30. Провести их анализ в рамках данной работы невозможно. Отметим лишь, что большинство фамилий относятся к древним славянским областям.– *Brechenmacher J.K.* Etymologisches Wörtebuch der deutschen Familien. B.II. Görliz, 1847. S.365-6.

122. Сводку сведений об употреблении этнонима германскими летописцами сделал Маш А.Г. – *Masch A.G.* Beytrage zur Erläuterung der obotritischen Alterthümer. Schwerin. 1774. S.81. Маш – едва ли не первый, кто с большой настойчивостью защищал точку зрения, что антропонимы Radegast[us], Radegais[us] (Radagaisus) «...бесспорно

имеют единое происхождение» (S.26. Abm. 23) и столь же несомненно, по его мнению, что «нельзя эти имена относить к германским» (S.31. Abm.30).

123. Ebenda. S.140: «...вначале радари были мощными, но позднее ослабли...» не без воздействия целенаправленных ударов со стороны немецких рыцарей, видевших именно в этом племени основной оплот славянского сопротивления чужеземной агрессии.

124. Описания святилища были сделаны Титмаром Мерзебургским (ум. 1018) и Адамом Бременским (ум. 1076). Их анализ см. *Žuncovič* M. Slavische Runendenkmäler... S.18. В 20 гг. нашего века святилище открыли и изучили немецкие археологи.

125. О гибели храма Радогоста, пожалуй, наиболее подробно и ярко рассказано: *Jenč K.A.* Rhetra a Radegast // «Lužičan». 1864. Č.1. (Januar). C.13.

126. *Jenč K.A.* Rhetra... C.12-14.

127. Перу Арнольда принадлежит: «Helmoldi Supplementum».

128. Chronica Slavorum Helmoldi, presbyteri Bosoviensis, et Arnoldi, abbatis Lubecensis... Rec. *H.Bangertus* et J. Mollerus. Lubeck. 1702. P.126.

129. *Žuncovič* M. Slavische Runendenkmäler... S.18. М.Джункович описал славянского бога, глядя на одну из бронзовых статуэток, так называемого, «клада из Прилвитцзее». Критики датируют изготовление «Prielwitzsee Idole» 1737 или ближайшими годами. Обзор литературы вопроса: *Franz L.* Falsche Slavengötter. Eine ikonographische Studie. Leipzig. 1941. S.27, 29usw. Однако вывод автора на стр. 29, что эти идолы являются целиком «результатом антикварной учености», кажется чрезмерно категоричным. Изображение Радогоста с птицей на голове существовало ранее, о чем свидетельствуют иллюстрация к стр.126 упомянутого издания 1702 года (прим.128), а также находки археологов в радимичских курганах (прим.130). Думается, что птица, как символ Радогоста, имеет древнюю традицию.

130. Предположение основано на находках в курганах радимичей дохристианской поры (бассейн р.Десны) особых амулетов – «радимичских уточек». – *Рябинин Е.А.* Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических памятников / Под ред. Б.А.Рыбакова. Л. 1981. С.43. Таблица XXV. Естественно, у племени «Рада» (=радимичей) должны быть в обрядовой символике его атрибуты. Пятнадцать костяных и литых из бронзы уточек, найденных археологами, – символы божественного покровителя и его земного представителя – легендарного Радима, приведшего людей на заднепровские земли с западнославянских земель.

131. *Trautmann.* S.35. Имеются в виду топонимические материалы того региона, где жили ободриты в «Meklenburgisches Urkundenbuch». B.1-25. Schwerin. 1863-1936.

132. *Trautmann.* Die Slavischen Ortsnamen... S.124-5.

133. Следующие издания, использованные Траутманном, остались нам недоступными: Riedel Codex diplomaticus Branderburgensis. B. Iff. Berlin. 1836ff.; Pommersches Urkundenbuch. Dresden. 1882.

134. *Hay.* S.12, 127, 135-6.

135. Atlas zur Geschichte. Gotha-Leipzig. B.II. S.74 (E4).

136. Ebenda. Близ этого «штадта», ближе к Kahla, Хей фиксировал местность Rodias. – *Hey.* S.156.

137. *Головацкий Я.* Географический словарь... С.256.

138. Corpus iscriptionum Poloniae. T.I. Województwo Kieleckie. Red.*J.Szymańskiego.* Kielce. 1975. P.126-7, 132-3.

139. *Ланцевич М.* Физическая география Польши. М. 1959. С.67, 147, 189, 249, 256, 302.

140. *Забелин И.Е.* История... С.178.

141. Малый атлас СССР. М. 1980. С.17.

142. Каргер М.К. Новгород. М.; Л. 1970. С.173.

143. Малый атлас... С.28-29.

144. Радостов – в междуречье рек Припяти и Мухавец (восточнее Бреста), Радунь на сев.-зап. от г.Лиды, водораздел Немана и его притока Мяркиса. – Там же. С.74.

145. *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М. 1970. С.16.

146. Малый атлас мира. М. 1971. С.53-54.

147. Цитируется по еженедельнику «Русский вестник». 1994. № 15-17. С.8.

148. *Hey.* S.155.

149. *Соколова В.К.* Русские исторические предания. ... С.12. (Легенда была опубликована в жур. «Крывыч». 1923. № 3. С.3).

150. Известно, что «низовый» Городец на Волге звался в домонгольское время Городец Радилов.

151. Носитель такого имени лично известен автору работы.

152. Обращаясь к труду Ю.Венелина, необходимо напомнить некоторые его мысли, не утратившие своей актуальности. В своем «Замечании на прилагаемые здесь списки имен славянских у дунайцев» он писал: «...Списки народных имен, взятые из верных источников, суть материалы..., по которым смело можно доискиваться положений, коих часто нельзя добиться у летописцев». – «Влахоболгарскія или дакославянскія грамоты, собранныя и объясненныя

на иждевении императорской Российской Академии Юрием Венелиным». СПб. 1840. С.339.

153. Там же. С.356, 357, 347-8.

154. Там же. С.111.

155. Там же. С.9, 18, 22, 26, 95, 163, 250, 253, 256, 286, 290 и др.

156. Там же. С.133.

157. Нам был доступно лишь одно издание: *Pillipson A.* Thessalien und Epirus Reisen und Forschungen im hördlichen Griechenland. Berlin. 1897. S.201, 258, 279, 286, 321, 332f, 340 etc.

158. *Васильев А.* Славяне в Греции // Византийский временник. Т.V (1898). С.404, 626 и след.

159. *Vasmer.* Die Slaven. S.11, 19, 21, 48, 49, 165, 202.

160. Ebenda.

161. Ebenda.

162. *Pillipson A.* Thessalien und Epirus... S.201, 279, 988. Филлипсон отметил топонимы Radolarien (S.321, 377), Radiolites (S.258, 344).

163. *Vasmer.* Die Slaven. S.48, 49, 165.

164. Ebenda. S.165, 202.

165. Уважение сохранилось до сих пор – достаточно познакомиться с действующим именником сербских имен.

166. *Vasmer.* Westslaven auf den danischen Inseln. – Schriften. II. S.632.

167. *Mikloschich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen mit Berücksichtung der anderen indogermanischen Sprachen und Dialekte... Amsterdam. 1970. S.272; idem. Die Bildung der slavischen Personen-Ortsnamen. Heidelberg. 1927. S.90-91.

168. *Lehman W.Ph.* A Gothic Etymological Dictionary... P.580. 1986.

169. Почитание Радаманта возникло на Крите где-то за пределами первого тысячелетия до начала христианского летоисчисления. Функцией Радаманта являлась связь мира живых с миром мертвых. – *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. Перевод под редакцией *А.А.Тахо-Годи.* М.1992. С.88, 153, 228, 230, 241, 305, 464.

170. Описание святилища содержится в сочинении Адама Бременского.

171. См. Приложение 2.

172. Напомним, что корневое «а» в латинском композите Rad – в греческих источниках в таком же композите передавалось буквой «о»: *Ροδ – Olimpiodoro Excerpta... P.450; Zosimi... Historia nova. V.26.

173. «Не перестаетъ оум, зълы помыслы ражая». – Фраза взята Срезневским из издания этого юридического памятника, осуществленного В.Шимановским (Варшава, 1894).

174. *Срезневский.* III. С.16. Сравни данные на С.12, 133, 134 данного тома.

175. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.IV. М. 1955. С.9: «Слон слона раждает (или родит...), комар – комара». «Завтра месяц раждается».

176. В «Хронике славян» Гельмольд и его продолжатель Арнольд, опираясь на примечание к тексту Адама Бременского, считают, что славяне-гаволяне – потомки (частичные) ассимилированных герулов: «Heruli, vel Heveldi, qui sunt juxta Habolem fluvium (герулы или гевельды, т.е. гаволяне, которые находятся у реки Гаволь). Chronica Slavorum Helmoldi... et Arnoldi... 1702. P.6, 35(a). Оговоримся, что известный исследователь истории германских племен эпохи великого переселения народов Раппопорт считал позицию средневековых писателей «неосновательной (unhaltbar), но «основательных» аргументов в пользу иной точки зрения не привел.

177. Isidori... historia... MGH. AA. T.XI. P.270. Сравни этого же автора «Chronica minora» (Ib. P.468).

Очерк 3

БИТВА ПРИ БРАВАЛЛЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТА СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ VIII в.

«Деяния данов» (Gesta Danorum) Саксона Грамматика (1158-1220) – сочинение, достаточно хорошо известное широкому кругу специалистов. Немало исследований посвятили ученые «Деяниям...», особенно их первым девяти «легендарным» книгам[1]. Однако богатейший материал Саксона еще не получил достаточно полного и системного освещения в плане историко-географическом, или, что, наверное, важнее, историко-этно-географическом. Отчасти это можно объяснить уникальностью многих сведений, содержащихся в первой девятикнижной части труда датского историка, отсутствием возможности проверить приводимые Саксоном факты по другим источникам. Даже хронологически упорядочить материал девятикнижия далеко не всегда удается. Но для решения важных историко-этнологических проблем европейского Севера (в том числе «русской проблемы») сведения Саксона совершенно необходимы – никакими иными письменными источниками их нельзя заменить. Поэтому внимательное изучение первой, «легендарной», части «Деяний...» является хотя и архитрудной, но почетной задачей.

Знакомство с девятью «легендарными» книгами «Деяний данов» Саксона позволяет утверждать, что, невзирая на мифологическую «беллетризацию», здесь можно найти немало добротных и полезных для науки фактов. «Ключевой» для историка, несомненно, послужит восьмая глава, содержащая описание «битвы при Бравалле» между датским королем Харальдом Хильдетандом (Hildetand) и его племянником, правившим в Швеции, Сигурдом Рингом. Во-первых, данные нарратива были частично удостоверены археологическими изысканиями, во всяком случае – относительно места боя[2]. Благодаря богатству сообщаемых на страницах конкретных антропо- и топонимических данных, сфантазировать которые невозможно, как невозможно найти у Саксона какие-либо субъективные причины, побудившие его на выдумку 162(!) имен участников битвы[3] и десятков топонимов, текст в глазах любого непредвзято настроенного человека вызывает интуитивное чувство доверия. Именно данные Саксона о Бравалле более других доступны проверке: о Бравалле и ее героях встречаются сведения в сагах; назовем «Фрагмент саги» (Sögubrot of Fornkonungum), где также приводится длинный список участвовавших в бравалльском сражении бойцов (правда, заметно короче, чем у Саксона, – ровно 100[4]). Все это позволяет сделать умозаключение, что битва при Бравалле – реальное историческое событие, причем одно из важнейших в истории северной части Европы в раннее средневековье – в «довикинговский» период.

Труднее определить время битвы – не точную дату, а хотя бы хронологический период, в который она «имела место быть». Мнения специалистов колеблются в пределах трех столетий – с конца V до конца VIII вв. Ученые старого времени (XIX-начало XX вв.) полагали, что битва имела место в 740 г. или около этого, но в пределах VIII ст. В последних работах наметилась тенденция относить бравалльское сражение к более раннему периоду[5]. Однако в пользу конца VIII в. говорят родословия некоторых персонажей знаменитой «Саги о Ньяле» (Njala Saga), именно жителей Исландии – Хескульда и жены Гудмунда Могучего Торлауг. Мать Хескульда Торгерд и Торлауг связаны с Сигурдом Рингом через его сына Рагнара Кожаные Штаны. Если считать Сигурда – первым поколением, то эти женщины будут восьмыми. В первом случае: Сигурд – Рагнар – Сигурд (Змеиный глаз) – Тора (дочь последнего) – Ингьяльд – Олав Торстейн – Торгерд. Во втором: Сигурд – Рагнар – Бьерн (Железный Бок) – Хроальд – Бьерн (Жир в корыте) – Торд (с Мыса) – Хердис, мать Торлауг. Хескульд и его брат Хруг общались с норвежским конунгом Харальдом Серый Плащ (ок. 960-965гг.) Восемь поколений – это не свыше двухсот лет, т.е. 60-70 гг. VIII в. Известно также, что Рагнар Кожаные Штаны жил в IX ст.; воевал в Англии. Следовательно, источники указывают на VIII ст., точнее его третью четверть[6]. Нам представляется более оправданной относительно поздняя датировка: логика известных науке исторических фактов под-

сказывает, что бравалльское сражение произошло за два-три десятилетия до первых «массированных» вторжений викингов в Англию (имеется в виду нападение на монастырь о.Линдисфарн 792 г.) и другие европейские страны. Привлекательной выглядит гипотеза, что именно битва при Бравалле отдала Скандинавию в руки наиболее агрессивной части феодализирующейся знати, которая увлекла молодежь на манящую блеском благородных металлов дорогу широких заморских авантюр.

Однако прежде, чем выносить вердикт об исторической значимости битвы при Бравалле, необходимо рассмотреть ту первичную информацию, которую содержит источник: имена воинов и их предков, прозвища бойцов – почетные, насмешливые, уничижительные. Саксон, как и саги, нередко указывает этническую принадлежность воинов, место их бытования и др. Встречаются эпонимы. Среди топо- и этнонимов «Деяний саксов» нет искусственных («выдуманных»), для которых нельзя было бы найти достоверной историко-географической привязки или убедительной историко-этнографической интерпретации. Исключение составляет топоним Фуле (Thule) – Ближнее и Дальнее. Общий фонд «имен» – личных, географических, этнических – превышает цифру двести. Для обработки этого массива одним из необходимых методов является картографирование, позволяющее не только привязать «именной» материал к местности, но и уточнить этнические характеристики некоторых антропонимов.

Из двух противостоящих армий – датского конунга Харальда и его шведского противника Сигурда – ономастика последней поддается анализу значительно легче. Ее открывают ближайшие дружинные командиры: Ульф, Агги, Виндер, он же Эйвинд (Wynder, Eywynd), Егиль Одноглазый, Готар, Хильди, Гути Альфонс (Guti Alfons), Стур Сильный. Поскольку нет указания на их местожительство, следует предположить, что они обитали вместе с конунгом. Ring латинизированное скандинавское слово Hring'r, в последнем специалисты усматривают указание на область северо-западнее современного Осло. К ближайшему кругу Сигурда относятся Толо по прозвищу Камень, который живет на озере Венерн (Wienica palus), Герд Отважный, Гломер, иначе – Глум из Вермланда. Эти воины открывают длинный список уроженцев исторических областей Швеции и Норвегии – Готланда, Гислаmарки, Телламарки, Вика (Южная Норвегия), Ятрена, Согна, Фиалера, Моринга, Тронхейма[7]. Они дали Рингу 60 именитых бойцов. Кроме того, славились доблестью Грим из г.Скиерум (близ Таллемарки), Альф Гордый из округа Упсала, нотариус из г.Сигтуна Сигмунд, Харальд из деревни Тотни (Thothi, Toten am Njosen See.), к северу от позднейшей Христиании. Но сильнейшими воинами почитались уроженцы исконно шведских областей Арвакки (Arwakki), Кеклю (Keklu), «крестьянин из селения Акр», Крок (Krok), Гудфаст (Gudfast) и Карл (Karl)[8]. Среди антропонимов привлекает внимание, живущий в Ятране Англ (Angle), Одд (Odd), Гунн (Gunn), Ринг (Ring) – сын Атилы (Athylas), Свено (Sweno) и упоминавшийся уже Виндер. Изучение их – дело будущего. Сейчас важно подчеркнуть, что шведы и норвежцы составляли подавляющую массу бойцов Сигурда. Это дало основание Саксону утверждать, что, в отличие от неприятеля, шведы при Бравалле «должны были сражаться за свою свободу, за свою страну и за своих детей»[9]. Оценка датского историка нуждается, однако, в серьезных оговорках. В армии Ринга, наряду со скандинавами, сражались жители континентальной Европы. Среди «героев» было упомянуто двенадцать саксов-нордальбингов, т.е. живущих к северу от Эльбы: Саксон (Saxo) Заноза, Трондар (Throndar) Большой нос, Рокар (Rokar) Черный и др.

Другим, еще более важным, чем саксы-нордальбинги, был воинский контингент, «привезенный» на кораблях «морских конунгов» Балтийского моря. Его возглавил Оле (Ole), которому подчинялось еще много вожаков. О пятерых из них сказать нечего[10], но двое заслуживают внимания. Это – Сивальд, пришедший с одиннадцатью «легкими» кораблями, и Регнальд, русский, которого Саксон считает внуком Радбарда (... Regnaldus Rutenus, Rathbarthi nepos). Во «Фрагменте» (Sögubrot) этот человек характеризуется как «самый сильный боец» (Kappa mestr), но нет упоминания о его этнической принадлежности. В саге отсутствуют указания на то, что имена Регнальд и Радбард обозначают разных, хотя и связанных родством людей. Более того, как настаивают Х.Е.Давидсон и П.Фишер,– это «альтернативные» имена одного и того же человека. Комментаторы полагают, что Саксон неверно перевел отрывок из «Sögubrot», переделав слово «knefi», «главное орудие в популярной настольной игре» (the main plaintpiece in a

popular board game), в латинское «nepos» (внук)[11]. В исландском языке одно из значений «knefi» – кулак (силач?). Поэтому возможен такой перевод: «... Регнальд высокий, иначе Рыжая Борода – силач, из всех бойцов сильнейший». Связь «русского» викинга и Оле многозначительна. Добавим, что Оле и Регнальд-русский возглавили центральную колонну войск Сигурда, по преимуществу шведсконорвежскую.

Следом за подчиненными Оле Саксоном были названы независимые морские конунги: Эрик «Хельсинг» (Erik Helsing)[12], нос корабля которого был украшен драконом, Триггир (Trigger, Trigve) и Торвилл (Torvill) на двенадцати кораблях, а также «завоеватель паннонцев» Лези (Laesy), парус которого обрамляла золотая полоса. Здесь возникает вопрос о «паннонцах». Едва ли морской конунг завоевал лежащую в центре материка Паннонию. Речь должна идти о выходцах из этого региона, поселившихся где-то на балтийских берегах. Комментаторы с определенной долей достоверности сопоставляют этноним (паннонцы) с этнонимом «гунны» (Эльтон), также не чуждым южной или юго-восточной (?) Прибалтике, иногда в паннонцах видят «скандинавских финнов», т.е. лапландцев (Цейс, Мюлленхоф), хотя последняя гипотеза, наверное, менее продуктивна.

С викингами связано появление на поле Браваллы многочисленных отрядов куршей и эстов: из них были сформированы обе фланговые колонны армии Сигурда. Думается, что корабли викингов сыграли важную, если не исключительную, роль в их переброске через Балтику.

Саксон сообщает о присутствии в войске Ринга выходца из Туле – некоего Мара. Ни одна из саг подобной информации не содержит. Поэтому мнение комментаторов о том, что появление выходца из Туле в «Деяниях...» – результат позднейшей интерполяции либо самого Саксона, либо одного из его источников, выглядит весьма убедительным. Судя по всему, интерполятором руководило желание придать бравалльской битве предельно «глобальный масштаб» (в тогдашнем скандинавском понимании этих слов). Иначе трудно объяснить, почему датский историк в своей книге допускает бросающуюся в глаза симметрию: если на стороне Сигурда сражается выходец из Фуле (ближнего) упомянутый Мар, то в войске его противника находился другой представитель Фуле

(дальнего?) Харальд Слепой. Известно, что одно время Фуле именовалась Исландия (открыта в 860 г.); когда же была открыта Гренландия (877 г.), географы стали именовать этот остров Фуле Дальним, а к Исландии применялось название Фуле Ближнего. Но отрицая версию об интерполяции, тем не менее, уместно заметить, что топоним Фуле существовал и в раннем средневековье. Картографы той эпохи помещали остров (острова) на своих картах к северу или северо-востоку от Великобритании[13]. Поэтому не исключено, что определенное время это географическое понятие могло применяться к Шетландским, Оркнейским или, может быть, Фарерским островам, на территории которых скандинавы селились издревле. Остров Фула можно и сейчас видеть на карте Шетландского архипелага.

Если основную часть войска Сигурда составляли жители шведских и норвежских областей Скандинавского полуострова, то состав армии Харальда отличался большой пестротой. Эта армия собиралась на о.Зеландия, близ расположенного в центре острова укрепления Лейр (Leyre, Lethre) к западу от современного Роскильда, где была резиденция Харальда, а также в проливе Эресунн между Зеландией и Скандинавией. Сошедшихся в водах пролива судов было так много, что из них навели мост, по которому воины Хильдетанда перешли на скандинавский берег.

Неудивительно, что Зеландия, соседние острова Фюн, Лоланн, Ютландский полуостров и лежащая на восток от Эресунна на Южной оконечности Скандинавии область Скания были представлены в воинстве датского короля. Свейн, Самбар, Амбар Элби (Elbi, Elli), Сальгарт (Salgarthus), Роэ Длиннобородый – ближайший («лейрский») круг Хильдетанда. Вслед за ними идут имена Рати (Rati) с о.Фюн и жителей Скании: Скалка, Альфа – сына Агги, Альвира Широкого, Гнепия (Gnepia) Старого и Гарта (Gardh, Garthar), основателя города Стенг (Стенгбю). Затем в «Деяниях...» называются обитатели Лейра: Хортар (Hortar, Hiort), Борни (Brony, Borgar), Бельги и др., а также прибывшие на кораблях в Лейр (из ближайших местностей – ?) и прекрасно вооруженные Торинг, Торвинг, Татар, Хиальто (Hialto). Во многом, однако, облик войска Харальда определялся, и это четко сознает Саксон, не датчанами...

Датского короля поддерживали 7000 саксов с южного берега Эльбы. Лучшим его бойцом был фриз Юббе (Ubbe) или Юббо (Ubbo), женатый на сестре Харальда, а также Орм (Orm) из Англии и Брат (Brat), которого Саксон называет ютом. Все эти три имени встречаются и в сагах.. Так, во «Фрагменте» встречается Ormr Enski, что соответствует информации Саксона. Нельзя не согласиться с мнением комментаторов, что Орм (Ормр) «английский» – выходец из кельтской части населения этой страны. В определении места обитания Брата налицо расхождения между датским историком и «Фрагментом», называющим этого воина выходцем из Ирландии, причем комментаторы единодушно поддерживают версию более древней саги: «Bratr Irski» правильнее, чем «Brat Jutus». Судя по всему, вопрос о «Брате Юте» (Брате Ирландце) нельзя признать закрытым. Наряду с Ирландией и Англией, во «Фрагменте» упомянут в связи с разделом победителями добычи Нортумберленд (Nardimbraland).

У Харальда было, судя по всему, немало славян с южных берегов Балтики. Саксон использует для их описания этноним «sclavi», а «Фрагмент...» – «Uindr», т.е. «винды», «венеды». Информация обоих источников позволяет говорить о трех смешанных германо-славянских отрядах. Во главе каждого были женщины. Хете (Hetha) и Висне (Wisna) датский писатель приписывает герцогское достоинство. Они правят областью Шлезвиг. Имена этих двух предводительниц являются исконно фризскими (хотя несколько искаженными при переводе на латинский язык). Каждое из этих имен имеет во фризском по нескольку вариантов Wysny, Wisma, Wiisma, Wissinga, Wissink, Weisma; Hette, Het, Hethiama. и др.[14] Рискнем утверждать, что накануне сражения при Бравалле Шлезвиг был фризским, точнее фризско-славянским при политическом приоритете первых. Можно объяснить, почему в Шлезвиге было две герцогини. Одна из них, Висна, правила в г.Шле, расположенном на северном берегу одноименной реки. А вторую надо связывать с другим торговым центром, формировавшимся напротив первого, на южном берегу реки: Hedeby, Heddeby. Известный норвежец Оттар, посетивший этот порт в годы правления Альфреда Великого и рассказавший англо-саксонскому монарху о своем плавании, называет его «Haethum». Перевод «Haethum», «Hedeby» – «порт на вересковой пустоши». Так

что в имени герцогини можно видеть указание на место ее правления, но не исключено, что здесь просто игра слов: «heath, heth» означает также «вереск», «цвток вереска». Третья – Вебьорг (Webiorg) не обладала столь высокой знатностью, но воинская доблесть ее была не меньшей. Все три «девственницы» (Саксон) сыграли заметную роль в битве. Хета несла перед войском датское королевское знамя, впереди нее шли только берсейкеры. Победа над храбро бившейся Висной (Висмой) удалась лишь лучшему бойцу шведов Старкаду, отрубившему ей руку...

Саксон дает описание ряда воинов дружин, возглавляемых воинственными женщинами. По его словам, за Вебьорг «... в воинственной страсти следовали Бо (Bo), сын Брами (Brami)[15], и ют Брат. За ними поспешали англичанин Орм, фриз Юббе, «презревший смерть» Ари, Альф, Гётар (Götar). После них двигались толстяк Даль (Dal) и Дюк Славянин (Duc Sclavinus) [16]. Duc на русский переводится обычно как «герцог». При таком переводе выявляется общественный ранг человека, который был не ниже, чем у Хеты или Висны... Однако не исключено, что слово «Дюк» использовалось в то время славянами в качестве имени собственного. В такой форме оно бытует в славянском фольклоре. Былины о Дюке «Степановиче» бытовали в Прионежье, и в 1871 г. запись была осуществлена А.Ф.Гильфердингом. Записывали их и более поздние фольклорные экспедиции на русский север. Тексты былины были также записаны в Сибири, несомненно – от переселенцев с европейской равнины, Киршею Даниловым. В одном из древнейших текстов можно прочесть, что «молоды Дюк», «боярский сын», прибыл на Русь, к киевскому князю Владимиру «из-за моря, из-за синева, из славна Волынца, красна Галичья, из тое Корелы богаты»[17]. «Волынец», «Волынь-город» фигурирует во множестве других записей, реже упоминаются, но всегда в связи с «Волынь-городом» – «Галичи», «Галици», «Галичья земля», то ли «богатая», то ли «проклятая». Наряду с Галичью, а в некоторых записях вместо нее сказители называли «Индию»: «Индею» «богатую»[18]. Фольклористы зачастую полагают, что Дюк заявился в Киев из соседней Галицко-Волынской земли. Это распространенное мнение не учитывает, во-первых, отдаленности от древнерусской столицы «родины» Дюка, а, во-вторых, «заморское» положение Волынь-Города, на близость его к Кореле «упрямой»,

«Корельской земле». Хочется предложить альтернативную гипотезу: Дюк – уроженец Волынь-города балтийского (Волина), лежащего при устье Одры на острове, который в древности мог иметь названия «Галици», «Галичи», (сейчас – о.Волин). Если это так, тогда «Индея» – это переосмысленное немецкое «Виндея», земля виндов (прибалтийских славян). Представляется правомерным утверждать, что Саксон был первым, кто зафиксировал у славян имя Дюк.

Отметим, что фамилия Дюков встречается у русских в настоящее время.

Имя «Dal» – также заслуживает внимания. Оно принадлежит к кельтскому (ирландо-шотландскому – «Q-Celtic», «Goidelic») имяслову. А.А.Королев приводит надпись на камне, найденном под г.Корк: «Dalagni maqi Dali», т.е. «камень Далагнов сыновей Даля»[19]. В Шотландии была, по свидетельству Беды Достопочтенного, область Дальриада (Dalriada), основанная в конце V в. переселенцами с Зеленого острова[20], Эпоним Гётар (Götar) т.е. «из гетов», «гет», не поддается локализации. На основании исследования Джен Лик[21] можно утверждать, что место обитания одного «из гетов» надлежит искать не в Скандинавии, а на прибрежьях западно-германского моря. Переведя «Церковную историю...» Беды с латинского на саксонский (англо-саксонский) язык, Альфред Великий заменяет латинское обозначение этнонима «юты» на «геты»:»В Англию пришли они от трех народов, которые сильнейшие в Германии, т.е. от саксов, англов, гетов. От гетского рода жители Кента и уайтцы, т.е. те, кто населяют остров Уайт». – «Common hi op thrim folcum tham strangestan Germaniae, thaet of Seaxum and of Angle, and of Geatum. Of Geata fruman syndon Cantware and Wihtsaetan, that is seo theod the Wiht thae Ealand oneardath»[22].

Этот текст Альфреда Великого является уникальным. Во всех других сочинениях англо-саксонского времени фигурирует этноним «юты». Тем не менее, объяснять текст Альфреда ошибкой было бы неверно. Вероятно, «геты» были либо частью племенного союза «ютов», либо следует признать соседство (или родство?) «гетов» и «ютов». Вопрос подлежит дальнейшему обсуждению.

Имя Бо – общее для кельтских и италийских языков семантически связанное с Boa, Bova, Bos... В качестве топонима Бо встречается на страницах «Корпуса латинских надписей».

Брами, точнее Брам, (Bram, Brem) также не принадлежит к германскому именнику. Известна местность такого названия в Вандее (запад современной Франции)[23].

Вместе взятые эти лингвистические наблюдения указывают на «западное» происхождение воинов из возглавляемого Вебьорг отряда.

Продолжим цитирование из Саксона: «Висна же – женщина, исполненная мужества и в высшей степени сведущая в военном деле, – собрала славянскую силу (Sclava sti peverat manus)»[24]. Главными вожаками, шедшими впереди, признавались Барри (Barri) и Гнисли[25]. Gniesly, как уже отмечали наши предшественники, – искаженное славянское слово «Kniez», «kniezly», т.е. «Князь», «из князей». Вероятно, Барри и Князь сражались, как берсейкеры, обнаженными. Иначе трудно объяснить смысл следующей фразы Саксона. Не приводя ее сложную конструкцию целиком, выделим главное: «остальные из этого ряда (стоявшего впереди Висны) прикрывали корпус щитами...» Однако, уточняет датский историк, щиты эти были «маленькими» (круглыми, «медного цвета»). Грудь и «остальные части тела» воины дружины Висны пренебрегали защищать кольчугой или другими доспехами, зато для нападения они пользовались полученными от герулов «предлинными мечами» (prelongis insibus). Среди этих смельчаков выделялись Толкар (Tolkar) и Ими (Imi). «Токи (Toki) из области Юлин с Отриком (Othrico) по прозвищу Юноша (Juvenis) также имели отличие»[26]. Эта фраза заслуживает «пословного» рассмотрения. Здесь Отрико несомненно, искаженное славянское «отрок», а «юноша» – это калька славянского слова «отрок» на латинский язык. Вероятно, славянским антропонимом является Ими, т.е. «Имя», «Человек с именем», «Именитый человек». Однако возможна и другая, резко отличающаяся от только что сделанной, трактовка Ими, как фризского антропонима. У фризов встречаются имена мужские: Yme, Ymme, Jmme и др., а также женское Yma, Jma и др.[27] Если принять вторую версию, тогда логично выявляется еще один аргумент в пользу особого фризского влияния на южнобалтийских славян. Область Юлин, Волин (в германоязычных источниках чаще – Юмна) была в раннее средневековье населена славянами. Не исключено, что германское имя Токи имело славянский альтернативный антропоним, нам неизвестный. Интересно сообщение датского историка о том, что герулы вооружили славян

своими мечами. Здесь отражен факт тесного взаимодействия германских и славянских этногрупп в южной Прибалтике[28].

Третий отряд, возглавлявшийся еще одной воинственной девственницей Хетой, включал, по информации датского историка, «храбрейших воинов», среди которых были Хунгер (Hunger), Хама (Hama), Хумбли (Humbli), Бьяри (Biari), а также ливонец Гер (Ger Livicus) или Гейр (Geir) и некий Гренцли (Grenzli). Последнее имя, надо полагать славянское: Гренцли – это искаженное «Гринь» (Гридень)[29]. Гридень, Гринь означает «воин», дружинник. Нельзя безоговорочно отнести к германским и ряд других имен: Хунгер, Хама... По свидетельству «Фрагмента», все они – берсейкеры, вступившие в битву впереди доблестной предводительницы.

Имя Гейр Ливонец, адресовавшее читателя к восточноприбалтийскому прибрежью, не было уникальным. В войско Харальда влились «знатнейшие» викинги тех мест – естественно, со своими дружинами – Хёми (Hömi), Хёзатуль (Hösathul), Хун (Hun), Хастин (Hastinus), «стройный» Хитин (Hythin) и Дагар (Дакар) Гренландец (?): «... Dahar cognomento Grenski». «Фрагмент» позволяет исправить несомненную ошибку Саксона. Дагар – не обитатель неизвестной в то время европейцам Гренландии, он – из ливов Восточной Балтики: Dagr Lifski. Можно попытаться объяснить ошибку датского историка. Не исключено, что в использованном им первоисточнике было не Grenski, а Gronski. Gronski же вызывает ассоциации с Gronlondan, т.е., как указал Маттс Дрейер, с Gwenland, Kvenland: частью западной Финляндии, примыкавшей к Ботническому заливу. Известно, что в 832 г. архиепископ Ансгар получил в диоцез такие земли: «farrie, gronlondan, helsingalondan, islandan, scridivindum», которые комментаторы связывают с такими, более известными, топонимами, как Готланд (Фарриа), Аландский архипелаг (Изилаланд, Исландан) и т.д.[30] Следовательно, Дагр, Дагар – уроженец восточных берегов Балтики, только не ясно, из какого конкретно ее региона – из западной Финляндии (Gronlondan, Kvenland) или из земель к югу от современного Финского залива.

Имя Дагр, Дагар также заслуживает внимания. В «Деяниях данов» рассказывается о Даге (Dagus) – русском царе (rex Rutenorum), управлявшем одно время областью эстиев (regimen Hestiae). Царем живших на берегах Западной Двины «геллеспонтцев»

был Даксон (Daxon, rex Hellespontici)[31]. Во всех трех случаях, а других в тексте датского писателя нет, антропоним с корнем Даг (Дак) указывает на Восточную Прибалтику. Что касается имени Хёми (Hömi), то оно дает бесспорные основания причислить его носителя к финскому племени ёмь (ямь)[32]. Заслуживает особого разговора и Хун (Hun), равно как и названный прежде Хунгер (Hunger). Не из тех ли они «паннонцев», которых завоевал примкнувший к Сигурду морской конунг Лези? Данные о том, что «гуны» (гунны), переселившись со среднедунайских равнин, обитали какое-то время на берегах Балтики, можно найти у Саксона[33], в венгерских средневековых хрониках и старогерманском фольклоре, топонимах[34]. Если верить словам английского морехода Вульфстана (IX в.), у жителей земли «видов, принадлежавшей тогда эстам»[35], что на берегах «Эстского моря» (позднее – Фришгаф), существовали некоторые гуннские обычаи: «король и богачи пьют кобылье молоко, а бедные и рабы пьют мед»; после смерти знатного мужа в его честь и ради приобретения имущества покойного устраиваются конные скачки[36]. Несомненно, эти соображения носят гипотетический характер и нуждаются в тщательной проверке. Но на данном этапе исследования достаточно четко зафиксировать факт участия в бравалльской битве различных этносов восточного прибрежья Балтики.

Подмечается некоторая закономерность в расположении Саксоном материала; сначала – бойцы острова Зеландия и окрестных земель, потом люди, пришедшие с Запада под началом Вебьорг и «заэльбские» саксы, далее – воинские контингенты балтийского южнобережья во главе с Висной (Висмой) и Хетой, затем датский историк переходит к повествованию о воинах, пришедших из Восточной Прибалтики вплоть до берегов Финского залива и дальше на север (северо-восток). Если это наше общее наблюдение верно, то тогда «Halica provincia» и «Imica regione»[37], откуда под знамена датского конунга пришло несколько отважных воинов, следует искать на берегах и островах современного Ботнического залива. По такой логике надлежит отвергнуть предлагаемое некоторыми комментаторами отождествление «провинции Алика» (Halica) с норвежским регионом Аланд, но поддержать точку зрения о связи «области Имика» с пограничным тогда Лапландии районом Умеа (Umea, Lappmark)[38].

Уточнение этой группы географических сведений Саксона Грамматика – дело будущего. Здесь необходимо как авторитетное мнение знатоков саг, так и археологические данные по Аландскому архипелагу, берегам Ботнического залива. Рискнем, тем не менее, уже сейчас высказать догадку, что латинские Halica и Imica – это искаженные фризоязычные топонимы. Действительно, на территории восточно-фризских земель, вблизи северного побережья Германии, у селения Вирдун (Wirdun), была местность, известная своим женским монастырем Аланд (Alandia – лат.). В толковом «Словаре восточно-фризского языка» можно прочесть, что «Аланд» – это двухкорневое слово, составленное из «Ä», «Аа» – вода и «land» – земля[39]. Следовательно, «Äland» («Аланд») – «морская земля», «земля в море», «острова». Топоним Аланд известен не только во Фризии. Крепость шведских викингов Зеборг (Seeborg) близ восточного берега Балтики стоял на реке Alanda – надо думать, на острове, образуемом этой рекой[40]. Обращаясь к другому слову, отметим его близость с уже упоминавшимися фризским антропонимом Ime и, что несравненно важнее, с целым рядом названий местностей в Восточной Фризии. Это – Imewyk, Imswälde (Ёmswälde) и, наконец, известная река Емс с эстуарием того же названия и городом того же корня – Emden – близ побережья этого эстуария. Ims, Ёms во всех случаях означало ограниченное водное пространство – «залив»[41]. Следовательно, р.Эмс имеет на русском языке кальку – «река залива», «река, впадающая в залив». Эмден – «город у залива», «город на заливе». Ёмсвёльд (Ёmswälde) – это «лес на заливе», «лес у залива», Imewyk – «вик-залив», «бухта с обрывистыми берегами»(?). Корень ems (ims) встречается в географических названиях за пределами Фризии. Назовем прежде всего красочно описанный в одной из саг Ёмсборг, существовавший на берегу эстуария р.Одры[42]. Jömsborg – скандинавский вариант фризского топонима, означавший «город на заливе», во всяком случае происхождение *Jöms от Ems, Ims кажется очевидным. Кроме того, до сих пор сохранилось вблизи крайней северной точки залива, отделяющего Сессекс от Гемпшира, селение Эмсворт (Emsworth), напоминающее нам далекие времена колонизации юга Британского острова выходцами с северо-германских берегов. Фризские (восточно-фризские?) топонимы оказались реконструированными Саксоном по обычным

латинским образцам. К «варварским» корням оказался приставленным для «культурного» благозвучия суффикс «ic» и управляемое окончание. Причем, если эта процедура почти не затруднила этимологию в одном случае: Im-ic-a regione – «Провинция залива», «Область залива», причем именно Ботнического залива, где, кажется, фризы были первыми из германцев, то в другом трудности преодолеваются только с помощью аналогии. Структура топонима (H)Alica представляется такой: «Ä» – вода, «l» – аббревиатура слова «land», почерпнутая Саксоном у кого-то из предшественников (или из руничной надписи), им непонятая, потому неразвернутая, и суффикс «-ic». Правильно было бы *(H)äl[and]ica. Отсюда наш перевод на русский язык латинских слов «Halica Provincia – «провинция Аланд», «Область Аланд», «Область островов», «Островная область».

Из «Деяний...» известно, что к людям «Области залива» присоединились из еще более северных районов Хаки и сыновья Бомониса – Сигмунд и Серкер[43].

Все «северяне» получали в армии Харальда самую высокую оплату. Им же предназначалась лучшая часть добычи. Только они носили оправленные золотом мечи[44]. Обобщая сведения Саксона о войске Харальда, надлежит подчеркнуть, что едва ли скандинавы составляли в ней большинство. Главную силу датский конунг имел в лице фризов Юббе и славянских «когорт» воинственных девственниц. Были у него воинские дружины из зависимых племен Восточной Балтики, но их роль едва ли была столь велика, как та, которую отвел куршам и эстам противник.

Стремясь, однако, не потерять главного среди второстепенных рассуждений и оговорок, рискнем утверждать, что при Бравалле против относительно монолитной шведско-норвежской армии Сигурда Ринга сражалась и потерпела поражение очень пестрая, а потому внутренне слабая коалиция народов и племен Северной Европы, стержнем которой явились фризско-славянские воинские контингенты.

Бравалльское сражение следует назвать второй «битвой народов» раннего средневековья (после Каталаунских полей 551 г.), но «битвой народов» европейского севера. В противоборствующих боевых порядках стояли скандинавы (шведы, готы, норвежцы, даны, англы, др.), различные группы саксов, юты (геты?), фризы,

кельты британских островов, загадочный русский конунг Регнальд, предводители южно-балтийских славян Князь, Гринь и даже Дюк, а также воины из большинства финских племен восточных и юго-восточных берегов Балтики: эстов, куршей, ливов, ёми и квенов. Знаменательно, что отсутствовали люди из леттолитовцев. Вероятно, сегодняшние «прибалты» к тому времени еще не пробили себе дорогу к морскому побережью.

Текст Саксона Грамматика, как и любого другого исторического нарратива, фиксировавшего события далекого от него времени, не свободен от вкрапления в первичную (исходную) историческую информацию позднейших представлений «ученых» писателей и мифотворческих канонов беллетристов, однако эти наслоения, как показало сравнение текста Саксона с материалами саг, в первую очередь – с данными «Фрагмента», повлияли лишь на отдельные, второстепенные детали повествования датского историка.

Примечания

1. См.: *Кузнецов Е.В.* Этногенез... Приложение 5. См. также *Шапошников В.Н., Кузнецов Е.В.* Битва при Бравалле и этническая карта Северной Европы VIII в. Проблемы английской истории и историографии: Межвузовский сборник. Горький, 1979. С.96-112.

2. В любом, даже популярном, справочнике по Швеции указывается местоположение поля сражения: близ побережья Балтики, между Вик (Wic) или, иначе, Брёвик (Bräwic) и Верундам (Werundam), недалеко от Векшьё (Vexjö). – См., например, «Bonnjers stora lexicon», B.II. Stockholm, 1985. P.206.

3. На стороне Сигурда, шведского короля, сражались 94 «героя»; именитых бойцов у Харальда было меньше – 60.

4. По «Sögubrot af Fornkonungum», 40 знатных воинов было в армии Харальда датского, 60 – у шведского конунга Сигурда. – Sögur danakonunga, Köbenhavn, 1919. S.17, 18-20.

5. Ф.Д.Скотт пишет о VII в. – Sweden: the Nation's History... P.20. С.Окли называет конец VI – начало VII вв. – The Stoory of Danemarks... P.29. В томе I «Danemarks Historie» (S.24) речь идет о рубеже V-VI вв.

6. «Сага о Ньяле» использовалась в русском переводе: Исландские саги. Сост. М.И.Стеблин-Каменский. М., 1972. С.163, 334 и др.

7. Gothia была представлена Торкиллом (Thorkill), Gyslamark-Гумми (Gummi). Теллемарка дала Торлейфа Упрямого, Греттира Хилого и др. Из Вика пришел Вальстен. Jathrien (Jather, Jaeder) близ Ставангера, прислал Альфа Странника, Энара Погромщика; Sogn (Sogni), район Бергена, – Бьёрна. Город Falir (Fialir, Fialafylke), к северу от Согне-фьорда, имел представителя Берси, а область Möre (Moricus, Moringa) – Токи. Трондар прибыл из района Тронхейма.

8. Шведские племена занимали земли к северу от готов: Vestmannland, Sögermannland, Uppland.

9. Согласно сагам, Оле, сын Фридлефа, по материнской линии был двоюродным братом Сигурда и, стало быть, племянником Харальда Хильдетанда, которому после Браваллы предстоит стать королем либо Дании, либо (позднее – ?) Дании и Швеции на 25 лет. Его убил Старкад, собственный дружинник, участвовавший в битве при Бравалле. Во «Фрагменте...» указывается, что Оле прибыл к Рингу из Уппланда (Восточная Швеция). См.: Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. B.V. S.454 (Index), а также комментарии Оливера Элтона (Saxo. 1893. P.461.), Хильды Э.Дэвидсон и Питера Фишера (Saxo. 1980. V.II. P.133).

10. Вот их имена: Holti, Hendil, Holmor, Lewry (Lewy, Leif), Hame (Hama).

11. Saxo. 1980. V.II. P.130.

12. О значении топонима Хельсинг – Приложение № 3.

13. Первое описание интересующего нас региона – Великобритании, Ирландии, Оркнейских островов, Фуле и др. – дал в VII в. в своей «Космографии» Этик Философ (глава называется – «De ignotis gentibus vel insulis septentrionalibus»). См. анализ этого сочинения: Leake J. The Great of Beowulf. A Study in the Geographical Mythology of the Middle Ages. Cincinatti. 1967. P.55ff.

14. Friesche Naamlijst. S.446, 447, 430, 161, 162; A Description. P.5, 16 (note 57).

15. Во «Фрагменте» Бо, сын Брамы, был назван Буй Брамасон (Bui Bramason).

16. Saxo. 1931. P.271.

17. Древнерусские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С.22.

18. Онежские былины, записанные Гильфердингом летом 1871 г. СПб., 1876. С.129, 188, 276, 352, 488, 548, 647; Онежские былины. Ред. Ю.М.Соколов. М., 1948. С.145, 665, 689, 827 и др.

19. Королев А.А. Древнейшие памятники ирландского языка... С.72, 142, 174 и др.

20. Holder. I. S.1216; Ross A. Everyday Life of Pagan Celts. L.-N.Y., 1970. P.15ff.

21. Leake J.A. The Geats... P.98ff.

22. King Alfred's Version of Venerable Bede's Ecclesiastical History of the English Nation. Cambridge. 1722. P.52; The Whole Works of King Alfred the Great. V.II. L.1958 (reprint: N.Y., 1969); Leake J.A. The Geats... P.106, 109, 118-9, 131 etc.

23. Holder. I. S.511; III. S.890.

24. Во «Фрагменете» эпизод изложен так: «Visini skialldmeio fylgdi mikill Uinda-her...»

25. Saxo. 1931. P.271, 272.

26. Ib.

27. Friesche Naamlijst. S.184.

28. См. Очерк 2.

29. Этимологизировал имя Пауль Германн: «...Gnizli (slav. – Kniezen) und Grenzli klingen wendlich». – Hermann P. Die Heldensagen... S.541.

30. Перечень земель содержит одна из версий «Vita Anskarii» (эту версию считают первичной). Такой же список содержит жизнеописание миссионера Римберта. – Curschmann F. Die alteren Papsturkunden des Erzbischofs Hamburg. Hamburg und Leipzig, 1909. S.16; Drejer M. The History of the Åland People. From the Stone Ages to Gustavus, translated from the Swedish by J.Palmer. Stockholm., 1989. P.89. Исторические данные позволяют говорить, что в раннем средневековье политическая роль квенов на севере Европы была немаловажной. О «Koinnusta» (Kwenland). – Jutikkala E., Pirinen K. Suomen Historia. Tapiola, 1975. P.20.

31. Saxo. 1931. P.130, 133, 257, 259-60.

32. Данные Саксона позволяют поддерживать точку зрения тех ученых, которые, начиная с Лерберга, видели в ёми насельников финского Запада, и отвергнуть позицию Шёгрена и др., искавших ёмские земли к востоку от Онежского озера. – Лерберг А.С. Исследования. Пер. Языкова. СПб., 1819; Шёгрен А.И. О древних обиталищах ёми // Мемуары Академии Наук. Т.I. СПб., 1832. См. также Бубрих Д.В. Не достаточно ли ёмских теорий? // Известия Карело-финского филиала АН СССР. 1950. № 1.

33. Имеется в виду рассказ Саксона о войне датского конунга Фронтона с гуннами.

34. На упоминания о гуннах в германском фольклоре обратили внимание братья Гримм. Известно также, что из Паннонии вышли сикулы (Siculi, Sysele, Szeklers), о которых в одной из средневековых

венгерских хроник сказано следующее: «...Siculi, qui primo erant populi Attilae regis». Это племя, входившее в состав гуннской державы времен Аттилы, жило позднее на территории «Новой марки», в юго-восточной ее части, по соседству со славянскими племенами, в частности «даламитами» (Dalamensae). – A Description of Europe. P.2, 5 (note 5).

35. Свидетельство Вульфстана об эстах близ устья Вислы и «Эстском море» исключительно важны, так как позволяют обнаружить существование «Южной Эстонии» на территории будущей Пруссии. Здесь совсем неясны отношения эстов и видов.

36. A Description... P.22. Свидетельство Вульфстана коррелируется с данными Адама Бременского и Петера из Дуйсбурга (Ib. P.22, note 78).

37. «Ex Halica vero provincia Har atque Harlewar cum Hothbrod... ex Imica regione Humnehy et Haraldus». – Saxo. 1931. P.272-3.

38. «Провинция Алика» с областями северной Норвегии связывается рядом исследователей (в частности Хильдой Р.Дэвидсон). «Регион Имика» соединял с будущим Умео издатель немецкого перевода «Деяний данов» Г.Янзен. – Saxo. 1899-1900. S.401, 402. Amberkungen.

39. Wörterbuch der ostfriesischen Sprache. Ethymologisch bearbeitet von J.Doorn kaat Koolman. B.I. Norgen. 1879. S.23, 322.

40. Eilis-Davidson H.R. The Viking Road to Byzantium. L., 1976. P.25.

41. Friesche Naamlijst... S.184.

42. К сожалению, наши рассуждения не учитывают мнения О.Кункеля и К.А.Вильде, труд которых остался нам недоступным (Kunkel O. und Wielde K.A. Jumne, «Vineta», Jomsburg, Julin, Wolin-Stettin, 1941). Однако о широком распространении фризской топонимики на Балтике, в частности, вблизи Ботнического залива, свидетельствует E.Wadstein. On the Relations between Scandinavian and Frisars Early Times. – Saga Book of the Viking Society for Nothern Research. Vol.II. Coventry, 1936. P.511.

43. Полный текст фразы: «Quibus applicantur a septentrione profecti Haki, Bomonisque filii Sigmundus et Serker horum omnium».

44. Саксон специально подчеркивает: «Северяне, схожие по силе, но несхожие по обету, одни были у Харальда, другая часть – на стороне Ринга». – Saxo. 1931. P.271-2.

Очерк 4

ГЕЛЛЕСПОНТ СЕВЕРНЫЙ, ГЕЛЛЕСПОНТИКИ И ИХ СОСЕДИ

С первых шагов человеческой цивилизации и до настоящего времени Балтийское море, наряду со Средиземным, хотя и с меньшей интенсивностью, выполняет разнообразные коммуникативные функции: экономические, политические, культурные, этнодемографические. Этнодемографическая ситуация на берегах Балтики, особенно в ранние периоды существования человеческого общества, отличалась динамичностью. Отсюда начинаются европейские (и не только европейские) «пути-дороги» многих этносов: германских, славянских, финских...

Пытаясь картографировать прибалтийский регион раннего средневековья, исследователи обращаются к различным источникам, в том числе к крупнейшему своду данных по ранней датской истории Саксона Грамматика, точнее к «легендарным» девяти первым книгам этого обширного сочинения[1].

Ларс Арне Норборг отметил: «Саксон пользовался... не только к настоящему времени исчезнувшими письменными источниками, но также мог черпать из **устной традиции** (подчеркнуто мной – Е.К.), которая тем достовернее, чем ближе время ее бытования от отображаемых событий»[2]. На признаках достоверности (в определенных рамках) исторической традиции, зафиксированной Саксоном, останавливаются и отечественные исследователи генезиса восточного славянства. Именно данные Грамматика, если не исключительно, то в значительной мере, питают крепнувшее в последнее время среди отечественных историков мнение о миграции славян на просторы Восточноевропейской равнины через Балтийское море[3]. Целый ряд бесспорных заимствований в области материальной культуры («наружные хлебные печи», «втульчатые двушипные наконечники стрел») у поморских славян жителями Ильменско-Волховского бассейна был отмечен Е.Н.Носовым[4].

Чтобы поддержать точку зрения специалистов, стремящихся найти на балтийских приморьях исходную позицию славянских миграций на восток, важно дать правильную интерпретацию ряда этнонимов, которыми пользуется датский историк, в частности – определить, кто такие «геллеспонтцы», «геллеспонтики» (hellespontici).

О Геллеспонте (Hellespontus) и геллеспонтцах (людях, живущих у Геллеспонта) Саксон пишет несколько раз в связи с военными предприятиями известного героя Рагнара Лодброка[5], жившего в первой половине IX века[6], и его легендарных предшественников: Ярмерика (Jarmeric)[7], Хадинга (Hading, Hadding) и сына последнего Фрода (Frotho) или Фротона[8]. Не повторяя в деталях повествование датского историка и не обсуждая достоверность его рассказов, попробуем найти в «Деяниях данов» определенные географические ориентиры.

Обращает на себя внимание, что контакты с геллеспонтиками возникают благодаря морским экспедициям. Ярмерик отправлялся против четырех братьев из «рода геллеспонтиков» (genere Hellesponticos), занимавшихся пиратством, «морским путем» (navigatione coepta). Трехдневное «морское сражение» (maritima pugna) завершилось договором, по которому «братья-пираты» уступали Ярмерику половину поборов с подвластных «племен», а также отдали замуж за датского конунга свою сестру[9]. Среди данников геллеспонтцев были ливы, сын правителя которых Бикко (Bicco) находился у «братьев» заложником и бежал из плена к датчанам[10].

Саксон свидетельствует, что перед походом на геллеспонтцев Ярмериком были подчинены славяне (южнобалтийские – ?), сембы, курши[11]. Зная, что два названных последними этноса – аборигены южной части восточнобалтийского побережья, следует думать, что геллеспонтцы жили от них дальше на северо-восток по побережью. Возможно, с севера их ограничивали земли ливов. Рассказ о результатах морской войны позволяет утверждать, что воинство датчан не добилось решающего перевеса над своим противником.

Удачливее, чем Ярмерик, в «восточных походах» был Хадинг. Ему удалось взять город Дюну (Dunam ubrem) и подчинить оборонявшего город Андвана (Andwanus, Handwanus)[12], «царя Геллеспонта» (Hellesponti regem). Название города находится в

прямой связи с немецким названием Зап.Двины – Duna (Düna). Это город на р.Дюна (Зап. Двина), причем совсем не обязательно видеть в городе Дюна позднейшее немецкое укрепление при устье реки Дюнамюнде или лежащий вверх по реке Дюнабург (руск. Двинск, соврем. Даугавпилс). Важно обратить внимание на другое. Осада была тяжелой для датчан, и только военная хитрость конунга, запалившего городские строения с помощью полученных в виде дани голубей, позволила осаждавшим ворваться внутрь крепостных стен. Воспоминание об этой военной хитрости жило в древней Руси, и остается сомнение, была ли она реально применена княгиней Ольгой, или применение ее было приписано вдове Игоря киевским летописцем по аналогии с известным ему рассказом о действиях Хадинга[13].

Перед нападением на Дюну Хадинг в союзе с пиратом по имени Лизер (Liserus), и, вероятно, в его интересах, пытается, но неудачно, свергнуть «тирана куршей» Локера[14], что еще раз указывает на соседство куршей и геллеспонтиков. Сын Хадинга Фрод расширил район военных действий. Им, наряду с Дюной, был захвачен г.Палтиска, где правил некто Веспазий.

Общепринято, что Paltiska Саксона, Palteskja, Palteskjuborg скандинавских памятников – «древнескандинавское обозначение» русского Полоцка. Больше того, как думают многие специалисты, русский топоним Полоцк является производным от реки Полоты и, стало быть, первичен по отношению к скандинавскому[15]. Этой точке зрения мешает, однако, приведенное в «Деяниях данов» имя правителя города – Веспазий. Фонетический облик антропонима позволяет видеть в нем эпоним одного из западнофинских племен – вепсов (vepsä)[16], правильнее читать в таком случае Вепсазий. Такое рассуждение при всей его очевидности, не согласуется с широко известным в средневековой Европе обозначением этого этноса, предложенным Иорданом: Vas, Vasina[17]. Конечно, допустимо предположение, что первая часть имени правителя *Ves является эпонимом, но что означает вторая корневая часть слова – ра[sius]? Обращение к лексике западных финнов позволяет найти ответ на этот вопрос. Ра, раа – «голова», «глава»[18]. Если же учесть, что vesi в финских языках соответствует славянскому «вода»[19], то перевод комбинации двух финских слов: vesi + ра на русский обозначает «глава воды» (реки), может быть – «водяной». От

лексемы vesi происходят, думается, два эпонима: латинский vas, vasina и русский весь. Если учесть другой (очевидно, вторичный) «этнический» смысл финской лексемы, тогда возможно этимологизировать Vespasius Саксона как «глава веси», т.е. глава племени весь. Следовательно, Palteskja – когда-то (до прихода славян) принадлежала вепсам, там жил их племенной вождь (глава). Поэтому и первооснову древнескандинавского обозначения следует искать в финском лексиконе, а не в славянском или летто-литовском[20]. На ливском языке paald (по-фински – paltta) – «обрыв», «скат»[21]. Мысль о том, что «определенная часть финно-угорских племен» когда-то жила между Рижским и Финским заливами, а оттуда расселилась в северном и восточном направлении, принадлежит Л.В.Бубриху[22]. Если высказанные здесь соображения верны, то вепсы начали свой путь к Онежскому озеру с западнодвинских берегов.

Фроду, в отличие от Ярмерика и Гадинга, основное противодействие оказывали не геллеспонтики, а русские (у Саксона – ruteni). Только двукратная победа над правителем Руссии, Руссии (Ruscia) Траноном, укрепившемся в г.Ротале (urbem Rotalam), открыло войску Фрода дорогу на Палтиску, причем поход происходил по суше: «... ad urbem Paltiscam exercitum contulit». Город Палтиску захватив, Фрод в надежде получить полную власть над Востоком (spe Orientis imperium complexus), двинулся к крепости Андвана. Победа над последним завершилась браком конунга и дочери правителя геллеспонтцев, смысл которого можно истолковать однозначно: Андван становился датским наместником «Востока». Последнее географическое понятие Саксон употребляет для обозначения всей многоэтнической территории Восточной Прибалтики. По его словам, Ярмерик наносит поражение «сембам, куретам и многим племенам Востока» (Sembonum, Curetum complurimumque Orientis gentium). Фрод отбыл восвояси, «победив большую силу Восточных».

Здесь и в ряде других мест «Деяний данов» «восточные» – территориально-демографическое определение, лишенное этнической окраски. Кроме русских, геллеспонтцев, вепсов Палдиски, Фрод добился победы над куршским правителем Дорном. Именно после победы над куршами он двинул флот к Ротале[23].

На долю великого Рагнара выпала затяжная война с геллеспонтиками: с их правителем по имени Dian и его сыновьями, женатыми на русских принцессах. Один был тезкой отца. Другой носил имя Даксон (Daxon)[24]. Восточнобалтийские антропонимы, проводимые Саксоном, не могут не вызвать интереса. Dian, вероятно,– славянское имя Деян (Диян, Дий, Дый). В «Словаре церковно-славянского языка» А.Х.Востоков приводит отрывок из «Слова и откровения святых апостолов» (памятника древнего, но дошедшего до исследователя в списке XVI ст.), где о славянах дохристианской поры сообщается: «Мняше богы многы: Перуна и Хорса, Дыя и Трояна...»[25] Если верить автору «Слова и откровения...», у славян-язычников в числе других был и бог Дый (Дий). В древнерусском произведении XI в. «Тринадцать слов Григория Богослова» уточняется, что бывают «Дии добрые и злые...» Конечно, дий – от латинского deus. Подобные заимствования не единичны. Другое божественное имя Троян, наверное, тоже пришло с берегов Дуная. Еще пример: святилище верховного жреца группы племен, обитавших до крестоносного погрома на территории Пруссии, называлось «Ромов», «Ромова» – от города Рим[27]. «Языческий» антропоним имел в славянском мире распространение и сохранился в разных его регионах до конца средневековья. Имя Деян найдено Юрием Венелиным в поминальных книгах Бухарестской митрополии XVI-XVII вв.[28]

Имя Daxon этимологизировать значительно труднее. Привлекательной представляется параллель с doxani, славянским племенем, жившим на берегах р. Dosse, притока Гавеля. Надежнее, однако, на наш взгляд, связать Daxon с такими онимами как Dagon, Dago[29]. Один из островов близ побережья назывался географами прошлых времен, в том числе и датскими,– Dago. Переход в тексте Саксона «g» в «x» не может выглядеть невозможным, если признать славянский фонетический облик слова. Точно так поступили копиисты иордановой «Гетики»: славянское bog они писали box[30]. О «славянстве» антропонима Daxon свидетельствует также окончание – on. Франц фон Миклошич относит его, наряду с -an, -n к группе славянских консонативных суффиксов и дает необходимый лексический материал[31]. Аналогичное мнение было высказано Максом Фасмером. Он, в частности, писал, что этноним doxani сконструирован из германского корня

и славянского окончания -an[32]. О том, что этот суффикс и близкие к нему присущи славянским языкам, хотя не только им, но и ряду языков древней Европы, и чужды германским или летто-литовским, свидетельствуют и современные специалисты[33].

М.Фасмер сделал попытку, анализируя другой историко-лингвистический факт, вывести *Dag из скандинавского имени Dagr. Рассматривая одну из папских грамот польскому князю Мешко (X в.), он обращает внимание, что этот правитель величается в ней как «Dagome (=Dagone) judex». По мнению Фасмера, Dagone – это латинская форма скандинавского имени Dagr[34]. Таким образом, Мешко, наряду со славянским, имел второе, скандинавское имя, хотя и славянизированное с помощью суффикса -on. Думается, что такое объяснение неверно. Dag (Dago) – слово, пришедшее к славянам (как и германцам) из словаря жителей западной части Римской империи. В «Corpus Inscriptionum Latinarum» фиксируются такие мужские имена как Dago, Dagobius, Dagobitus, Dagomarus, Dagorix и др., женские – Dagda, Dagania, Dagoma, Dacoma. Формант Dago использовался для образования топонимов на востоке современной Франции. В переводе на русский лексема dago означает «добрый»: Dago-deivos – добрый бог, dago-dunios (позднее, в старо-ирландском – dag-duine) – добрый человек[35]. Поэтому Dagome (Dagone) judex – «добрый судья», а Dagon (Daxon) – «добрый правитель».

В «Церковской истории» Беды упоминается шотландский епископ по имени Daganus[36]. Следовательно, антропоним не исчез в раннее средневековье и не был вытеснен скандинавским Dagr[37]. К славянам его вполне могли занести великие мореходы «донорманской» поры – фризы. Обращение к их ономастикону дает такие близкие параллели исследуемого имени: Daan, Dace, Dage[38].

Датским дружинам Рагнара, как и при походе Фрода, не геллеспонтики, а русские (ruteni) оказали решительное сопротивление, настолько решительное, что Рагнар не казнил предводителя русских и геллеспонтиков (а также скифов – ?) Даксона, а ограничился признанием вассальной зависимости с его стороны. В числе зависимых от Рагнара оказались курши и сембы, в землях которых датское войско зимовало после неудачного набега на «пермскую землю»[39].

Подведем некоторые итоги. Несмотря на разнообразие исторических сюжетов и, несомненно, их беллетризацию, рациональные зерна в виде довольно четких географических ориентиров из текста «Деяний...» можно выделить. Геллеспонтцы жили рядом с куршами и ливами. Неподалеку от них размещались русские (рутены), вепсы, сембы. Ротала, позднейший Rothel на западе Эстонии, Палтиска (Полоцк) также указывают на примерный район их обитания. Ключевым «словом» является германский топоним Дюна, оторвать который от крупнейшей реки восточной Прибалтики, также звавшейся в германских источниках Дюной, не представляется возможным. Поэтому умозаключение, что геллеспонтцы жили на берегах современной Зап.Двины (Даугавы) не кажется неожиданным. Попытка объяснить появление у Саксона географического понятия «Геллеспонт» и производного от него «геллеспонтцы» приводит к следующему. На большинстве средневековых карт (доступных нам) современный пролив Дарданеллы называется Геллеспонт[40]. Незаурядный эрудит, каким был средневековый датский ученый, знал это[41], как знал и другое, что в Константинополь, экономический и культурный центр раннефеодальной Европы, можно было «пройти» другим водным путем – «проходом» (проливом) по Зап.Двине и одной из рек, впадающей в Черное море: по Дону, Дунаю, Днепру – здесь едва ли можно ожидать определенности в представлениях Саксона.

Географический масштаб у ученых того времени был иным, чем сейчас. Они сближали Черноморско-Азовский морской бассейн с Балтикой. Согласно их взглядам, расстояние до Константинополя через «северный Геллеспонт» несущественно отличалось от пути через «Геллеспонт южный». Кроме того, имело место сближение истоков черноморских рек с северными морями. Эта географическая концепция была выражена на «Прекрасной карте мира» Ричарда из Холдингема (de Haldingham). Здесь, как и на большинстве других карт, самой большой азово-черноморской рекой изображается Дон (Танаис), отделявший, по географическим взглядам той поры, Европу от Азии[42]. На некоторых картах Дон изображен в виде пролива, соединяющего северные и южные моря Европы[43]. Иногда, даже на более поздних географических «чертежах» – например, на карте России, составленной Дженкинсоном в 1562 г., – дело представлялось так, что Двина (Зап.),

Борисфен (Днепр) и Волга вытекают из одного озера – «volock lacus»[44].

Концепция «северного Геллеспонта» владела умами мореходов раннесредневековой поры, что подтверждается свидетельством письменных источников того времени о существовании близ восточного берега Балтики, юго-восточнее современной Лиепаи, укрепленного пункта Апулия (Apulia)[45]. Название возникло в результате латинизации местного куршского топонима Apuole, Appuole по известной средиземноморской модели.

Аналогичной видится судьба встречающегося в «Саге о Тидреке Бернском» и других скандинавских сказаниях топонима Gersike (Gerceke). А.Н.Веселовский увидел в нем композит из германского корня *gers от gers [ке] – грек(и) и русского суффикса -ск, переозвученного на германский лад: -cike. Аналог: Смоленск – Smolencike[46]. Исследователи ономастикона саги о Тидреке Э.Штудер и У.Пэфф[47] сочли гипотезу А.Н.Веселовского более приемлемой, чем позицию специалистов XIX в. Э.Пабста, А.Биленштейна, А.А.Куника и др., что Gercike – производное от «Городище»[48]. Позднее И.Э.Клейненберг обосновал[49] такой вариант этимологизации корня: Ger=Jar=яр и привел аналогии: Ярослав – Gerceslawe[50], «ярославово» имение под Кесью – Jarsowe или Gerslau[51]. Следовательно, за Gercike саги скрывается восточнославянский топоним Ярьск (Ярск)[52]. Лингвистическая оценка Клейненберга не исключает, на наш взгляд, факта переосмысления названия Герцике певцами саг в принятом ими греческом (или русско-греческом, православном) контексте. Свидетельством живучести этой «номенклатурной» традиции является факт появления в позднейшее время подле руин Герцике (Ярьска) селения «Царьград»[53].

При поисках этимологических объяснений одного[54] из германоязычных названий Зап.Двины – «Дюна» (Duna)[55] – нельзя не вспомнить, что слово «Duna», наряду с «Dona» употреблялось различными группами германцев (готами, скандинавами – в частности) для обозначения черноморских рек.

Так, Hervararsaga свидетельствует, что победоносное для готов сражение с гуннами произошло в местности «Dunheidi», неподалеку от Гор ясов (Jösufiöllum), т.е. Кавказа. Река «Dun» саги, несомненно, река черноморская – Дон или Дунай[56]. Обозначение

Дуная как Duna (du:nau) или Дона (dou:nau) сохранилось в исландском языке до сих пор[57]. Но мнению В.Н.Торопова, именно готизм повлиял на происхождение славянского гидронима Дунай[58]. Герман Джеллингхаус обнаружил такой интересный феномен: одна из речек Вестфалии в источнике 1229 г. была названа Duna, позднее ее именовали Donau[59].

В сближении названий, произведенной «водоходами» Сев. Европы, просматривается географическая увязка балтийской Двины с одной из северочерноморских рек как единого водного пути от балтийских портов к Константинополю. У тех, кто осваивал речную сеть Восточной Европы было в обычае называть связанные волоком водно-транспортные артерии одинаково или, хотя бы схоже, о чем свидетельствуют несколько парных гидронимов центральной и восточной Европы. Достаточно напомнить о существовании двух Бугов – Южного и Западного: двух Нерлей – волжской и клязьминской; о северной, принадлежащей к вычегодско-двинскому бассейну Келетьме и Келетьме южной, несущей свои воды в Каму; о Пукшеньге и Покшеньге, дающих возможность кратчайшим путем продвинуться из бассейна Сев.Двины в р.Пинегу и далее на восток; о Кеми (Кемийоки), впадающей в Ботнический залив, и корельской р.Кемь, принадлежащей беломорскому бассейну. По мнению В.А.Булкина, «зеркальная» гидронимия – Березина – Свислочь (Ислочь) – Волма – на западных (неманских) и восточных (березино-днепровских) отрогах Минской возвышенности... указывают на историческую связанность обеих рек как единого водного пути...»[60]. Едва ли чистой случайностью можно объяснить такой историко-географический феномен, как появление в русской топонимике двух Двин – Западной и Северной.

* * *

Кроме «доктриально-географического», можно предложить и другое, «конкретно-географическое» объяснение того, почему в «Деяниях данов» появился гидроним «Hellespont». Начнем с попытки выяснить, как называли крупнейшую реку восточной Прибалтики обитавшие окрест финские племена (этногруппы). В своем «Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch» известный финно-угровед прошлого века И.А. Шёгрен (Sjogren) сообща-

ет, что немецкому «Sund» (пролив), «Flüssmundung» (речное устье) соответствует ливское слово «vena». Именно так, по его мнению, древние ливы, и наверное, родственные им курши называли реку, которая в русских источниках обозначается как Двина (Западная)[61]. Позднее Е.Пабст уточнил: Duna зовется по-ливски Vena (Ven) от староливского «veina», что значит «широкое речное устье», «пролив». Жители восточной Эстонии («дорпатские» эсты – по терминологии Пабста) называют эту реку Wäina от wäin – «пролив»[62]. Область же приречная зовется ливами «Veinola»[63]. По аналогии эсты должны были ее называть «Wäinola». Если обратиться к современным эстонским словарям, то можно установить, что название Väina для Зап. Двины сохранилось[64], хотя сейчас его вытесняют гидронимы Düüna, Dviina[65]. Сохранилось у эстонцев и нарицательное väin – «пролив», наряду с merekitsus[66]. В финском языке Зап.Двина – Väinä joki. Заимствованный, вероятнее всего, от эстов в достаточно далекие времена гидроним Väina[67] уже осмысливается только как имя собственное одной из рек, впадающих в Балтику. Отсюда пояснительное joki – «река». Зап. Двина – это «Вяйня» – река, где Вяйня – имя собственное, не соотносимое с топографическими обозначениями (по-фински пролив – «salmi», «salmene»; залив, губа – «lahti»[68]). Однако так было не всегда. Финские ученые, изучавшие язык древнего слоя песен Калевалы, этимологизировали имя главного героя: Вяйнямёйнен (Väinämöinen) – «человек с пролива», «человек, живущий на тихой воде», где архаичное väina (uvva, uva) означает «tyvenesti virtaavaa jokes»[69]. Хаавио видит эквиваленты финским словам в латинских «flumen placide labens», «fluvius», во фризском – «ström»[70]. На русском языке это может быть передано так: «река-пролив», «поток, тихо несущий свои воды». Концепция финских специалистов получила признание. Переводчик «Калевалы» на английский язык Френсис Пибоди Магоун, ссылаясь на труд Хаавио, утверждает: väinä – «slack water», т.е. «тихая, стоячая вода»; Väinämöinen – «man of Slack Water Farm», «человек с фермы на тихой воде»[71]. Для шведского специалиста Матти Дрейера väinä – «strait» (пролив, тихая вода), и, используя результаты исследований финского «калеваловеда» Каарла Крона, он находит «тихий пролив» во впадающей в Ботнический залив р.Кумо (Kumo). Кумо действительно является своеобразным проливом, соединяющим

о.Нясиярви, а через него всю систему озер внутренней Финляндии с морем. «Родная» земля Вяйнямёйнена Väinola, по мнению Дрейера, как раз и расположена при устье этого речного пролива[72]. Возникает вопрос о связи (или отличии) ливской Вейнолы от финской Вяйнолы. Однако сейчас важно обратить внимание на то, что благодаря калеваловедению вполне обоснованным выглядит перевод финского слова väinä, вероятно, заимствованного в древности у эстонского (может быть; точнее – восточно-эстонского) языка, как «пролив», «тихая вода пролива». Следовательно, Väinäjoki – «река-пролив» или что-то в этом роде.

Не умножая наблюдений над финской топонимикой, рискнем сделать вывод: западные финны называли реку, известную русским как Западная Двина, Väina или более слабыми формами этой лексемы: Vain, Vena, Ven, что при некотором разбросе смысловых оттенков означало «тихо несущий воду речной поток, или пролив». Не требует особых доказательств мысль, что подходившие к восточнобалтийским берегам на своих кораблях фризы, даны, готы слышали это название и его толкование от живших здесь ливов, куров и др. В свою очередь, скандинавские гавани (включая Данию) не раз видели суда эстов, куршей, ливов. Поэтому вполне закономерно мнение, что Hellespont Саксона – не что иное как простая калька финских ven, vena, väina, услышанных им, если не лично от одного из уроженцев Вост. Прибалтики, то от германских мореходов. Требуется дальнейшее изучение, чтобы решить, какая из двух версий – «теоретико-географическая» или явившаяся следствием общения германских мореплавателей с финскими племенами восточной Прибалтики – легла в основу концепции Саксона. Можно ограничиться «примиряющей» эти версии гипотезой, достаточной для решения поставленных в данном исследовании задач: географическое понятие Геллеспонт возникло в сознании средневекового датского ученого на пересечении доктриальной географии и географии «практической». Людей, живших на берегах «Геллеспонта северного», автор «Деяний данов» называл hellecpontici[73] – «геллеспонтики», или, более по-русски, «геллеспонтцы». Следовательно, этноним – топонимический по происхождению, что характерно для славян.

Признанием «геллеспонтцы» – этническая группа, обитавшая на берегах «реки-пролива» Зап.Двины, логический ресурс фактов,

содержащихся в «Деяниях данов» и других источниках, далеко не исчерпывается. Перед исследователем встает ответственный вопрос о возможной связи восточно-славянского населения западнодвинского (точнее верхне-западнодвинского) бассейна X в. с жившими в более раннее время ниже по течению реки геллеспонтцами. Опять надлежит начать с рассмотрения данных финской лингвистики. Бросается в глаза, что по-эстонски (ливски, куршски) русский – «vene», русский мужчина – «venelainen», русская женщина – «venelanna», Россия (Русская страна) – «Venemaa», соответственно, в финском (и карельском) – «venä», «venäläinen», «venälänna», «Venäjä». Данное этническое наименование принадлежит к древним и когда-то обозначало восточных славян (или какую-то их часть), а позже, после объединения восточнославянских племен в единое политическое целое, соседствовавшие с ними финские этносы так стали звать представителей древнерусской народности, жителей древнерусского государства.

Случайно ли возникла в финских языках фонетическая близость этнонима гидролексемам «большая река», «пролив» (ven, vena, väin, väina) и собственному имени крупнейшей реки Вост. Прибалтики – Vena, Väinä? Если не абсолютизировать случайные моменты, то невозможно отрицать близость этнонима, обозначавшего (и обозначающего сейчас) восточных славян (в настоящее время – русских) и финской гидролексемы. Попытки найти альтернативные варианты для этнонима в финских языках оказались безуспешными. Единственно близкое понятие к этнониму vene в западнофинских языках – это «лодка», «ладья»: по-эстонски – vene, по-фински – vene, на ливском (курском) – veni. Производным от väina является эстонское venо – лодочник[74]. Слова такого же значения существуют в других западно-финских языках. Все они указывают на связь древних славян (или их части) с водой, точнее с речной водой, с рекой. Не отрицая необходимость дальнейших палеолингвистических штудий, представляется оправданным выдвинуть гипотезу, что финское vene (славянин, русский) обозначает «человек с пролива», «человек с большой реки». Может быть – «человек ладьи», «лодочник». Именно «людей с большой реки» Саксон называет «геллеспонтиками» (геллеспонтцами). Так, довольно замысловатая комбинация лингвистических фактов приводит к умозаключению, что предки одного (может

быть – нескольких) восточно-славянских племен, вошедших позднее а состав древнерусской народности, обитали на берегах «большой реки-пролива» и получили от ближайших финских племен имя vene, а их земля «призападнодвинская» – Veinola. Вопрос о Вяйноле на р.Кумо, «северной» по отношению к двинской «Вейноле», в данной работе на обсуждается. Кстати, географическое понятие «Вейнола» и ее жители «вейнольцы» (Veinalenses)[75] встречается в латиноязычной хронике Генриха Латвийского, правда – не в этническом, а в чисто географическом смысле: место обитания.

* * *

Следующим логически неизбежным становится непростой вопрос о соотношении финского vene с германскими этнонимами: Vindr (различные саги Исландии и Скандинавии), wendi (Генрих Латвийский), venedi, (латинские и германские раннесредневековые нарративы) и другими, схожими с ними. Ф.П.Магоун высказал мнение, что финское Venäjä (Россия) от слова «Venädheh», базирующегося на этническом имени Venadi (wends) древних писателей, где «j» заменило «dh»[76]. Такая этимологизация, при установленном смысловом тождестве vene и väinä, подталкивает к признанию Väjnäjoki «Венедской рекой», т.е. славянской рекой, а Вяйнямёйнена превращает в славянина[77]. Думается, при всей привлекательности для патриотического чувства эту точку зрения следует отвергнуть, так как она предполагает германское посредничество между финнами и славянами. И.И.Миккола, склонявшийся к такой точке зрения, не находя в пользу нее лингвистических данных, пытался опереться на археологические материалы. Готские захоронения, по его мнению, во II-I вв. до н.э. находились как вблизи устья Вислы, так и на юго-западе Финляндии, близ Турку[78]. Через посредство этих «туркских» готов финны и узнали о венедах. Существующий фонд данных античной географии (Корнелий Непот, Плиний, Тацит, Птолемей) свидетельствуют о другом: венды и финны были ближайшими соседями. Не исключено, что в некоторые отрезки времени на восточнобалтийских прибрежьях они жили чересполосно. Подобное соседство имело место до проникновения готов в висленский речной бассейн и сохранялось после того, как готы покинули его территорию.

Поэтому финско-славянские этнонимические взаимодействия не предполагают посредничества готов или иных германских этногрупп.

Геополитическое понятие Venäjä (Россия) у карел и финнов не могло появиться раньше, чем возникло древнерусское государство, и, несомненно, явилось производным от названия народа vene, vena. Объяснить же возникновение любого из этих этнонимов от германского wendi с потерей корневого «а» не представляется лингвистически возможным. Кстати, лужицких сорбов, о которых финны, несомнённо, узнали через немецкое посредство, они так и зовут vendi[79]. Сохранилась в Прибалтике и река Venta (Vänta), название которой связано с тем народом, который германские писатели называют wendi[80]. Здесь корневое «d» трансформировалось в «t», но не исчезло. Наш вывод таков: между финским vene и германским wendi имеет место определенное сходство, но не тождество.

Отрицая этимологическое взаимодействие, нельзя не попытаться установить между «вене» и «виндами» связь иную – историко-географическую. Попытаемся выяснить происхождение восточно-славянского (русского) названия «Реки-пролива» – Двины Западной. Славянский гидроним не может быть выведен из немецкого (Duna), из финских (Väjna, Vene), из латинского (Rhudon) и других языков. Он имеет совсем другое происхождение и косвенным образом подтверждает, если не абсолютную автохтонность, то очень большую древность славянского населения на интересующем нас речном прибрежье. Происхождение речного имени Двина проще всего объяснить, если обратиться к гидронимике «малых водоемов» верхнего Подвинья. В XIX в. Сапуновым было сообщено об озере Девино, р.Девинке (бассейн р. Лучесы), двух ручьях близ Полоцка с одинаковым именем Девинка. Подле них стояла деревня Девинка. Схожие гидронимы были найдены в других местах славянского расселения. В Неман впадает р.Двина, в Одру – Дивина, близ балтийского побережья находится о.Девино[81]. Траутманн нашел топоним Deuen в документе земли Мекленбург под 1289 г.[82] Хей выявил параллель у лужицких сербов: Dewin (Dewyn) в XIV в.[83] Девинское озеро известно в долине Нижнего Дуная[84]. Есть веские основания думать, что название озеру (в дунайском бассейне) дали славяне –

во всяком случае именно они переименовали расположенный неподалеку от водоема на знаменитой «трояновой тропе» грекоримский Marcianopolis в Девну (Devna)[85]. Одним из важнейших центров Великой Моравии был город-крепость Девин. Франц Безлай, обобщив разрозненные наблюдения над словенской топонимикой своих немногочисленных предшественников, составил уникальную справку о водоемах и населенных пунктах Словении и соседних с ней славянских стран с корнем dev- (div-). Среди них – Девина, правый приток Полскавы (Polskave), впадающий в Иллирийскую Быстрицу ручей того же наименования, а также Devski Potok, Divju Potik и др.[86] Как правило, рядом с речками и ручьями расположены одноименные селения. Большинство рек и селений сохраняет гласную в первом слоге, хотя к северу от Триеста (словен. – Trst). Безлай нашел селение Девин, которое итальянцы зовут Duino (Двино). В XII в., установил словенский ученый, селение именовалось Duino, Duin (Двино, Двин), в XIII ст. – Duino, Dvino, Dewin[87]. Несколько топонимов с потерянной гласной сообщает для региона верхней Двины Сапунов. Например, озеро и деревня Двинец, погост и река Двин. В Галиции им же были найдены в польских источниках ручей Dzwiacs, речка Dzwiniaszka, населенный пункт Dzwinograd, т.е. Двиноград[88]. Представляется возможным утверждать, что топонимы с потерянной гласной – Двина, Двино, Двин – являются более поздними, производными формами от Девина, Дивина (Devina, Divina), что открывает путь к объяснению гидронима Двина (Зап.). Ф.Безлай обращает внимание на такие женские имена, распространенные среди южных славян: Devna, Djeva, Djevana; патронимы – Devcic, Djevcic, Djevanic. Он показывает, что именно от этих или подобных личных имен произошли названия рек и селений. Особое место в развитии славянской ономастики принадлежит, по его мнению, имени Deva, лежащего в основе собранного им топонимического материала: «...izvedena iz slovanskega antroponima Deva...»[89] Вырисовывается такая хронологическая схема: антропоним-гидроним-топоним. Суждение Ф.Безлая о славянстве имени Deva находит авторитетное подтверждение в наблюдениях Фасмера. Новогреческое женское имя Девайна (Δεβαινα) он выводит из славянского Dĕvina и дает в качестве параллельных болгарское Dĕvene и словенское Devina[90].

Появление у славян антропонима Deva и производных от него гидронимов может получить объяснение, если обратиться к античной ономастике. Река Deva и город того же названия существовали на северо-западе Британского острова. Римляне построили здесь castrum и разместили один из своих легионов: Legio XX Victrix[91]. Так возник английский топоним, сохранившийся до сих пор, – Честер. Реку Deva англичане со времен средневековья зовут Dee (Ди). Реки с таким названием существуют в Ирландии (область Лейнстер), Шотландии (близ Абердина) и др. В Уэльсе deva стала произноситься как duiu и валлийцам известны водоемы с таким названием[92]. Во Франции один из впадающих в Луару ручьев, раньше звавшийся Deva, превратился в фонетически близкий валлийскому гидроним Дью. Наконец, как свидетельствует Хольдер, в р. Сону (приток Роны) когда-то близ населенного пункта Вердун (Verdun), департамент Сона и Луара, впадала речка Duina – «Двина». В настоящее время ее имя произносится как Dheune. Гидронимы (реки, речушки, ручьи) Deva, Diva, Divana известны были в других местах древней Галлии (в частности – на территории позднейшей Нормандии)[93]. Известны были в западных провинциях Римской империи аналогичные мужские и женские имена. Сакральный (святой) смысл онима представляется очевидным.

У Адама Бременского впервые в средневековой географической литературе можно найти свидетельство о трех рукавах, соединяющих р.Одру с Балтикой. Один из рукавов, сообщает Адам, имеет воду зеленого цвета, другой (центральный) – светлее[94]. Третий рукав, на котором стоял «крупнейший из городов Европы» (северной-?!) того времени Волин (Юлин), т.е. «Волынь-город» славянского фольклора, по-фризски Юмна (Jumna), бременский географ называет Dievenow (Дивеноу)[95]. Сейчас на любой географической карте Польши можно прочесть, что этот поток, соединяющий Одру и море, называется Dziwna – «Дзивна», «Дивна», а селение на его берегу – Dziwnow – «Дзивнов», «Дивнов»[96]. Нетрудно произвести реконструкцию раннесредневекового славянского гидронима Дивна, Девина и припомнить: «русская» Двина по-польски – Дзвина (Dzwina)[97]. Получается, что две славянские реки, впадающие в Балтику, причем – едва ли не важнейшие, назывались изначально славянами одинаково – Девина (Дивина), позднее – в одном случае была потеряна первая, в

другом вторая корневая гласная. Рискнем, тем не менее, утверждать, что для славян далеких от нас времен («раннесредневековых» или даже «позднеантичных») современная Зап.Двина была восточной по отношению к волинской («волынской») Дивне, если, конечно, опираться на принятую в более позднее время систему географических координат.

К месту вопрос: принесли ли сами славяне по мере миграций «святые» имена этим рекам, или они усвоили их в «готовом виде» от живших здесь на речных берегах (либо по соседству от этих берегов) своих предшественников. Вопрос заслуживает серьезного изучения с привлечением более разнообразных гидронимических материалов. На данном этапе работы оправданным выглядит утверждение, что именно славяне дали рекам и селениям на их берегах «святые» имена: широкое распространение разнообразной ономастики (антропонимов, гидронимов, топонимов) с корнем *dev (div) в различных, порой весьма отдаленных регионах славянского расселения оправдывает его. Не злоупотребляя аргументацией, укажем, что гидроним **Северная Двина** и малые «Двинцы» в ее бассейне[98] – это чисто славянское, хотя и относительно позднее топонимическое творчество, и оно лишний раз подчеркивает «славянство» одноименных гидронимов на Балтике и Балканах.

Итак, крупнейшая река восточно-балтийского региона «Геллеспонт» (= пролив) Саксона почиталась жившими здесь славянами «Святой рекой» (Двиной, Девиной), звалась окрестными финскими этносами – «Рекой-проливом» (Вене, Веня, Вейна, Вяйня и т.п.), а у германцев в ее названии Дона, Дюна звучат ассоциации с северочерноморскими речными дорогами.

* * *

Следующий шаг может быть сделан посредством соотнесения финского «вене» (и др.) с германским этнонимом «винды» (венды, винды, виндр и др.). Этноним многократно встречается как в латиноязычных, так и написанных на различных германских наречиях сочинениях. О «виндр» рассказывается в скандинавских сагах и надписях. Он сохранился до сих пор[99]. Им пользуются в современной Германии для обозначения славянской группы населения, самоназвание которой лужицкие сорбы (сербы). Причем

важно помнить, что слово венды (винды) у славян никогда не было самоназванием[100]. Вопрос о связи немецкого, средневековой эпохи, этнонима с венедами (венетами, энетами) античных писателей не относится к простым. Можно лишь с достаточно большой степенью уверенности утверждать, что поселившаяся еще в «доримскую эпоху» на землях к северу от Адриатики и в юго-восточных альпийских предгорьях «венедская» этногруппа была монолитной в языковом, культурном и политическом отношениях, но позднее, в результате миграций, добровольных или вынужденных, и, как следствие их, смешения с «инородцами», она раздробилась на ряд ведших обособленную жизнь этносов. Вероятно, уже к началу первого века дохристианского летоисчисления следует четко отличать латинизировавшихся венедов на севере адриатического региона от венедов, обитавших на северо-западе Галлии, на севере Пиренеев, в отдельных районах Британского острова и на южных берегах Северного моря, а также «восточных», прибалтийских венедов. Следует согласиться с авторитетным мнением В.Хенцеля, что венеды – один из древнейших, широко распространенных этносов Европы, расцвет которого приходится на конец второго тысячелетия до ХЛ.

Генетические связи последних со славянством требуют детальных исследований, хотя сам факт «вославянивания» (или «ославянивания») этой группы венедов представляется несомненным. Позднее, в последние века до ХЛ и первые века нового летоисчисления, с этнической карты Европы исчезли италийские и галльские венеды. Лишь венеды-славяне прибалтийских земель продолжали привлекать внимание, они органично входят в ономастическую лексику географов и историков раннего средневековья. Начиная с IX в., для христианских миссионеров и политических деятелей Германии венеды (винды) из отвлеченного географического (этнографического) понятия превратились в объект актуальной политики. Опыт общения германцев и виндов, умножавшийся в течение ряда столетий, отложился в многочисленных и разных по своему характеру письменных памятниках. Благодаря данным этих памятников невозможно поставить под сомнение «славянство» венедских племен и народов, с которыми имели дело немецкие феодалы в ходе их длительного продвижения на Восток. Искать кельтов, как этногруппу, на восточнобалтий-

ских берегех в средние века бесперспективно. Более продуктивной является другая задача, локальная, но, тем не менее, весьма сложная, о связи известных по южной и западной Прибалтике славян венедов (виндов) со славянами в Восточной Прибалтике. Описывая политические и военные события, происходившие на территории региона, Саксон проявляет большую осведомленность о многих этносах, живших или действовавших здесь. Курши, ливы, сембы, земгаллы, эсты, финны, русы, шведы, гунны были известны ему[101], а вот о виндах он не упомянул ни разу. При описании состава армии датского конунга Гаральда Хильдетанда в битве при Бравалле Саксон сообщает об отрядах «склавов» там, где другой, «реферирующий» источник «Фрагмент саги...» фиксирует виндов[102]. Следовательно, он поменял один этноним («винды») на другой («склавы»). Датский писатель, осведомленный не понаслышке, а из первых рук (он принимал участие в победной экспедиции датчан против славянской Руяны) о делах славянского мира, стал одним из первых, кто отказался от древнего употреблявшегося его предшественниками благородного имени «венеды» и предложил хотя и более близкий к самоназванию, но уничижительный этноним «склавы». Последнее слово в странах Западной Европы раннесредневековой поры стало нарицательным для рабов, потеснив в языковой практике оставшееся от античности понятие «сервы» (servi)[103]. Если сравнить перечни этногрупп региона, прилежащего к нижнему течению Зап.Двины и ближайшим балтийским прибрежьям (современная Зап. Латвия), содержащиеся у Саксона и его младшего современника Генриха Латвийского[104], то обнаружится их тождественность за одним исключением. Генрих пишет о виндах (vindi), но не упоминает геллеспонтцев. Датский «грамматик» ни словом не обмолвился о венедах, зато свидетельствует о геллеспонтцах. Логично думать, что, отказавшись от этнонима «венеды», Саксон здесь, на востоке, как в западной части Прибалтики, заменил одно этническое понятие на другое; в одном случае на страницах «Деяний данов» появились «склавы», во втором («восточном») – «геллеспонтцы». Можно рассуждать несколько иначе: Генрих, немало путешествовавший по Восточной Прибалтике, сумел дать этническое определение встреченных на р.Гауе людей. Саксону же, который там никогда не был, этнические связи восточной и южной Прибалтики

не были с достаточной точностью известны, а потому он употребил корректный, но без четкой этнической определенности термин «hellestpontici». Такие позиции, кроме логики, находят поддержку в ряде исторических и историко-лингвистических данных. Из текстов античных ученых (Плиний Старший, Тацит, Птолемей) можно установить, что венеды (венды, винды) были широко расселены на берегах Балтики по крайней мере в начальные столетия христианского летоисчисления. В то время Балтика (или какая-то ее часть) называлась «Венедским морем»[105]. Последнее географическое понятие оказалось устойчивым и продолжало использоваться на протяжении всего средневековья. Под «Venedicus mare», «Venedicus sinus» (последний гидроним встречается чаще) понимался либо весь участок прибрежных балтийских вод на восток от вислинского устья, либо современный Рижский залив[106], а позднее Финский залив[107]. О восточном Виндланде и флоте, который его владыка должен был выставить в помощь конунгу Одду «Стрела», замыслившему поход против Хольмгарда (Новгорода), пишется в одной из саг[108]. Генрих Латвийский называет хронологически ранним районом обитания людей, которых он называет «виндами», участок западнобалтийского побережья, прилежащий к устью реки Винды (Венты, Вянты). Выбитые оттуда куршами, свидетельствует Генрих, винды одно время укрепились и жили в устье «Реки-пролива» (Дюны), а к началу немецкой колонизации оказались вынужденными опять-таки из-за нападений куршей уйти вверх по реке Гауе (Аа), где в отдалении от опасных морских путей построили себе укрепление, которое Генрих и другие немецкие писатели называли, подчеркивая его этническую принадлежность, Венден (Wenden), т.е. укрепление «венедов» («вендское»). К сожалению, историческая справка о венедах первого хрониста Латвии не имеет дат или хотя бы датирующих указаний. Позднее на некотором отдалении от этого укрепления епископ Бертольд построил «новый Венден». Финские племена, в частности – эсты, Bertholdburg звали «Perti-lin». Отсюда его название Пертуев, встречающееся в русских летописях[109]. Старое «вендское» укрепление новгородцы называли «Кесь». Латышское название Цесис, соотносимое со славянским Кесь, стало позднее применяться к новому Вендену[110]. Возникает вопрос, почему по отношению к одной из этногрупп Восточной При-

балтики и связанному с ней топониму, немецкие писатели, начиная с Генриха Латвийского, стали употреблять слово «венд», «винд» и соответствующие производные. Одно суждение выглядит по крайней мере возможным: узнали своих знакомцев с южного берега Балтики. Тождественные обозначения возникли из понимания тождества обличья, языка, культуры... Кстати, то, что миссионеры, как свидетельствует Генрих, нашли быстрое взаимопонимание с виндами, обитавшими на р.Гауе[111], весьма симптоматично. И дело, думается, не только в знании католическими монахами их языка или нравов. Среди клириков или вооруженных пилигримов, прибывших на восточно-балтийские земли, наверняка, были обращенные в христианство западные славяне (винды). В «Хронике Ливонии» под 1218 г. упоминается один из них – «знатный человек из Вентланда Генрих Боревин»[112]. Подобная практика использования новых прозелитов типична в истории римской церкви.

На пути этих рассуждений стоит концепция Августа Биленштейна, получившая вотум научного признания в конце XIX в.[113] и сохраняющая свою авторитетность до сих пор. С этого времени латвийские и немецкие специалисты упорно отрицают связь топонимов Wenden, Widsem с этнонимом windi, wendi (венеды). Приведем как наиболее категоричное высказывание по этому вопросу Макса Фасмера: «Венден – город в Латвии, с венедами (нов.-в.-нем. Wenden – венды – название слав.племени) не имеет ничего общего»[114]. Латышское «Widsem» связывалось Биленштейном с ливским «Iduma». По-русски это значит «северо-восточная земля»[115]. Если взаимосвязанность латышской «sem» и ливской «ma» бесспорна, обе по-русски означают земля, то лингвистическая интерпретация первой части этих топонимов от финского wito, wita («кривой», «косой»)[116] и т.п. – не выглядит убедительной. Чувствуя шаткость аргументации, Биленштейн в одном из последних (и позднее других написанных) разделов своей работы признает «этничность» wid (vid) и пытается доказать, что венеды – одно из леттских племен, ранее живших в Курляндии (раздел соответственно и был назван автором «Die kurischen Wenden der Chronik Heinrichs»[117]). Отдельные положения книги Биленштейна были подвергнуты критике, в частности – А.Бецценбергером[118] и Зелениным. Последний указал, что в «Ливонской

хронике» четко различаются летты и венеды. По его мнению, летты не знали мореходного дела, поэтому они не могли, как утверждал Биленштейн, совершить морской переход от устья р.Венты до берегов Зап.Двины. Это могли сделать славяне. Поэтому венеды хрониста Генриха – славяне. Заключая свои рассуждения, Зеленин пишет: «Нет никаких оснований сомневаться в том, что в древней Ливонии и Куронии жили балтийские славяне, но точных исторических свидетельств о том почти не сохранилось»[119]. Добавим, что в «Рифмованной хронике» (около 1290 г.) говорится о епископе Винно, захватившем «дом виндов» (т.е. Венден), которые «...lettischen Kinder». «Kinder» здесь имеет политический смысл – признавшие старшинство, вассалы.

По нашему мнению, едва ли не решающим в этом сложном вопросе является этимологизация селения, которое Генрих Латвийский называл Венден, новгородские летописи – Кесь, а на современных географических картах оно обозначено по-латышски Цесис. В конце XIX в. Биленштейн утвердил мнение о первичности топонима Zesis (Cesis) по отношению к другим[120]. Однако точка зрения, что русское название Кесь – производное от Цесис, является ошибочной. Начнем с того, что «Цесис» уникален в латвийском ономастиконе. Подобных топонимов нет и на территории литовских или русских земель[121]. Если же обратиться к материалам Спрогиса по литовской топонимике последних десятилетий XVI в., то обнаружится, что в написанных **по-русски** текстах документов «Кесь» и производные от него встречаются четырнадцать раз, причем в двенадцати обозначают сельскохозяйственные угодья: сенокосы («сеножати») и хлебопашные участки («нивы»). «Сеножати» – Кесес, Кесива, Кесия (два раза), Кесиес, Кесияс, Кесуты и др. «Нивы» – Кестине, Кесимас, Кесиям мишкас (miškas – лес). Кроме того, Спрогисом была отмечена речка Кесея и королевский замок «Каменица у месте Кеськом»[122]. В документах, изученных Спрогисом, литовские названия на русский язык не переводились. Стало быть, нельзя предположить, чтобы перечисленные топонимы переведены на русский с латышского Цесис или какого-нибудь литовского названия. Невозможно пойти и по другому пути: считать Кесь литовской лексемой. Этому противоречит не только известный материал новгородских летописей, хронологически более ранних, чем письменные па-

мятники Литвы и Латвии, но и знакомство с летто-литовской лексикой. Русское топонимическое обозначение «кесь» как новгородских летописцев, так и писцов жемайтской канцелярии находит объяснение благодаря польскому языку: kęs, kąs – «кусок». Лексема часто применяется для обозначения земельного надела («кусска) – «kęs (kąs) ziemi». В одном из польских документов (1475) читается: «Petrus... dwa kąszy łąky... miedzy rzeczisky: ieden kąsz na Radwanskem a drugi na Dubskem... obligavit»[123]. Поморяне (кашубы) также пользовались лексемой kęs, kąs[124]. Лужичанам в округе Котбус известны такие названия местностей: Cazow, Cazojki, Kazowar, Kašecy и др.[125] Установлено, что современный Kauschwitz близ Плауена фиксировался немецкими писцами феодальной поры как Cusicz (1263), Cuswiz (1266) и т.д. Последние же названия, по мнению Хея[126], – производные от славянского Kusowici, т.е. «Кусовичи». Расположенный восточнее Kensau произошел от лехитского Kesovo. В Ангальте в документах 1117 г. отмечено селение – Zabukuzi, в 1216 г. – Zabucuze. В основе, как указал Хей, лежит славянский топоним Žabokuzy[127], т.е. «Жабий кусок». Хей полагал, что в основе всех этих названий местностей лежит имя Kus, Kes, указывающее на миниатюрность («малость») обозначаемого субъекта[128]. Траутманн нашел различные варианты топонима «кусок» при изучении средневековых мекленбургских документов, а также синхронных им документов Голштинии. Среди них: Coselowe (Käselow) близ Шверина, Cosen (Cosa) неподалеку от Старгарда, Keez в округе Висмар, Karsow (Carsowe) – по-соседству от Гюстрова и др.[129]

О первичности «Кеси» по отношению к Zesis свидетельствует не только отсутствие на территории Прибалтики производных топонимов от второго, но и наличие их от первого. В современном Цесиском районе Латвии их два: Кечи (Kečі) и Коса (Kosa); в Балвском районе существует селение Каши (Kaši), в Мадонском – Куса (Kusa) и Цесвайне или Кесвайне (Ceswaine)[130]. Последний топоним встречается нередко в средневековых документах Лифляндии: вначале (1210, 1224) в форме Cessow (Кессов)[131], Zcessowe[132], позднее – Cesweghen (1380), Seswegen (1426), Ceszwegen (1464), Ceswegen (1500)[133]. В переводе с немецкого последние слова означают «шестипутье»[134]. Позднейшие названия нельзя признать идентичными первому. О связи Кессова со славянской

ономастикой свидетельствует один из документов, где речь идет о земельном владении Куссен, расположенном в округе Сесвеген (bona in districta, Seswegensi sita, Kussen dicta), которое было пожаловано архиепископом Рижским некоему Иоганну Фогду (Vogd), и поясняется, что Kussen составляет одну треть «пага» Тилен (Tilen)[135]. Kussen здесь не от лехитской, а от восточно-славянской лексемы – «кус», «кусок».

Топоним Коса (Kosa), близ сегодняшнего Цесиса, также из восточно-славянской лексики. «Коса» у восточных славян – знак, обозначавший принадлежность места, границу земельной собственности – в частности, бортное знамя (знак, зарубка или их комбинация)[136]. Каши современного Балвского района близко к сербским (нижнелужницким) топонимам Кашеци (Kašecy), Каш (Kaš), Куш (Kuš), а также к этнониму поморского племени кашубы (kaszi, kasci, kaszubi)[137]. Представляется возможным сближение восточно-балтийской Кеси и кашубов (Caszubi) через лехитское kęs (kąs). Все они восходят к общеславянской лексеме *kas – кусок, часть (надел) земли, принадлежащей какому-то социуму. Кашубы – «люди куска земли», т.е. части земли, принадлежащей лехитским племенам.

Необходимо также указать на восточно-славянские параллели прибалтийской Кеси. В тридцати километрах от Кашина расположена станция Кесова гора. Еще 70 км. севернее, в направлении Весьегонска лежит селение Кесьма. Шёгрен, изучавший топонимику русского Севера Европы, в частности Яренский уезд (юго-восток Архангельской обл. и часть республики Коми), нашел в Венденгской (от Wendenga), т.е. «русской», волости деревню, которую по-немецки он записал как Косла (правильно, по-русски – Касла, Касля – сравни г.Касля на Урале). В этом же уезде им была зафиксирована река Kasa[138].

Совокупность приведенных данных позволяет утверждать, что Кесь – славянский топоним, предшествовавший и определивший фонетический облик леттского топонима Zesis. Признание Кеси славянским топонимом, а леттского Цесис производным от него укрепляет решающим образом позиции тех специалистов, которые видят в венедах бассейна р.Гауи славян, а кроме того, указывают на близость этих славян восточной (так называемой – «поморской») группе южнобалтийских славян.

Приведенный здесь материал органично смыкается с наблюдениями русских диалектологов о довольно широком распространении лехитских говоров в XIX – начале XX вв. на северо-западе европейской России (на Псковщине, в ряде мест тогдашних Новгородской и Тверской губерний)[139]. Лехитские говоры, как показал Шахматов, были присущи лишь части населения русского Северо-Запада, что ведет к признанию определенной этнической разнородности расселившихся здесь славянских племен и разновременности их миграции в регион. «Кесь» – топоним «не родной» для древненовгородских памятников письменности, вернее всего – он взят их создателями у жителей Кеси, является продуктом «коренного» виндского населения бассейна р.Гауи.

Славянская миграция на восток не была одновременным действием. Она развивалась в течение длительного времени волнообразно по мере того как передовые группы славян-переселенцев уходили по рекам в глубь континента – уходили вверх по Двине, но не только – дорога по Гауе к волокам[140], ведущим в бассейн Псковского и далее Ильменского озер, едва ли уступала двинской по значимости.

Рассказы новгородских летописцев о походах русских ратей в начале XIII в. (в частности, в 1218 г.) на Кесь и Пертуев создают впечатление о заинтересованности боярства и купечества Новгородской республики в водном пути по р.Гауе, а также о влиянии Новгорода на живущих по ее берегам людей. Сохранились сведения о наличии у псковского князя Ярослава Владимировича близ Вендена на берегу Гауи земельного владения, называвшегося его именем Jarsow[141]. И едва ли оно было единственным. Во всяком случае на территории «большого» Нового Вендена еще в XIX в. была известна «Русская гора» (Russberg)[142], в земле которой местные краеведы искали память о «старом» Вендене. «Кпертуев» включался в состав русских городов новгородскими писателями XV в.[143]

Если венедами на Гауе германские пришельцы называли славян, фиксируя тем самым их этническое родство с южнобалтийскими виндами, тогда неизбежно следует «ославянить» ряд топонимов Восточной Прибалтики. Со славянами-виндами увязываются такие немецкие наименования, вошедшие в летто-литовскую лексику, как р.Вента и г.Виндава (позднейший – Вентспилс)[144]. Сложнее определить происхождение латышского топонима Vidsem (Widsem). В России территория, обозначаемая им, была известна как Лифляндия (от немецкого – Lifland), т.е. «страна ливов». Именно в Видзем входит территория, где, по сведениям Генриха Латвийского, в начале XIII в. жили винды. Известно, что латвийский топоним Kursem (немецкий – Kurland, русский – Курляндия) означает «земля куров», где sem – «земля», а kur – этноним ее исконных жителей. Думается, что Vidsem составилась по аналогичной модели и означает «земля видов» (виндов), однако это логическое суждение нуждается в проверке: анализе соотношения этнонимических обозначений «винд» и «вид» в более южном, прусском регионе[145].

Не предваряя результатов будущего исследования, отметим, однако, близкие топонимы на землях западных славян: Widsem на землях Познанского архиепископства, Videm – в Мекленбурге (1325,1328)[146], древнечешское Vidim (XIII в.)[147]

* * *

В связи с восточно-балтийской политикой датских конунгов раннего средневековья неизбежно возникает еще один вопрос: в какой части восточно-балтийских прибрежий находилась Ruscia (Russia) датского писателя? Начнем с того, что взятый некогда Фродом русский город Ротала успешно локализируется, благодаря хронике Генриха Латвийского, на западе Эстонии[148], в области, которую германские пришельцы именовали Wik (Wic), вероятно, в силу сходной топографии по аналогии со скандинавскими «виками»[149]. «Русскость» этого названия находит неожиданное подтверждение в данных «Раффельштеттенского таможенного устава» (903-906 гг.)[150]. Благодаря последнему источнику мы знаем, что в Верхней Австрии имели место довольно интенсивные контакты торгового свойства между славянами-русами (или «из русов»)[151] и некими «роталариями». Rotalarii, по мнению комментаторов,– производное от латинского гидронима Rotala. Последний же имеет в основе немецкое название реки Rott (Rotthal)[152], более поздние Rötel[153], Rodel[154]. Необходимо отметить, однако, что в латиноязычных чешских документах Rotala иногда названа на славянский лад Rotila. В документе 1110 г. зафиксирована также речка Rotilich – Ротилич[155]. Едва ли можно предположить,

что народные Ротила и Ротилич являются заимствованными из латинского книжного языка. Более правильным кажется другое: гидронимы Ротила и Ротилич употреблялись в живой славянской речи того времени, оттуда и перешли в латинские документы и разговорный немецкий язык[156]. Об относительной «первичности» в этом регионе славян по отношению к германцам свидетельствуют нарративные источники[157]. Раффельштеттенский устав говорит нам о таможне в «Русской деревне» (Rosdorf)[158], что выше Линца, на берегу Дуная, и в близком соседстве к местам, по которым текли реки Ротала (Ротила) «большая» и «маленькая» (Ротилич).

Это географическое отступление свидетельствует о достоверность сведений Саксона о чужеэтничности жителей «эстонского» вика соседним финским племенам и о близости их к русским (русско-славянским) племенным группам.

Утверждение, что Rotala принадлежит славяно-русской лексике, встречает одно существенное возражение. Корень *rot – совпадает с германским прилагательным «красный». Поэтому были предложены переводы Ротала – «Красный город», «Красная река» и т.п. Эта интерпретация выглядела тем убедительнее, что немецкие источники передавали название города на северо-востоке Эстонии как Rötel, Rottel, Röthel, что по-немецки означает «красный мел», «красный глинистый железняк...»[159] Однако более убедительным является иное объяснение. Словарь И.Я.Спрогиса открывает возможности альтернативной этимологизации онимикона.

Как свидетельствуют документы Жемайтии XVI в., в Крожской волости протекала река Ротоля[160]. Близ ее берегов были расположены «сеножать» (покос) Ротала и «нива» (пашенное поле) Ротели. Лежащая поблизости Вилькийская волость (примерно 50 км западнее Каунаса) дает параллели: Ротолово – имение пана Сапеги, Ротоловский двор к «местечку Межиречу». Рядом с «ротольскими» (ротальскими) топонимами упоминались в документах топонимы ругско-русские. Так через «имение с местечком Межиречь» (Вилькийская волость) протекала речка Ругана. В Крожской волости фиксировалась «пустовская земля» (пустошь) Ругинишки, а в Вилькийской – «нива» Ругенишка, «между землями села Куршайте»[161]. В Видуклевской волости были отмечены

рр. Ругяна, Ругава, Ругая, Ругайша, а также «урочище» Ругины, «сеножать» Ругава Лука, «нива» Ругарас[162].

Думается, что Ратветис, «нива» в «Пернарском поле» упоминавшейся Вилькийской волости, и Ратоклинес, «сеножать» в имении Межирече Видуклевской волости, также сохранили до XVI в., хотя уже в деформированном виде под влиянием господствующей литовской лексики память о древнерусской Ротале[163].

Литовские словари не дают лексических данных: для этимологизации форманта *rot – и производных rotala, rotola и др. Так, Эрнст Френкель в «Литовском этимологическом словаре» передает róti как «zurechtkommen», «fertig werden», т.е. вовремя прийти, подготовиться. А.Либерис в «Литовско-русском словаре» переводит литовское roti на русский как «поспеть», «поспевать». Э.Френкель связывает литовское roti с латышским rat («shelten» – браниться...?)[164]. В современном латышском языке, по свидетельству «Латышско-русского словаря» 1953 года (без фамилий составителей), приводится целое гнездо слов (из числа поздних заимствований, вероятно): rotala «хоровод», «игра» от rotat (украшаться), rota (украшение). Ближайшее и более древнее(?) слово – rotet , т.е. кружение, вращение[165].

«Ротет» (вращение, кружение) связано со славянским лексиконом. В польском rota используется трояко. Слово означает колесование, заседание церковного суда и также некую особую форму клятвы (присяги)[166]. Об особой форме церковного суда «роте» говорится один раз в грамоте митрополита Фотия псковичам (1422-1425): «Или кто поклеплет вас и велят вы облещи собе во всю одежю священническую и таковою ротою судят вас»[167]. Более известно в древнерусском языке другое значение слова рота – «клятва» (присяга). Необходим вопрос: в чем различаются понятия рота и клятва – в древнерусском, польском и др. славянских языках? Факты, собранные Срезневским, дают основание говорить, что рота – коллективное действие; клятва же – акт индивидуальный, причем в ряде древних текстов «рота» как бы предшествует клятве. В «Остромировом Евангелии»: «...начать ротитеся и кляти клясти...». В Никоновской летописи: «...начася ротитеся и клястися»[168]. Представляется, что рота – это тогда, когда группа людей, вставших в круг и оборотившихся лицом к чему-то (или кому-то) в центре, или глядя друг на друга, произ-

носит слова сакрального или императивного смысла хором или в определенной очередности (одинаковые слова)[169]. Что действо связано с кругом (с поворотом в круг) подсказывают такие лексемы русского языка: ворот (одежды), оборот, поворот. Они выражают либо нечто круглое, либо движение по кругу. Известны производные: оборотень – оборачивающийся крутящийся: вратило – шест, на который наворачивали ткань, канат (веревку)[170]; врата (=ворота) – поворачивающаяся часть стены и др.

Глагол «обротать» – значит, окружить силой; в борьбе между людьми – это обхватить и сдавить руками, при объездке лошадей – накинуть узду и сдавить бока лошади ногами и т.п.

Все эти славянские слова коррелируются с латинским rota «колесо», «круг», «нечто кружащееся». Производные – rotalis, rotalim, т.е. предметы кругообразные, действия круговые, вращательные[171]. Некоторые современные европейские языки сохранили смысловое значение латинской лексемы[172].

Поэтому онимикон Ротала (Ротола и т.п.) этимологизируется в рамках славянской лексики, имеет корни в латинской (а не немецкой) лексике и означает круглое по форме или обнесенное кругом (вкруговую) укреплений селение. Река Ротала (Ротола) – кружащая, колесящая. Ротилич – кружащий ручей (ручеек). Соответственно: круглые (кругообразные) поля, сенокосы к др.

Если усмотреть связь балтийских «роталариев» с эстами и ливами невозможно, то тесная военная и политическая (так и хочется сказать – «соседская») поддержка со стороны роталариев-рутенов более слабых, судя по тексту Саксона, геллеспонтцев выглядит весьма красноречиво.

Что земли восточной Прибалтики нередко в Западной Европе назывались Руссией (Russia, Ruscia, Ruthenia), свидетельствует ряд папских булл[173]. Этот этнополитический термин применительно к Лифляндии фиксировался и среди эстонского населения Псковской губернии[174] Здесь уместно отметить, что в одной из первых грамот епископа вновь основанного города Риги Двина фигурирует под русским названием[175].

Одним из косвенных доказательств существования восточнобалтийской («эстонской») «Руссии» является также рассказ Саксона о судьбе Витсерка (Hwitserk), любимого сына Рагнара[176]. Подчинив себе геллеспонтцев и заставив бежать оставшегося в

тексте «Деяний...» безыменным русского «короля», Рагнар отдал земли геллеспонтиков, русов, скифов Витсерку. Затем флот Рагнара покинул восточно-балтийские воды. Подчиняя «все другие нации», Рагнар плавал пять лет. За это время один из бывших правителей геллеспонтцев Дагон, лишенный Рагнаром власти, собрал новое войско, «тайно» приблизился к резиденции Витсерка и, внезапно напав, пленил его. Пораженный мужеством и красотой рагнарова сына, «король» предложил ему руку дочери и раздел земель «царства» пополам. Однако Витсерк милостям победителя предпочел сожжение, разделив тем самым участь своих дружинников, захваченных Дагоном в плен. Узнав о гибели сына, Рагнар помирился с Юббе, оборонявшегося от войск отца на территории Зеландии, и со своим флотом направился в пределы владений, потерянных Витсерком и оказавшихся в руках Дагона. Последний был схвачен (неясно, было ли с его стороны вооруженное сопротивление) и оказался в заточении. Но Рагнар не казнил пленного, а, спустя какое-то время, вернул ему свободу и власть над его страной, на условиях уплаты дани[177].

При чтении этой части книги Грамматика привлекает внимание то, что земли, из-за которых боролись Рагнар и Дагон, называются иногда Швецией, иногда Руссией (Россией). Так, Дагон, подбираясь ночной порой со своими воинами к резиденции Витсерка, хочет лишить его власти над Швецией. Рагнар, дабы отомстить за сына, ведет свой флот в Россию. Место действия исторических героев одно, но названия для него два. Заточив непокорного Дагона в темницу, датский конунг ставит на место убитого Витсерка другого своего отпрыска Ерика «управлять Швецией». Такое сближение Швеции и России невозможно, на наш взгляд, приписать редакционной небрежности писателя или описке копировщика. Дело в другом: часть восточнобалтийской территории в **какое-то** время и **какое-то** время (Рагнар жил и действовал в первой половине IX ст.) рассматривалась как часть Швеции, либо в силу административных причин, либо, что более вероятно, как нам кажется, не только поэтому, но и в силу **родственности** (этнической близости) обитателей обеих берегов Балтийского моря. Здесь уместно вспомнить, что в западнофинских («балтийско-финских») языках та страна, которую русские называют Швецией, зовется Руссией. Текст Саксона подсказывает,

по нашему мнению, объяснение этому. «Русская Эстония» и заморская Скандинавия («Швеция») воспринималась финнами восточноприбалтийских прибрежий как нечто единое – единое в языке, культуре, нравах живущих здесь и там людей, иначе говоря – фиксировалась этническая общность этих людей.

Определенные аргументы в пользу данной гипотезы можно получить из наиболее древних фольклорных произведений финнов, вошедших в «Калевалу». Вот «руна» о Лемминкяйнене и ее русский перевод.

Lähen töitani pakohon,	Обращусь я теперь в бегство,
Pillojani piilemähän.	Чтобы скрыть свои проступки.
Rujotellen Ruotsin rannan	**Шведским берегом я пройду**
Kesellä Viron taroa.	**Посреди эстонских земель**[178].

Здесь шведский, точнее – русский (Ruotsin), берег – это нечто находящееся в составе, «посреди», эстонской территории. В другой руне одна из героинь эпоса дает такую «ценную» информацию:

Olin ma orjana Virossa,	В Эстонии я была рабой,
Paimena pahalla maalla.	На чужой земле пастушкой.
Ot in ma otrat pakastain.	Ячменем взяла я плату,
Kylvin otrat Ruotsin maahan,	**В Швеции посеяла ячмень,**
Viskasin Viron saralle.	**Разбросала зерна на эстонской земле**[179].

Здесь опять «Швеция» (уточним еще раз – Руссия, русская земля) и эстонская земля сближены до «безграничности».

Эти два отрывка позволяют без натяжки утверждать, что земля древних «виронов» и «русский» (шведский) берег или «шведская» (русская) земля лежат рядом, по-соседству. Можно сказать, что Руссия – часть Виронии (Эстии, Эстонии). Эти отрывки следует сопоставить с теми более многочисленными рунами (на наш взгляд, более поздними), где речь идет о «заморских шведах», сиречь – «заморских русах»[180] и попытаться объяснить раздвоение финского этнонима. Наша гипотеза может быть выражена в немногих словах. Западные финны раньше познакомились и имели продолжительное общение с русами, подходившими на

своих судах к их берегу и даже, очевидно, колонизовавшими вооруженной рукой часть их побережья, а «своев» (шведов) знали либо мало, либо не знали совсем. Когда финские племена узнали последних, подверглись воздействию миссионеров и воинов феодального Шведского государства, они стали называть новых пришельцев тем же этническим именем, каким обозначали мигрантов прежних веков в силу близости – культурной, языковой – первых и вторых. От этнонима было произведено название государственное. Так на финских политических картах появилась скандинавская «Russia».

Наблюдения над рунами «Калевалы» позволяют высказать пару замечаний, прямо не относящихся к теме данного исследования, но, думается, способствующих разработке одного интересного сюжета. Во-первых, в русских переводах финского эпоса не следует во всех случаях «ruotsi», «Russia» трактовать как «шведы», «Швеция», а учитывать конкретно-исторический контекст той или иной руны, время ее создания. Во-вторых, вопрос об исторической основе образа Вейнемейнена (Вяйнямёйнена) заслуживает особого исследования, в частности – влияние русско-финских отношений на его генезис. В одной из рун[181] можно прочесть:

– Вейнемейнена сын юный делал лодку –
заклиная, делал лодку, песню пел он.
Вот ладью он приготовил, рыбьей чешуей накрывши,
Он гребет, плывет в той лодке, вдоль реки Невы гребет он,
У залива крикнул Хукко: «Чья ладья плывет по водам?»
«Вейнемейнена потомок в лодке с Терского прибрежья
Плавает по этим водам...»

Указание на южный берег Кольского полуострова – «Терское прибрежье», где сделал лодку «юный сын» Вейнемейнена (Вяйнямёйнена), – требует особого комментария. В этом районе не было финнов и карел, а славянские (русские) поселения появились очень рано. Близость финского героя к русским фиксируется в другой руне, из которой можно узнать, что **«хитроумный русский воин лодку** на скале готовил, челн красивый ловко строил...», «в воду он ладью спускает... и уселся в этой лодке старый верный Вейнемейнен, сел и юный Евкахайнен»[182].

Встречающийся в «Калевале» рассказ о походе «старого витязя» Вейнемейнена в «норвежский край суровый» также должен иметь славянскую («славяно-русскую») историческую основу. Представляется, что детальное изучение взаимодействий и взаимовлияний западно-финских этносов и славян на уровне духовной культуры и зеркально отражавшего ее фольклора может дать многое для понимания этногенетических процессов на севере Европы.

Примечания

1. См.: *Кузнецов Е.В.* Этногенез... Приложение 6.
2. *Norborg L.A.* Källor till Sveriges Historia. Lund. 1968. S.51.
3. Имеются в виду прежде всего исследования ленинградских историков: *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985; *Мачинский Д.А.* О месте Северной Руси в процессе сложения Древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984; *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978; *Булкин В.А., Мачинский Д.А.* Русь конца VIII – начала X вв. на Балто-Волжском и Балто-Донском путях. Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986; *Булкин В.А.* К истории гидронима Двина // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Межвузовский сборник научных статей. Пермский университет, Сыктывкар. 1985.
4. *Носов Е.Н.* Новгород и Рюриково Городище в IX-XI вв. (К вопросу о происхождении Новгорода) // Труды V Международного конгресса славянской археологии (Киев, 1985). М., 1987. С.9.
5. *Saxo.* 1931. P.257, 261.
6. Рагнар был современником Людовика, сына Карла Великого и встречался с ним в г.Майнц. – *Saxo.* 1900. S.489-490. Amberkungen.
7. *Saxo.* 1931. P.233-235. Ярмерика «датского» сближают с остготским монархом Германарихом (ум. в 375 г.). – Saxo. 1900. S.430. Amberkung. Сравни: *Grimm W.* Die deutschen Helden Sagen (разн. издания); *Lukman N.* Ermanaric hos Iordanes og Saxo. Köbenhavn. 1949, Влияние легенд о Германарихе (Эрманарихе) на Саксона возможно, но тождества двух «королей» нет. Бесспорно, Саксон нарушает хронологию, рассказывая о Ярмерике после описания «подвигов» Хадинга (Гадинга) и Фрода (Фротона).

8. *Saxo.* 1931. P.24, 28.
9. Ib. P.233.
10. Бикко играл определенную роль в совете датского конунга. Он разоблачил перед Ярмериком измену его жены Сванильды, сестры «братьев-геллеспонтцев». – Ib. P.234-5.
11. Ib. P.232.
12. Andwan[us], по нашему мнению, либо фризское имя, либо фризская интерпретация одного из туземных имен. Во фризской ономастике встречается: And, Andt, Ant. – Friesche Naamlijst. S.16.
13. *Saxo.* 1931. P.24.
14. Ib. P.23.
15. См. комментарий Т.Н.Джаксон к первому разделу «Древнерусских городов в среднескандинавской письменности. Тексты. Переводы. Комментарий.» М., 1987. С.34-35. Также *Т.Н.Джаксон* Древнерусские города в исландских королевских сагах // Труды V Международного конгресса славянской археологии (Киев, 1985). М., 1987. С.73.
16. Vepsä – самозвание этноса.
17. Об этнономии Иордана. – *Korkkanen J.* The People... P.36-7.
18. Русско-финский словарь под. ред. *М.Е.Куусинена* и *В.М.Олыкайнена.* М., 1963. С.83; Jukeroismurteiden Sanakirja, toim. R.E. Nirvi. – Lexica Societatis Finno-Ugricae. T.XVIII. Helsinki. 1971. S.452.
19. Jukeroismurteiden Sanakirja... S.658-9; 18. Русско-финский словарь. С.137.
20. *Нерознак В.П.* Названия... С.139.
21. *Трусман Ю.Ю.* Этимология местных названий Витебской губернии... С.226.
22. *Бубрих Д.В.* О древней прибалтийско-финской речи // Известия Карело-финской научно-исследовательской базы АН СССР. 1949. № 1.
23. *Saxo.* 1931. P.38, 39, 23, 24.
24. Ib. P.257-261.
25. *Срезневский.* I. С.764.
26. *Будилович А.* XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской публичной библиотеки. СПб., 1875. С.165.
27. Отрывок хроники Петера из Дуйсбурга гласит: «...Romow, trahens nomen suum a Roma...» Комментарий: *Трусман Г.* Введение христианства в Лифляндии. СПб., 1884. С.23, 24 и др.
28. Влахо-болгарскіе и дако-славянскіе грамоты... С.353.
29. Adam. 1959. P.66 note 1.

30. Комментарий Т.Моммзена к тексту Иордана: MGH. AA. T.I. Part 1. Index personarum. P.121.

31. *Mikloschich F.* Die Bildung der slavischen Personen-und-Orstnamen. Heidelberg. 1927. S.7-10.

32. *Vasmer.* Schriften. II. S.608.

33. *Сталтмане В.Э.* Латышская антропонимия. Фамилии. М., 1971. С.49-50; *Stang Ch. Sch.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo. 1966. S.405-6; *Prinz J.* Die Slavisierung baltischer und Baltisierung slavischer Ortsnamen im Gebiet des ehemaligen Gouvernements Suvalki Wiesbaden. 1968. S.9, 87, 110 etc.

34. *Vasmer.* Schriften. II. S.810, 857.

35. *Holder.* I. S.1212.

36. Ib. S.1214.

37. Саксон скандинавское Dagr передает как Dagus, не смешивая его с Daxon. – *Saxo.* 1931. P.130, 133, 257, 259, 260. Переводчики Sögubrot передают скандинавское Dagr на латинский язык также Dagus. См.: Antiquities Russes... P.80-81.

38. Friesche Naamlijst. S.58.

39. *Saxo.* 1931. P.257-8.

40. Геллеспонт-Дарданеллы можно видеть на картографических реконструкциях географических представлений Орозия, Исидора Севильского и др. – *Miller K.* Mappaemundi: die ältesten Weltcarten. Stuttgart, 1898. «Ellespontus» присутствует на одной из древнейших карт, созданных в средневековой Европе – карте Св.Севера (St.Severus). Ее северный фрагмент Конрад Миллер поместил на вклейке к первому тому «Mappaemundi...» Ради точности отметим, что Геллеспонта нет на «англо-саксонской карте» X в. – Mappaemundi... B.III. S.23. Не обсуждал вопрос о проливах, ведущих из Средиземного в Черное море, равеннский Аноним. – Ebenda. B.VI. S.1.

41. Саксон рассказывает о походе конунга Рагнара (первая половина IX в.) в Средиземное море к Геллеспонту («южному»). – *Saxo.* 1900. S.489-490.

42. *Miller K.* Mappaemundi... B.VI. Heft.IV.

43. Имеется в виду карта Помпония Мелы (около 1418 г.).

44. О карте Дженкинсона: *Сапунов А.П.* Зап. Двина... С.32.

45. Подробнее: *Ellis-Davidson H.R.* The Viking Road... P.22. Апулия лежала в некотором отдалении от морского побережья. Ее морскими воротами был Сиборг (Seeborg), который В.Нерманн идентифицирует со славянским Гробином. – *Nermann B.* Grobin – Seeburg. Ausgrabung und Funde. Stockholm, 1958.

46. *Веселовский А.Н.* Русские и вильтины в Саге о Тидреке Бернском (Веронском). СПб., 1906. С.74.

47. *Studer E.* Russisches in der Thidreks Saga // Sprache und Dichtung. B.46. Bern. 1931. S.73-75; *Paff W.J.* The Geographical and Ethnic Names in the Tidriks Saga. A Study in Hermanic Heroic Legend. Cambridge (Mass), 1959. P.219.

48. Критику концепции Пабста-Куника см.: *Клейненберг И.Э.* О топониме Gercike в источниках XIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. IV. Л., 1972. С.121 и след.

49. Догадку о связи германского *Ger и славянского *Яр высказал еще в прошлом веке Иван Желтов.

50. В известной «Хронике Ливонии» Генрих Латвийский передавал имя одного из русских князей Ярослава (Владимировича, правившего в Пскове) как Gerceslawe.

51. Livländische Güterurkunden (aus der Jahren 1207 bis 1500), herausgegeben *H. von Bruiningk* und *N.Busch.* B.I. Riga, 1908. S.234-5.

52. *Клейненберг И.Э.* О топониме Gercike... С.126.

53. *Сапунов А.П.* Зап. Двина... С.126-127.

54. Т.Н.Джаксон во «Введении» к «Разделу IV» сборника «Древнерусские города в среднескандинавской письменности. Тексты. Переводы. Комментарий.» (М., 1987. С.11) утверждает, что две Двины – Западную (Duna) и Северную (Vina) – знает уже «первый топонимический пласт, отразившийся в скальдике и рунических надписях». Попытка вывести германскую «Duna» из славянского гидронима Двина не имеет достаточных оснований ни в истории, ни в лингвистике.

55. См.: *Топоров В.Н.* Oium Иордана (Getica. 27-28) и готско-славянские связи в северо-западном Причерноморье. // Этногенез народов Балкан и северного Причерноморья. Лингвистика. История. Археология. М., 1984. С.136.

56. Подробный анализ данного текста саги дал А.Веселовский в заметке на книгу Ричарда Хайнцеля (*Heinzel R.* Ueber der Hervarar Saga. Wien, 1887). – *Веселовский А.* Готы и гунны и русская местность «Hervarar Saga». ЖМНП. Часть CCLVII. Вып.VI. 1888 (май). С.89 и след. Веселовский обратил внимание на то, что англо-саксонская поэма «Widsith» перемещает место битвы из Причерноморья в Прибалтику, в лес на берегу Вислы (там же).

57. Исландско-русский словарь. Сост. *В.П.Берков* при участии *А.Бедварссона.* М., 1962. С.927.

58. *Топоров В.Н.* Oium Иордана (Getica. 27-28)... С.136, 141 и др.

59. *Jellinghaus D.* Die westfälischen Ortsnamen. Osnabrück, 1923. S.9. О сближении топонимов Duna (Dona) и Dunau (Donau) в раннее средневековье. – *Paff W.E.* The Geographical and Ethnic Names... P.61.

60. *Булкин В.А.* Историко-географические данные к проблеме возникновения городов Днепровско-Двинского междуречья // Труды V Международного конгресса славянской археологии (Киев, 1985). Вып.I. М., 1987. С.37, 38 и др.

61. *Sjörgen J. A.* Gesammelte Schriften. B.II. Teil.1. St.Peterburg, 1861. S.132.

62. *Pabst E.* Heinrich's von Lettland Livländische Chronik. Revel, 1867. S.62. Abmerkung 6.

63. Ebenda.

64. Русско-эстонский словарь. Сост. *Н.Г.Коротами.* М., 1944. С.293.

65. Русско-эстонский словарь – Vene-esti Sõnaraamat. Koostanud *V.E.Mühel.* Toimetanud *B.V.Pravdin.* Tallinn, 1953. Leh.627.

66. Русско-эстонский словарь... 1953. Leh.431.

67. Первичность эстонской лексемы väina по отношению к другим формам, сохранившимся в иных западно-финских языках (ливском, ижорском, финском) была отмечена И.И.Микколой (Die älteren Berührungen zwischen Ostseefinnisch und Russisch // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. T.LXXV. Helsinki, 1938. S.12).

68. Русско-финский словарь, ред. *М.Е.Куусинен* и *В.М.Оллыкайнен.* М., 1963. С.990; Финско-русский словарь. Сост. *И.Вахрос* и *А.Щербаков* под ред. *В.Оллыкайнена* и *М.Сало.* М., 1977 (2 изд.) С.748. Данные этих словарей были сверены по Suomen kielen etymologirien sanakiria, toim *S.V.Toivonen* [и др. составители]. – Lexica societatis Fenno-Ugriae. V.XII. 1955.

69. *Setälä E.N.* Väinämöinen ja Joukahainen. Helsinki. 1913; *Tankelo E.A.* Kalevalan sanat Uvanto jä Uvantolainen. Helsinki. 1914; *Haavio M.* Väinämöinen. Suomalaisten runojen keskushahmo. Porvoo. 1950.

70. *Haavio M.* Väinämöinen... S.301.

71. The Old Kalevala and certain antecedents, compiled by Elias Lönnrot, translated by *Francis P.Magoun,* Cam. (Mass.). 1969. P.303; The Kalevala or Poems of the Kaleva District, compiled by *Elias Lönnrot,* a Prose Translation with Foreword and Appendices by *F.P.Magoun.* Cam. (Mass.) 1963. P.397, 405.

72. *Krohn K.* Kalevalastudien. B.V. Väinämöinen. – F.F. Communications. No.75. Helsinki. 1928. S.365; *Drejer M.* The History of the Äland People... P.313.

73. Плиний зовет обитателей «южного» Геллеспонта – hellespontii (геллеспонтии). Страна их именовалась Hellespontia – «Геллеспонтия».

74. Любой словарь финского или эстонского языков подтвердит эти наблюдения. Ливская лексема может быть проверена по упоминавшемуся словарю И.А.Шёгрена.

75. *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии. Пер. *Н.А.Аннинского.* М.–Л. 1939. С.284; мы пользовались латинским текстом. Русский перевод этого места (X,6) неточен.

76. The Old Kalevala... 1969. P.300.

77. Серьезную попытку доказать, что Вяйнямёйнен (Вейнемейнен) – эпоним венедов путем текстологического анализа наиболее архаичных текстов многотомного издания «Suomen Kansan vanhat runot» сделал *В.Я.Евсеев*: Эпоним венедов в карело-финских рунах // Уч. зап. ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып.2. (№ 105), 1947. С.81. и след. Исследование осталось незавершенным.

78. *Mikkola J.J.* Die älteren Berührung... S.14-15. Версия Микколы была поддержана Фасмером в его этимологическом словаре.

79. Финско-русский словарь... 1977. С.724.

80. Ливонская хроника... С.106, 292 (X,14).

81. *Сапунов А.П.* Река Зап. Двина... С.27.

82. Die slavische Ortsnamen. S.48.

83. *Hey.* S.68.

84. *Дуриданов И.* Заселването на славянест в Долна Мизия и Кселимонт // Славянска филология. Т.VIII. София, 1978. С.359. На публикацию И.Дуриданова наше внимание обратил доктор филол. наук В.Н.Шапошников.

85. *Miller K.* Itineraria Romana. Römische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana. Stuttgart, 1916. S.587-8.

86. *Bezlai F.* Slovenska vodna imena. Del.1 (A-L). Ljublana. 1956. S.131-133.

87. Материал взят Безлаем из недоступного нам издания: *Kos M.* Gradivo za Zgodovino Slovenev v srednjem veku. Ljubliana. 1928. Indeks.

88. *Сапунов А.П.* Река Зап. Двина... С.27.

89. *Bezlai F.* Slovenska vodna imena. S.131-133.

90. *Vasmer.* Die Slaven... S.233.

91. Сведения об этом содержит «Tabula Peutingeriana». – *Miller K.* Itineraria Romana... S.11, 15, 23.

92. В северной части Уэльса течет р.Dubr Duiu, где «Dubr» нововаллийское dwr (вода), т.е. «святая вода» (?). См.: *Seisoneg G.S.* A Dictionary of the Welsch Language. N.Y., 1861. P.136.

93. *Holder.* I. S.1273-4, 1289, 1365 etc.

94. *Adam.* 1959. P.66, 67 note. Издание имеет уникальные параллельные тексты, взятые из комментариев к оригинальной рукописи Адама. Комментарий (scholium), отрывки из которого издатель привел в Notes, был составлен в начале XII в.

95. Ib. P.67 note 71.

96. *Ленцевич С.* Физическая география Польши. М., 1959. С.169, 170 и др.

97. *Сапунов А.П.* Река Зап. Двина... С.IX, прим. 81.

98. Там же. С.27.

99. О «vindur» – Исландско-русский словарь... С.859.

100. Лишь небольшая группа славян, сохранившаяся до XIX в. на землях так называемой Люнебургской пустоши к западу от низовьев Эльбы, называла себя, во всяком случае в рамках уже «нового времени», и, наверное, не без воздействия немецкого окружения, «венедами».

101. О куршах см.: *Saxo.* 1931. P.23, 37, 73, 155, 217, 227, 257 etc. О ливах. – Ib. P.218, 233. Об эстах. – P.151, 217, 319, 477-480, 541. Кроме того, об Эстонии (Estia, Hestia). – P.132, 133, 135, 227. Финны (finni, phinni). – P.19, 65, 138, 256, 275. Русы, русские (ruteni). – P.38, 70, 130, 153, 202, 203, 257, 274, 319. Кроме того, упомянута Sembia. – P.274, 285. Семигаллия (Semigallia). – P.227. Также упомянуты sclavi occidentales (P.543), sclavi orientales (P.449). О гуннах (hunni). – P.105, 107, 129-132, 138-139.

102. *Sögubrot.* 1919. S.18.

103. В средневековой латыни «sclavus» – «раб». Производные от него встречаются во всех романских языках феодального времени (и в большинстве случаев сохранились до сих пор). Все они заимствовали данное понятие от германского слова (слов): sclav[e], schlav[e], slaf и т.п. Отметим особо вестфризское произношение – slaef, северофризское – slaaw. См. подробнее: Deutsches Wörterbuch von *J.Grimm* und *W.Grimm.* B.I. Abteilung 1. Verlag von S.Hirzel; Neue Subscription bearbeitet von *Moriz Heyne.* Leipzig, 1905. S.1309-1310. Ср.: A New English Dictionary . Vol.IX.

104. Генрих Латвийский написал «Ливонскую хронику» во вторую четверть XIII ст., на несколько лет позже Саксона.

105. Лучше и полнее всего эта античная концепция выражена Клавдием Птолемеем в его известной «Географии».

106. *Miller K.* Itineraria Romana... S.616.

107. См. «Морскую карту» Олауса Магнуса 1539 г. О ней: *Савельева Е.А.* Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983. С.29. «Морская карта» на «вкладке» книги.

108. Saga af Örvaroddi. – Antiquities Russes... I. P.105. Часть этой саги, но, к сожалению, без нужного нам отрывка, переведена *Г.В.Глазыриной* // Древнерусские города... С.176-179.

109. *Vierhuff G.* Die Frage: Wo lag die Burg «Alt-Wenden»? beantwortet von Gotthard Vierhuff. Riga, 1884. S.19.

110. *Bielenstein.* S.111.

111. *Генрих Латвийский.* Ливонская хроника... С.106.

112. Генрих Боревин сыграл большую роль в боях с русскими дружинами в 1218-1219 гг. Там же. С.190, 192-194.

113. Позиция А.Биленштейна была поддержана Десятым археологическим съездом в Риге (1896 г.) См.: *Зеленин Д.К.* О происхождении северно-великороссов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1954, № 6. С.85, 86 и др.

114. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения *О.Н.Трубачева.* Под редакцией и с предисловием *Б.А.Ларина.* Т.I. М., 1964. С.290.

115. *Bielenstein.* S.70.

116. Ebenda. S.72. Amberkung 2.

117. Ib. S.334-335. Аргументирует свою позицию Биленштейн тем, что жителей приморской части бассейна р.Вента латыши зовут Wenteneki (Venteneki). Увлекаясь, латвийский историк причисляет к «родственникам» леттских племен венедов Тацита и Птолемея (с.335). И тут же, противореча собственной логике, выводит финский гидроним Ven (Väina) из славянского Двина (с.335). Но если финское название реки заимствовано у славян, тогда следует признать, что последние жили здесь в древности, до появления финнов. Какой же в таком случае этноним должен быть к ним применен? Другого, кроме венеды, источники не дают.

118. *Bezzenberger A.* Bemerkungen zu dem Werke von A.Bielenstein über die ethnologische Geographie des Letten Landes. St.Peterburg, 1895.

119. *Зеленин Д.К.* О происхождении... С.65, 84, 85.

120. *Bielenstein.* S.338. Дискуссия об этнической природе топонима «Zehsis» имела место в 80 гг. XIX в.

121. См.: «Географический указатель» в следующем издании: Тяжбы литовских крестьян и жителей местечек с управителями имений. Сборник документов. Часть III. Жалобы крестьян и жителей местечек Литвы в 1795-1844 гг. Сост. *М.Ючас* и *Р.Ясас.* Вильнюс, 1968. С.494-502. Именной ономастикон также не знает таких имен. Тот же результат дает знакомство с изданиями Георга Геруллиса (Die altpreussischen Orstnamen gesammelt und sprachlich behandelt von *Georg*

Gerullis. Berlin und Leipzig, 1922) и *А.П.Алекса* (Словарь географических названий Латвийской ССР. М., 1965).

122. И.Я.Спрогис обратил внимание на архаичность всех топонимов с корнем «кес». – С.132. Они не связаны с живой топонимикой Литвы: с литовскими селениями. В XVIII в., если судить по данным «Тяжб литовских крестьян», подобные географические онимы на территории Литвы исчезли.

123. Słownik staropolski. T.3. Warsawa, 1961. S.266; *Sławski Fr.* Słownik etymologiszny języka polskiego. T.2. Warsawa. 1958. S.63; *Karłowicz J.* Słownik języka polskiego. T.2. Warsawa. 1902. S.334.

124. *Ramult S.* Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. Krakow, 1893. S.70.

125. *Bjarnat R.* und *Herbert N.* Sorbisch-deutsches und deutsch-sorbisches Ortsnamenverzeichnis. Dresden und Budisin (Bautzen), 1968. S.35, 40, 44, 49, 67, 122, 132 etc.

126. *Hey.* S.99.

127. Ebenda.

128. Ebenda.

129. *Trautmann.* Die slavischen Ortsnamen... S.74, 82.

130. *Алекса А.П.* Словарь... С.30, 31, 33, 61.

131. Ближайшие параллели: лехитское Kesovo (Hey. S.99), лужицкое Casow и производные от него. – *Bjarnat R.* und *Herbert N.* Sorbisch-deutsches und deutsch-sorbisches Ortsnamenverzeichnis... S.126.

132. Livländische Güterurkunden... S.3, 4 (Abm.3), 660 (Index).

133. Ebenda. S.108, 234, 235, 246, 255, 286-7, 337-8, 340, 348 etc.

134. Об этимологии топонима писали в названных здесь работах Г.Фирхуфф и А.Биленштейн.

135. Livländische Güterurkunden... S.234.

136. *Срезневский.* I. С.800.

137. Словарь нижнелужицкого языка. Вып.3. Прага. 1921. С.48-60.

138. *Sjörgen I.A.* Gesammelte Schriften... B.I. S.268, 408. Среди деревень венденгской волости было селение, которое Шёгрен обозначил как Wenden. Венден, кажется, был волостным центром. – S.218.

139. *Шахматов А.А.* Древние ляшские поселения в России. – Славянство. СПб., 1911, № 4-6. С.10, 11 и др.

140. Вопрос о месте Гауи в славянских миграциях уже обсуждался. Поставлен вопрос был в XVIII в. М.И.Щербатовым. А.Х.Лерберг позднее пытался опровергнуть точку зрения Щербатова, что по Гауе через Волок (Валка, Валга) шел путь к Чудскому озеру. – *Лерберг А.Х.* Исследования... С.152-4.

141. Livländische Güterurkunden... S.234-235. Как отдельный комплекс земель – двор и две деревни: Kneiphoff, Salin – «ярославское владение» сохранилось в XV-XVI вв., в более позднее время под именем Gerslau, Gerslow.

142. *Verhuff G.* Die Frage... S.12, 14 etc.

143. Речь идет о дошедшей до нас в копии середины XV в. справке: «А се имена всем градом руским, далним и ближним». – Первая новгородская летопись... С.476.

144. *Зеленин К.Д.* О происхождении... С.87 и след.

145. *Bezzenberger A.* Bemerkungen... Abm.51.

146. *Trautmann.* Die slavischen Ortsnamen... S.164.

147. Codex diplomaticus Bohemie et Moravie. B.1/2. Prague, 1905-1912. P.397.

148. Генрих подробно сообщает о борьбе шведов с эстскими племенами за область Роталию. – Хроника Ливонии... С.210. См. также С.116, 134, 145 и др. Однажды Генрих пишет об областях «морского края, называемых Ротелевик и Роталия» (С.165).

149. В раннем средневековье типологизирующее географическое понятие «вик» было широко распространено. Известен Wic на юге Норвегии, Bräwic – на Балтийском побережье Швеции. Был Шлезвик. Возможно, географическое понятие wic (wik) – фризского происхождения. Сошлемся на аргументацию Элиса Уодстейна (On the Relations... P.8-9). Однако нельзя забывать и многочисленные свидетельства, что славяне называли «виком» укрепленное место с рыночной площадью. См.: *Trautmann.* Die slavischen Ortsnamen... S.164. Сравни: Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI-XIII вв. / Под. ред. *В.Л.Янина.* М., 1987. С.54.

150. Codex diplomaticus Bohemie... Ed. *G.Friedrich.* T.1. Prague, 1904-1907. P.33ff. См. Приложение 4.

151. Первым в нашей стране анализ Раффельштеттенского таможенного устава дал *В.Г.Василевский.* – Древняя торговля... С.121-151. В «славянах из русов» он видел купцов Киевской Руси. Позднее Э.Цёллнер вполне справедливо стал связывать материал устава не с далекой днепровской Русью, а с более близким королевством русов, существовавшим в верхнедунайском бассейне в V ст.– *Zöllner.* S.117-8.

152. См. комментарий Густава Фридриха (Codex... P.35). Также: *Zöllner.* S.108.

153. *Василевский В.Г.* Древняя торговля... С.124.

154. Codex... P.40.

155. Ib. ... P.107. Сравни: P.40, 525.

156. Если наше предположение верно, тогда наиболее ранней германской формой была Rothel, а не Rott, как думает Э.Цёлльнер (S.108).

157. «Chronicon austriacum» (Цит. по тексту Э.Цёлльнера) свидетельствует: «Noricum post diluvium vocata est Zlavenia, deinde Gothia...»

158. Рассказ о таможне в Росдорф у В.Г.Василевского. С.124.

159. Большой немецко-русский словарь. Сост. *Е.И.Ленинг, Н.П.Страхова* и др. М., 1969. С.269.

160. *Спрогис.* С.280: «...Роталя в имении Плущах через ниву Пурвю протекала».

161. Там же. С.184, 281.

162. Там же. С.181.

163. Там же. С.269.

164. *Fraenkel E.* Litavisches Etymologisches Wörterbuch. Lieferungen 7-12. Heidelberg, 1956. S.743.

165. Латышско-русский словарь. Рига, 1953. С.525. Объединяет эту группу слов смысловое пересечение двух понятий: эстетического (красивого) и механико-физического (круг, кружение) – красивое кружение, красивый круг и т.п. Круг – это красиво?..

166. Большой польско-русский словарь. Сост. *Д.Гессен, Р.Стипула*, М.-Варшава, 1967. С.1895.

167. *Срезневский.* III. Дополнения. С.241.

168. Там же. III. С.178.

169. Такой же «ротный» порядок принесения воинской присяги свойственен армиям нового времени.

170. Процесс «наворачивания» чего-то на «вратило» звалось в Древней Руси «врат». – *Срезневский.* I. С.314.

171. Полный латино-русский словарь. М., 1862. С.740.

172. В английском «rota» – «музыкальная композиция, которая имеет форму круга». – The Oxford English Dictionary. Ed. by *R.W.Burchfield.* V.III. Ox., 1982. P.1257. Срав. также лексический материал на P.1260. Известны производные – rotor (колесо турбины), rotation, Rotary Club...

173. *Taube M.F.* Russische und litavische Fürsten an der Düna zur Zeit der deutschen Eroberung Livlands (XII und XIII Jahruhunderts). Jährbücher für Kultur und Geschichte der Slaven, Zeitschrift des Osteuropa-Institut. Breslau. N.F. B.XI. Heft III/IV. 1935. S.392, Abm.6.

174. *Kallas O.* Die Krasnyjer Esten. Volkskundliche Beschreibung // Verhandlungen der Gelehrten Estonischen Gesselschaft. B.21. Heft 2. Jurjew (Dorpat), 1904. S.29.

175. Епископ дарует кафедральному собору Риги «...Silvam insultam de Dwina usque aquem Australem». – Livländische Güterurkunden... S.3.

176. Саксон яркими красками описывает горе Рагнара, узнавшего о гибели Витсерка. Эти отцовские эмоции резко контрастируют с отношением конунга к другому сыну Юббе, пытавшемуся вооруженной рукой отнять у отца Данию.

177. Дагон должен был ежегодно вместе с двенадцатью старейшинами (русами, либо русами и геллеспонтцами вместе) подносить босиком подати Рагнару. – *Saxo.* 1931. P.211.

178. Цит. по: *Евсеев В.Я.* Исторические основы карело-финского эпоса. Кн.2. М.; Л., 1960. С.35. Здесь и далее подчеркнуто мной – Е.К.

179. Там же. С.37.

180. Там же. С.73.

181. Руна опубликована В.Я.Евсеевым. – Руны и исторические песни. Под ред. *В.Евсеева.* Петрозаводск, 1946. С.28-29. См. Приложение 5.

182. Там же. С.20-21.

Очерк 5

ПРИЗВАНИЕ РУССКИХ КНЯЗЕЙ: ПРЕДЫСТОРИЯ

Каждый, кто хотя бы в самой малой степени причастен к истории, знает стародавний текст «Повести временных лет» (ПВЛ), повторенный в многочисленных ее печатных и рукописных копиях, доживших до сегодняшнего дня. Этот кусочек ПВЛ известен среди специалистов как «Сказание (= легенда) о призвании варягов».

Перескажем ее понятным современному читателю языком.

Варяги из заморья брали дань с чуди, со словен, мери, веси, кривичей. С какого времени и как долго летописец умалчивает, но в 859 г. такая дань была варягами взята. Затем, в 860 или последующем году, племена, платившие дань, изгнали варягов за море и перестали платить им дань и стали сами управлять своей землей, но не было среди них правды, и восстал род на род, и были среди них усобицы, воевать стали между собой. И тогда собрались вместе представители враждующих племен на вече (!?) и решили между собой: «Поищем себе князя, который бы управлял нами и судил по праву». И пошли послы их за море к варягам, к руси, ибо эти варяги звались русь, тогда как другие звались свеи (т.е. шведы), другие же – урмане (мурмане – норвежцы), англяне (англичане), другие – готы[1]. Так и эти варяги назывались русь. Послали к руси чудь (эсты), словене, кривичи и весь (вепсы)[2]. А послание их было таково: «Земля наша велика и обильна, а власти в ней нет. Так что приходите к нам княжить и управлять». И вызвались три брата с родами своими, взяли с собой всю русь и пришли сначала к словенам и срубили город (=крепость) Ладогу...[3] В Ладоге «сел» старший брат Рюрик, Синеус укрепился в Белоозере, третий Трувор – в Изборске. И от этих варягов-руси появилось название Русская земля, т.е. Новгородская земля, люди

новгородских земель по имени этого рода варяжского стали называться. А до этого они звались словене... Добавим, что и позднее, вплоть до конца XV в., до включения новгородских территорий в состав Московского государства, имя словене, а не русы, русские, было для новгородцев родным. Даже в XV в. в переписке с Иваном III они противопоставляли свои славянские обычаи русским порядкам московских государей. Легенда кончается сообщениями о смерти Синеуса и Трувора, строительстве Рюриком «Нового города» при истоке Волхова из Ильменя. ПВЛ содержит также информацию относительно размеров державы Рюрика: от Полоцка на Зап.Двине до Ростова Великого и Мурома на Оке[4].

Сказание о призвании варягов ставит два тесно связанных один с другим вопроса: кто такие русы – к славянской или германской семье народов их следует относить? Где находились родные места Рюрика, от которых он и его братья начали свой поход?

Ответить на эти вопросы архисложно. Споры вокруг них, возникшие на ученых собраниях Санкт-Петербургской Академии наук еще в середине XVIII в., не утихают до сих пор. Написаны десятки книг, сотни статей. Анализу этих книг и статей посвящены другие десятки работ... Два с половиной века идет спор между норманистами и «антинорманистами» (последних с позиций «текущего момента» справедливо назвать «патриотами»). Первые считают русов – германцами северными, т.е. скандинавами. Иногда прямо называют русов – шведами (частью шведов). Соответственно, Рюрик – это скандинавский (=шведский) конунг (князь, вождь). Их ученые соперники настаивают на славянском происхождении предводителя русов и поэтому пытаются найти их родные места на южном берегу Балтийского моря...

Начать придется издалека.

В первые века христианского летоисчисления наиболее населенные и хозяйственно-окультуренные земли Европы входили в состав великой державы древности – Римской империи. Ее укрепленные рубежи проходили от Северного моря вверх по Рейну, затем от нижнего течения притока Рейна р. Майн шли к Верхнему Дунаю и от верховьев Дуная до его устья. Были периоды, когда римские легионеры отодвигали имперскую границу далеко на

восток от нижнего Рейна до западного берега Эльбы, от низовьев Дуная до Карпатских гор. Римская агрессия встречала активное противодействие различных «варварских» племен, среди которых наиболее организованными политически и в военном отношении были германцы. К середине IV в. германские племенные союзы контролировали всю лежавшую на север и восток от Империи широкую полосу земель от Балтики до Черного и Азовского морей. Под контролем германских «конунгов» находились различные племена, в том числе и славянские[5]. Долгое время между территориально-политическими образованиями германцев, примыкавшими к римским границам, и Римом сохранялось, хотя и динамичное, но устойчивое равновесие. Однако нашествие гуннов (375-455), а затем вторжение тюркских народов нарушили его. Сорванные ветрами военных бурь с насиженных мест десятки племенных групп, многие сотни тысяч людей буквально заметались по осыпанным головешкам и от разожженных кочевыми ордами пожаров землям Европы. «Великое переселение народов» длилось триста лет. Военно-политическое равновесие, а с ним и относительная стабильность вернулись в Европу только к концу VII в. Но это была уже иная Европа. Изменились ее хозяйственные и социальные устои. Карта государственных и этнических рубежей стала совершенно другой. Германские племена, уничтожив власть Империи, расселились в ее западно-европейских провинциях, включая саму Италию и Великобританский остров. Одно время им принадлежала и большая «половина» имперской Северной Африки. Уходя на запад, германская знать увлекла за собой в качестве зависимых, а нередко прямо-таки порабощенных людей, часть славянского населения – с тех пор на всех языках народов Зап.Европы слова раб и славянин стали звучать одинаково[6].

Однако лишь малая часть славян оказалась за Рейном и Альпами. Большинство же, освободившись от притеснений воинственных германских дружин, вольготно расселилось на территориях Центральной Европы, колонизировало разоренные бесконечными войнами Балканы, появилось на северо-востоке и юго-востоке Италии, на о.Крит, в Малой Азии[7]. Западная граница славянского мира тянулась от венецианских лагун через Альпы по долине реки Эмс к Дунаю и вверх по Дунаю, обходя плотно занятую германцами Баварскую марку, к Регенсбургу, далее на

запад до Боденского озера[8] и в современный Баден-Баден. Памятью о древних славянах остается селение Винден (Winden) на западном склоне Шварцвальда, близ Баден-Шейерн. Само Боденское озеро в античное время звалось «lacus Venetus». К югу и сейчас расположено селение Windisch рядом с руинами античной Виндониссы. Рядом со «Славянским» селением протекает Русская (Reuss) река. А южнее, вблизи озера Люцерн, высится обрывистый Росшток (Рошток). Возможно, горный массив и река разделяли русов (ругов, ругусков) и венедов. Последние размещались севернее.

С гор Шварцвальда славянский рубеж смещался на северо-восток. Территория бассейна Верхнего Майна (в том числе район современного г.Нюрнберг)[9] была населена в то время, если не исключительно, то преимущественно славянами. От верховья Майна, круто поворачивая на север, граница проходила близ р.Фульда[10], верхней части р.Везер, затем, отклоняясь от верхнего Везера к востоку и охватывая германскую Тюрингию, пересекала Эльбу несколько выше Гамбурга и упиралась в Кильскую бухту Балтийского моря чуть южнее г.Шлезвиг. Пределами славянского расселения были балтийские берега. Однако, благодаря М.Фасмеру, известны поселения и на островах «датского» архипелага, где славяне соседствовали с германцами. В Восточной Прибалтике рядом с ними жили финские племена, а в Принеманье и Верхнем Приднепровье – литовцы. Широкая с извилистыми берегами и многочисленными островами леса великая река евразийских степей, от северочерноморского берега вдоль Дуная втекавшая в глубь Европы, где только покрытые лесом ущелья Альп останавливали легкий бег ее ковыльных волн, была заселена тюркскими племенами. Военно-политические образования болгар и авар, особенно – последних, рассекали славянский мир на две неравных части; малую, южную, и огромную, северную. За многие сотни километров от степных становищ селения славян-земледельцев испытывали губительную мощь динамичной степной конницы. Европейская политическая система где-то на берегах Днепра, Северского Донца и у лесных чащоб Донецкого кряжа была ограничена землями Хазарского каганата.

Общий контур этно-политической карты Европы можно детализировать На западе под германским владычеством жила основ-

ная часть коренного, когда-то романизированного населения римских провинций, и начавшийся этнический синтез давал не сразу заметные, но долгосрочные преимущества «романцам» над «германцами». Потомки латино-язычного (римского) населения, звавшиеся славянами – «волохи» или «влахи», отдельными вкраплениями жили и среди славян от Карпат до побережий, омывающих Балканский полуостров морей[11]. Встречались среди славян и отдельные группы германцев, по разным причинам отказавшиеся или не сумевшие мигрировать на европейский Запад. Особенно много было их к северу от Карпат, но находят их и южнее, на Балканах, и восточнее, вплоть до лесов южного Крыма. Внимательный наблюдатель без труда найдет в центральной Европе следы пребывания сарматов (от них получили имена славянские племена сербов и хорватов)[12], а также кельтов[13], гуннов[14]...

* * *

Можно ли обнаружить среди вспененных вод этнического океана Европы эпохи «великого переселения народов» такой невеликий элемент, как русское племя? Оказывается, некоторую информацию о нем сохранили греко-римские памятники имперской поры: Плиний Старший, Страбон, Тацит, Птолемей, Аполлинарий Сидоний, Прокопий Кесарийский, а также сирийские и германские памятники (готские, лангобардские и др.), включая среди последних, так называемые, «Heldensagen».

Ключевым является известный текст тацитовской «Германии»: «... trans Lugios Gotones regnantur... protinus deinde de Oceano Rugii et Lemovii», т.е. «за лугиями готоны (=готы) царствуют... далее за ними у океана ругии и лемовии». «Океаном» здесь названо Балтийское море. «Вектор» рассказа Тацита направлен с юга на север с некоторыми отклонениями на восток. Время, когда так были размещены на землях центральной части Европы могущественные политические объединения во главе с названными племенами,– рубеж I-II вв. ХЛ.

О ругах в Прибалтике знал Иордан. В двадцать шестой главе «Гетики» он пишет о высадке готов на южном берегу Балтики к западу от висленского устья, где названия городов Гданьск (Годаньск) и Гдыня (Годыня) хранят о них память.[15] Позднее готы сместились к югу, двигаясь вверх по течению Вислы и подготавливая себе плацдарм для броска к Причерноморью. Если вопрос со скандинавской родиной готов ясен, то сказать, откуда пришли на южный берег Балтийского моря «ульмеруги» Иордана, не так просто. Господствующей является позиция, разработанная в конце XIX – начале XX вв. германской историографией. Немецкие историки указывают, что руги – выходцы с запада Скандинавского полуострова, из Рогаланда (юг современной Норвегии). Композит ulme- в двусоставном этнониме ulmerugi, по их мнению, – латинизированная форма от искусственно ими сконструированного готского слова *Hulma («остров»). Готский же формант в свою очередь коррелируется со скандинавским *holmr того же значения. Следовательно, этноним означает «островные руги»[16]. Лемовии также рассматриваются как «германский народ», и большинство исследователей ищут их родину на западном берегу Балтики[17]. Представляется, однако, что традиционная точка зрения о «скандинавской фабрике народов» нуждается в коррективах. Больше того, анализ источников позволяет защищать альтернативную версию.

Цезарь в своих рассказах о военных действиях на территории Галлии, происходивших примерно за полтораста лет до описанной Тацитом этнографической ситуации в центре Европы, неоднократно упоминает о рутенах и лемовиках. Если коррелированность ruteni и rugi не выглядит очевидной, хотя, как мы попытаемся доказать, она существует, то близость двух других этнонимов: lemo-vi-i и lemo-vi-c-i бросается в глаза. У них общий формант *lem[o]. Суффиксы -vi- и -vic- встречаются в латиноязычных этнонимах нередко и являются производными от vis – «сила», «мощь». Применительно к группе людей лексема призвана подчеркнуть ее качественную специфику как «воинов», «бойцов» или, быть может, «защитников» (?)[18]. Мы рискнем утверждать тождество двух этнических онимов: они означают «сильные лемы» или «воины (защитники – ?) – лемы»[19].

Ruteni и Lemovii, судя по «запискам» «божественного Юлия», жили неподалеку друг от друга. Подтверждение соседства их можно найти в одном из писем Аполлинария Сидония (третья четверть V в.): «Burdegala, Petrogorii, **Ruteni**, **Lemovices** (выделено мной – Е.К.), Gabolitani, Helusani, Vasates, Convenae, Auscenses... latum spiritualiae ruinae limitem traxit», т.е. некто привел названные,

локально ограниченные и этнически определенные племенные общины (кланы – ?) к последней границе духовной гибели. Данные древних писаний нетрудно подтвердить элементарными наблюдениями над картой античной Франции. Расстояние между главным центром лемовиков civitas Limovicum (Limoviciae), теперь – Лимож, и urbs Rutena[20], ныне – Родез, не превышает 180 км. Оба племени жили на обращенных к Атлантике склонах Центрального массива, и представляется, что хозяйственно освоенные ими территории соприкасались. «Соседская» близость двух племен, зеркально повторенная в двух отдаленных регионах, не может не наталкивать на мысль об их этногенетическом родстве.

Чтобы проверить эту мысль, нам придется привлечь к анализу большое количество разнородных, трудно интерпретируемых исторических фактов.

Во времена Цезаря обе этногруппы были невелики: у них по одному укрепленному городу, но рутены численно больше[21], и если принять во внимание свидетельство Страбона о серебряных копях в их земле, богаче. Но такое скромное положение лемовиков на этнической карте античной Европы существовало не всегда. Широкое распространение топонимов с формантом *lem достаточно убедительное тому свидетельство. Здесь и lacus Lemannus[22], которое сейчас по-русски называется Женевским, и скалистая вершина – Lemincum (Lemene), к югу от него, в окрестностях Шамбери (Савойя)[23]. Возле Шамбери, по дороге на малый Сен-Бернар, известно селение Lemene (Lemens – иначе)[24]. Другое поселение – La Limagne d'Auvergne (Лиманъ д'Овернь) – расположилось в долине р.Алье, между горами Оверни и Форез[25]. Три топонима дает север Испании: Lemavi (близ Таррагоны)[26] и в верховьях р.Миньо в Галисии[27], а также хорошо известный древним Lemica civitas в области Бракарен (Bracarensis). Нельзя забывать, что одна из шестнадцати старейших римских триб[28] звалась Лемония (Lemonia) и происходила из «родового» округа – pagus Lemonia, прилежащего к Via Latina, неподалеку от Porta Capena[29].

На северо-западе от «Города лемовиков», который римляне в имперский период стали звать Augustoritum (= брод Августа), находилось селение Lemonum («Записки» Цезаря) или Λίμονον птолемеевой «Географии»[30]. Позднее, во II в. ХЛ, оно становится

центральной крепостью племени пиктонов (pictones) или пиктавов (pictavi), а в средние века за ним закрепляется французское наименование Пуатье (Poiters).

Невзирая на скепсис Хольдера[31], нет основания отрицать достоверность свидетельства Цезаря, что лемовики жили в соседстве с венедами на территории Арморики (Бретани). Без существования у них поселений близ моря и контактов с владевшими флотом венедами[32] трудно объяснить их появление на кентском берегу Англии, что установил достаточно давно Анри Л'Арбуа де Жюбанвиль[33], или в Каледонии (север современной Шотландии), где «лемские» топонимы нашел Мак-Дональд[34]. Древним был известен островок между Британией и Гиберией (Ирландией) – Лимн (Limnus, Λίμνος)[35]. Укажем и на местность Лимерик в западной части Ирландии (близ устья р.Шаннон).

Здесь следует отметить, что «Город лемовиков», позднейший Лимож, лежит на «Венедской реке» (теперь – Vienna[36]). Пуатье и Лимож ныне находятся на территории департаментов, сохранивших историческую память о древних венедах (департаменты Vienna). Говоря о «Порте лемов» на берегу южной Англии, нельзя забывать и лежащего неподалеку города Винчестер (Vinchester), т.е. «Крепости венедов».

На западе Англии, в Уэльсе и близ берега Ирландского моря, можно найти топонимы, связанные с рутенами, в частности – Ruthin (Сев. Уэльс), Rhos (Rous, Ros) на юге полуострова[37], а также с венедеми. На севере Валлийского полуострова существовала в глубокой древности страна Venedot. Позднее кельты, переселившиеся с материка, стали звать ее Gwyned. Северо-уэльский диалект в средние века – это «Wenedotian Welsh» (Gwyndodeg)[38]. Нельзя пройти мимо римского Виндоланда (Vindolanda) в центральной части «вала Адриана» (ныне – Честерхолм)[39]. Английское графство – Монмаут (или его часть) именовалось в древности Wentloog. На его территории источники XV ст. фиксировали топоним Wentsland и Wentwood[40].

Если же вернуться на континент, то по направлению на восток, к Балтике, встречается целое гнездо топонимов с формантом *lem (lim): бельгийская провинция и город Limbourg; провинция того же наименования в соседних Нидерландах; селение Лембек на северо-западе Германии. В нидерландской земле Лим-

бург расположен г.Фенло (Венло – Venlo). Западно-скандинавские земли дают нам опять соседство местности Vendsyssel[41] и ограничивающего ее с юга Лимфиорда (Limfiord). А восточнее, за морским пространством пролива Скагеррак находится упоминавшаяся уже страна рогов (Рогаланд). Если предположить, что миграция лемовиков и связанных с ними племенных групп происходила по морю, то миновать побережья проливов,соединяющих Северное море (а через него Атлантику) с Балтикой, им было невозможно. Это предположение подтверждают топонимические воспоминания о *лемах (лемовиях) в польском приморье. Так, населенный пункт Лемброк, примерно в 50 км на северо-запад от г.Гдыни, лежит неподалеку от моря и имеет к нему надежный водный путь через систему рек и озер. Заключая эту часть наших поисков, следует подчеркнуть, что народ (этногруппа), образовавшая свое имя от форманта *lem, прошла за долгие века длительный путь миграции из солнечных районов Аппенин через Альпы (западные), Центральный массив современной Франции до побережья Бискайского залива. Оттуда дорога шла морем на южный берег Великобританского острова и в низовья Рейна (районы современных Бельгии, Германии, Нидерландов), а далее через Лимфьорд и другие скандинавские проливы к южной Балтике, в восточную часть современного польского Поморья.

Ономастический материал получил достаточно четкую историческую мотивацию сто лет тому назад в работах А.Л'Арбуа де Жюбанвиля[42]. Его идеи получили развитие позднее у К.Мюлленхофа[43], Р.О.Конвея[44], Дж.Риса[45], Г.Губерта[46] и др. Опираясь на их наблюдения и открытия, можно утверждать, что сохранившаяся древнеевропейская топонимика – не что иное как память о длительных миграциях большой группы античных народов: лепонтийцев, лигуров[47], венедов и др., сдвинутых с мест первоначального обитания на территории современной Италии (север страны) и окаймлявших ее с запада и севера альпийских областей, кельтским вторжением V-IV вв. до ХЛ. Эти древние народы оказались разбросанными (dispersed) по Европе, заняв свободные территории («земельные ниши») широко распространившегося кельтского мира. Картину их «дисперсии» рисует ряд исследователей, подчеркивая, что в ходе нее некоторые мигранты сохранили, а другие утратили (изменили) свои имена[48].

Среди мигрантов была относительно многочисленная, но расколовшаяся на части группа племен (или кланов), этническое имя которых образовано от форманта *lem. Этот формант выводят из кельтского *lep-mo – «голос» (Хольдер)[49], т.е. лемовии (лемовики) – «говорящие люди», либо, опираясь на латинскую лексику и германские заимствования из нее (Gröhler, Cramer), считают, что Lem(o) – «личное имя», производное от «нарицательного», существовавшего в доримскую эпоху у племен «крайнего запада» Европы для образования одной из древесных пород, а именно: lemos, варианты – lem, lim. В Ирландии используется и сейчас в его древнем нарицательном смысле. Соответствующее латинское название ulmus легло в основу научному ботаническому термину – u.compestris. От латинского произошло германское название дерева ulme. С ним специалисты связывают имеющие то же значение диалектные формы германского лексикона – elm, ilm, ilme, aelm, olm, etc.[50] Последние германские лексемы тесно коррелируются с соответствующими понятиями в славянских языках: в чешском – jilem, jilm; польском – ilm(a), болгарском илмъ и т.д. В древнерусском также использовали для обозначения современного вяза слово илем[51]. На украинском до сих пор сохранилась лексема ылем. Знает языковая практика украинского и другое, более архаичное слово лёмъ. В некоторых диалектах великорусского фиксировалась лексическая единица льма – женский род. от мужского лем (лъмъ-?)[52]. Словаки знают только одну форму – lim. Лужичане (нижнелужицкий диалект)– l'om (лём). Если принять, что ilm (илем и др.) – результат взаимодействия с германской лексикой, то по облику более архаичное lim (лем и др.) не имеет параллелей в лексике немецких этносов. Это слово могло прийти к славянам от лемовиев (лемовиков), вероятно, в более древний период, чем началось интенсивное славяногерманское культурное взаимодействие. У части славян заимствование закрепилось в результате длительных взаимодействий на «соседской основе». Иначе говоря, следует предполагать существование лемовиев (лемовиков) в славянской среде Центральной Европы. Заметим, что словаки и западные группы малороссов (украинцев) соседствовали долгие века и соседствуют в настоящее время с говорящими на славянском языке лемками (во всяком случае – ныне славяноязычными). Сербы Нижней Лужицы могли соседст-

вовать с лемовиями на берегах Одры (в нижнем или среднем течении этой реки) до начала движения тех на юг или в ранней фазе этого движения. С лемками связано и немецкое название Львова – Лембург. Селение Лімна и сейчас фиксируется на картах у истоков Днестра...

Следовательно, лемовики – «люди вяза». Вяз – тотем (тотемное божество) этой этногруппы.

О том, что святые (среди них тотемные) деревья были у разных групп европейцев, в том числе у древнейшего населения Италии, написано достаточно много. Припомним хотя бы знаменитый благодаря Плинию дуб в древнем Риме[53]. Он, судя по тексту «Естественной истории», был святыней одного из этрусских племен. Отмечено, что даже после освоения Римом «...в Аквитании... был чрезвычайно распространен культ деревьев... При этом в отличие от более развитых областей империи, где дерево обычно считалось лишь посвященным богу, его атрибутом или угодным божеству даром, здесь оно воспринималось как божество»[54]. В древнейший, доримский период вера в теснейшую связь человека (рода, племени) и дерева (породы деревьев) была значительно распространенней: «...в древней Ирландии многие люди имели своими предками деревья и называли себя «сын ульма» (т.е. вяза – Е.К.), «сын сосны» и т.п.[55]

Не исключено, что культ деревьев был связан с одной из самых ранних религиозных систем Европы – орфической. Последователи легендарного Орфея знали двенадцать священных деревьев, связывая их со знаками зодиака и тем самым устанавливая соответствие небесного (божественного) мира и земного бытия. Одним из священных деревьев почитался вяз, который, по мнению орфиков, имел связь с морскими богами эллинов (Посейдон) и римлян (Нептун). Зодиакальный знак вяза – Рыбы. О том, что море сыграло в жизни древних лемов (лемовиков, лемовиев) исключительно важную роль, речь впереди. Сейчас же уместно подчеркнуть, что «древесный календарь» орфиков отличается в деталях от другого «растительного» календаря друидов, имеет по сравнению с последним более архаические признаки[56].

Если принять за истину точку зрения, что *lem(o) соответствует латинскому и германскому форманту ulm (us), то станет возможным отказаться от традиционной этимологизации иорда-

новских ульмеругов (ulmerugi) как островных ругов. Думается, что Иордан, или его копиист, ошибочно соединил в одно целое близкие, но все-таки разные народы – ульмов (=лемов) и ругов (ulme + rugi). То, что в тексте Иордана присутствуют причудливые сочетания разных этнонимов, известно. Такие этнонимы как rogastadzans, goethescytha, vasinabroncas и др. – породили целую литературу. Основу поисков составляет расщепление иордановских терминов и попытка этимологизировать их порознь[57]. Известно, что Иордан не знал готского языка. Откуда же он мог знать древнюю северо-германскую лексику? Да и были ли в V-VI вв. северо-германские (=скандинавские) племена на южнобалтийском побережье, точнее – в «ругской» его части? «Хольмрюгги» – Holmrugir англосаксонского поэтического памятника VII в. «Видсид»[58] и более поздних скандинавских эпических памятников являются либо особым («другим», «неиордановским») этносом, либо здесь налицо литературная переработка иордановского текста. Последнее – менее вероятно. Нельзя не учесть и того, что готы высадились на материке, а не на острове. В ходе движения в глубь материка они потеснили ульмеругов. Иордановская география не считает, что это племя жило на том или ином островке у устья реки Вислы. Вот текст из главы 26 «Гетики» в переводе Е.Ч.Скржинской: «... готы... из района высадки ... продвинулись на места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана... и, сразившись с ульмеругами, вытеснили их... Затем подчинили их соседей – вандалов...» и т.д. Непонятно и такое обстоятельство: Тацит и Иордан (особенно – последний) стремятся отличить лемовиев и ругов от германцев, а исследователи упорно отыскивают способ включить их в германский этнический мир.

Итак, в ulme (ulmae, ulmi) надлежит, по нашему мнению, видеть недостающих в иордановском перечне племен Скандзы лемовиев Тацита соседей ругов, но имя их передано в переводе на «рабочий язык» писателя – латинский[59]. В пользу разделения ульмов и ругов говорит и тот факт, что в другой главе «Гетики» (XXIV) этноним руги стоит в перечне племен отдельно, без какого-либо дополнительного композита.

* * *

Установить связь рутенов и ругов является задачей более сложной, но разрешимой, тем более, что факты из истории ругских соседей лемовиев (лемовиков) дают по этому вопросу определенную аргументацию.

Тацит, отмечая близость ругов и лемовиев в социально-экономическом плане, отличает их от живших в условиях доклассовой демократии соседей. Руги и лемовики подчинялись «царям», причем институт царской власти у них более развит, чем у готов[60]. Более цивилизованно, чем у соседей, выглядит вооружение их воинов. Они сражались короткими мечами. Тела прикрывали круглыми (легкими и сравнительно небольшими) щитами, свойственными «легкой» пехоте. Наблюдение Тацита коррелируется с рассказом Цезаря об одном из эпизодов галльской войны: «...туда пришли стрелки из рутенов, конные из Галлии...» – «Venerant eo sagittarii ex Rutenis, equites ex Gallia». Здесь рутены выступают как легковооруженные пехотинцы, для оборонительных вооружений которых был характерен небольшой круглый щит.

Еще более четкую грань между ругами и их соседями (в их числе – Grannii, Augandzi, Eunixi, Taetel, Arochi, Ranii), с одной стороны, и германцами,– с другой, проводит Иордан. Перевод Е.Ч.Скржинской: «все эти племена, превосходящие германцев как телом, так и духом, сражались всегда со звериной лютостью» (hae itaque gentes, Germanis corpore et anima grandiores, pugnabant beluina saevitia)[61]. В комментариях Скржинская указывает, что, по свидетельству Т.Моммзена, в некоторых рукописях вместо «germanis» написано «romanis» или «germanis et romanis». Противопоставление ругов и романцев не вытекает из контекста и выглядит либо поправкой позднейшего переписчика, либо ошибкой. С подчеркиванием же отличия ругов от «германцев и романцев» можно согласиться[62]. Тем более, что Цезарь четко различает легкую пехоту «ex Rutenis» от всадников «ex Gallia».

Клавдий Птолемей вблизи балтийского побережья зафиксировал племя Ῥουτικλιοι (Ῥουτικλειοι), т.е. рутиклеи. Некоторые историки нового времени (Zeuss, Müllenhoff) видят здесь искаженное *Τουρκλειοι, т.е. Turcilingi, Thorcilingi. Другие (Müller, Much) предлагают исправить употребленное Птолемеем слово на *Ῥουγικλειοι, т.е. видят в формативной части знакомый из других

источников этноним rugi[63]. Представляется, однако, возможным вторую часть онима κλειοι, κλιοι перевести как «славные», «известные», а первую часть рассматривать как усеченное ruteni, rutheni, rutones или (точнее) усечение греческих этнонимов Ῥουτηνοι, Ῥουταινοι (Страбон, Птолемей). Что таков усечение – ruti, rue – в языковой практике наблюдалось неоднократно, свидетельствуют данные «Древнекельтского словаря» Хольдера[64], в первую очередь это касается меровигских монет, а также имен личных: Rutius, Ruticus, Rution. «Vita S'Evermari», сообщает о лесе, который «Рутиус (Rutius) называется» и т.д.

Получаются «славные» (известные) руты (рутены). Вряд ли такое определение как славные было применено Птолемеем к затерянному на глухих балтийских прибрежьях германскому племени, ничем себя не проявившему в исторических действиях предшествовавшего Птолемею времени. Иное дело рутены Галлии, с которыми пришлось многократно иметь дело римским политикам и известия о которых разбросаны на страницах военно-исторического труда Цезаря, а также в сочинениях Плиния Старшего, Страбона и других крупных ученых первых веков ХЛ.

Следует обратить внимание на такой феномен: ближайшие параллели имени русского князя Рюрик (Rurik) связаны с Лиможем переходного от античности к средневековью времени. Два епископа этого аквитанского города носили имя Ruricius. Один из них руководил церковной жизнью горожан Лиможа на грани V–VI вв. Ruricius II (или Roricius II) занимал епископскую кафедру на несколько десятилетий позднее. На рубеже VI-VII вв. жил Roricius presbyter[65]. В римскую пору антропоним Рурициий, Рурикий (Ruricius) имел более широкое распространение. Префект Pompeianus Ruricius вел в 312 г. войска императора Максенция против Константина Великого к Вероне[66].

Нельзя пройти мимо главного города рутенов, сохранившегося до наших дней под названием Родез (Rodez). Вероятно, топоним произошел от наименования святилища бога рутенов – Рода (Рада)[67]. Позднее культ Рода (Рада) получил распространение среди различных групп славян.

И еще одно. Местность, где жили рутены, т.е. «Rutenicus pagus» по-французски была зафиксирована как Rouergie, т.е. Руэрг (=Руэг), искаженное *Руг[68]. Логично думать, что во французском

сохранился древний туземный онимикон – то, как называли аборигены свою землю. Рутены жили на «ругской земле». Этническая обусловленность топонимического обозначения представляется реальной. Отсюда проистекает, что этногруппа, описанная Цезарем как рутены, имела и другое имя – руги (руэги – ?). Но если это так, то этнонимическая связь прибалтийских и аквитанских ругов очевидна и должна иметь под собой определенную социокультурную основу, т.е. если не тождество, то этническую близость.

Проведенный анализ позволяет признать два положения: прибалтийские руги и руэрги (рутены) связаны этнографически (1) и обе этногруппы как-то по особому соотносятся с «лемовиями-лемовиками» (2). Но если последние были лигурийцами, то не следует ли признать таковыми ругов-рутенов и тем самым определить то общее, что объединяет аквитанские и прибалтийские этносы? Иначе говоря, не имели ли все четыре племенные группы общую этно-культурную основу, на базе которой и развивался их этногенез? Положительный ответ подсказывают такие авторитетные нарративы древности как «Естественная история» Плиния и «География» Птолемея. Они свидетельствуют, что на северном склоне Альп, в долине верхнего Инна (приток Дуная), включенной военной экспедицией Друза в 15 г. до ХЛ в состав имперской провинции Реция, жило небольшое, судя по занимаемому пространству, племя «ругуски»: rugusci, Ρυγοῦσκαι[69]. Латинский вариант, предложенный Плинием, признан реферирующим[70]. На основании характерного суффикса «sk» этноним считается лигурийским[71]. Формантная его часть *rug(u) совпадает с именем балтийских ругов и предельно близка аквитанским ругам – руэргам. Думается, что мы имеем право замкнуть нашу аргументацию выводом, что все три ругских этногруппы: альпийская – аквитанская – балтийская, подобно аквитанским лемовикам и балтийским лемовиям, имеют лигурийскую основу. Кстати, среди названных Иорданом соседей прибалтийских ругов было племя по имени евниксы – (искаженные – евниски – ?), а в области Судет источники фиксировали негерманские этносы и среди них народ, одно из известных имен которого warasci[72].

Особого внимания заслуживает этноним раны (rani, ranii)[73], помещенный Иорданом по соседству с ругами: ...rugi, arochii,

ranii. Раны, как и другие «народы» перечня, выносятся им за число германских этнических групп Скандзы. Попытки немецких специалистов найти родину племени в Скандинавии не имели успеха[74]. Более продуктивной является точка зрения Хольдера, указавшего кельтские параллели и поддержавшего этимологию своего предшественника Виндиша (Windisch). Последний видел в основе этнонима общеиндоевропейскую (ведическую) лексему randh: некая часть, «переданная во власть», «во власти кого-либо оказавшаяся (in die gewalt jemandes geraten)»[75]. Уместно заметить, что среди племенных (родовых или клановых – ?) имен древних италийцев были Rana, Rasena (Rasna)[76], что тесно коррелируется с результатами анализа других этнических терминов Тацита и Иордана. Вероятно, существовала какая-то связь (зависимость?) ранов от ругов. Средневековые источники (X-XII вв.), говоря о жителях о.Руяна (Руген, Рюген), чаще употребляют этноним раны, чем руги или русы (хотя все они в то время воспринимались наблюдателями, как синонимические). Не потому ли до сих пор возникают затруднения с этнонимикой Центральной Европы Тацита, Птолемея, Диона Кассия, Иордана и др., что недостаточно учитывается докельтский и догерманский слой европейского населения.

О взаимодействии ругов и *лемов (=лемовиков-лемовиев), а также венедов свидетельствуют топонимические реалии современной Зап.Европы, хранящие память о расселении племен и народов в древности. Частично они уже приводились, когда речь шла о вероятном пути *лемов к южнобалтийскому побережью. Не повторяясь, отметим, что на северо-западных склонах Альп и по другую сторону Женевского озера, наряду с «лемскими», встречаются онимиконы венедские и «русские» на близком расстоянии друг от друга. Известен, в частности, кристаллический массив Rousses Grandes (Рус Гран) близ Арка и Романша (l'Ark et la Romanche). Селение Rousses в горной местности Юра (близ Сент-Клода). На юго-восток от Лиона находится город Venisseux[77], неподалеку селение Vienne. Нельзя пройти мимо наблюдений И.Покорны о Venetulani в Лациуме и Venostos в Альпах[78]. Установление этнического родства ругов и ругусков позволяет по-новому взглянуть на проблему возникновения «Королевства ругов» в V в. на верхнедунайских землях. Не исключено, что потомки альпий-

ских ругусков, а не только пришельцы с Балтики, создали основу этого «племенного» государства.

Сюжет о миграциях прибалтийских ругов требует особого и подробного анализа. Сейчас же более уместно завершить рассмотрение двух тесно связанных с приведенным материалом вопросов: о трансформации термина руги в этнонимы русы, русские и о литературно-исторической судьбе другого этнонима рутены (ruteni, rutini, rutheni).

Отвечая на первый из поставленных вопросов, следует начать с общего положения лингвоисторического плана: лигурийский, определяющий принадлежность по месту и родству (в том числе этнородству) суффикс «ск», а также его усечения «с», «к» сохранились в славянских языках[79]. Широкое распространение суффикса «ск» у различных славян – западных, восточных и южных позволяет уверенно говорить о том, что этот суффикс был уже в праславянском языке. Отсюда следует вывод, что лигурийское влияние существовало на ранних этапах развития славянского языка, и тем самым ставится проблема славяно-лигурийских этногенетических и этнокультурных взаимодействий. Если наша логическая посылка верна, то процесс развития онимикона в славянском языке должен иметь такую схему: rugusci – rugi – russi – rusi; или rugusci – ruski – rusi. Иначе говоря, один вариант должен быть таков: ругуски – руги – руззи – русы. Возможность такого движения достаточно четко выявлена лингвистами[80]. Исторические факты свидетельствуют, что развитие могло происходить несколько иначе: ругуски – руски – руси (русы). Схему такого развития фиксируют латиноязычные актовые материалы и нарративы раннесредневековой Германии. Наряду с традиционным в то время разговорным германским rugi (Rugaland, Olga-regina Rugorum т.п.) появляются и употребляются, как установил А.В.Назаренко[81], довольно часто иные: ruszi, rusci (Титмар Мерзебургский), ruzzi (Баварский Географ) и т.п. Знакомство того и другого средневекового германского писателя со славянами было не книжным, а происходило в повседневной жизни, особенно у Титмара, пастырская деятельность которого имела объектом славянское население на берегах среднего течения Эльбы. Нельзя, думается, этимологизировать указанные этнонимы в рамках германского лексикона[82]. Слова ruszi, rusci, ruzzi – славянские, но

записанные в немецких рукописях латинскими буквами. Эти три слова надлежит, по нашему мнению, читать так: руцки, руски (или рузки – ?), руцци. Подчеркнем, германолатинская буква «z» фиксирует славянский (русский) звук «ц», а не (как это предполагалось ранее) – «з». Среди возможных доказательств – такое: великорусский этноним «русский» по-белорусски – «руцкий», а на трубчевско-брянском – «руцкой»[83]. Если учесть, что радимичи и вятичи, составившие первооснову славянского населения в современных Брянской области и юго-восточной Белоруссии, пришли из «ляхов», т.е. из западно-славянского региона, то историческое обоснование предложенной версии налицо.

* * *

Здесь следует обратить внимание на то, что ономиконы с суффиксом «ск» (ик, зк), продуктивные среди славян IX-X вв. существовали задолго до этого времени и на значительном расстоянии от очерченной специалистами области обитания славянских племен. Прокопий Кессарийский в своем сочинении «О готской войне» (II.392,2) сообщает о том, что в Бруттии «вблизи удобной гавани», на «том русском берегу» – in eo littore Ruscia (’Ρουσκια), «древние римляне соорудили крепчайшую крепость» (Romani veteres castellum validissimum condiderunt), которая имела протяженность около 60 стадий: «stadiorum circiter LX interjecto spatio». Далее византийский писатель сообщает о тяготах ромеев, осажденных готами Тотилы в Русской крепости (in castello Rusciano)[84]. Здесь обращает на себя внимание, что крепость на русском берегу – сооружение «древних римлян» (?) или, может быть, каких-то современников «древних римлян». Поэтому Р.С.Конвей отметил топоним в перечне своих древнеиталийских (доримских) надписей – правда, подчеркнув неуверенность в правомерности этого[85].

Птолемеева «География» (II.10.2) содержит информацию о реке и городе Рускион (Роускион – ’Ρουσκιων) на территории исторической провинции современной Франции Руссильон. Позднее, в раннее средневековье, указанные местности Руссильона фиксировались в письменных памятниках как Ruscino. Комментаторы затрудняются определить этническое происхождение онимикона: финикийское или галльское...[86] Возможно, лигурийское? Если

рискнуть опереться на эти два онимических факта, то открывается дорога к поискам прародины людей, владевших в древности русским именем (=этнонимом) на территории Средиземноморья. На острие поиска должны оказаться, как когда-то предлагал Л'Арбуа де Жюбанвиль, так называемые, «морские народы»[87] или «северные варвары» – предмет долгих тревог египетских жрецов и левитов иерусалимского храма. Некоторые ориентиры уже указаны специалистами. Это сохранившиеся от очень давних времен топонимы с корнем rus- в Сев.Африке. Среди них довольно крупный порт Rusaddir близ современной Мелильи[88]. Вероятно, с этим финикийским онимом должен быть сближен город на Пиренейском полуострове, близ позднейшей Таррагоны (Hispania Tarraconensis), названный в «Географии» Ригоуза ('Ριγουσα). Учитывая уже проанализированное написание Птолемеем этнонима Rugusci как Ριγοῦσκαι, возможно предложить латинский вариант написания пиренейского топонима в форме *Rugosa (Ругоза, Ругоуза).

Нельзя также пройти мимо названия местности в Элладе, к северу от Мегары – 'Ρους, т.е. Роус, Рус[89]. Двигаясь дальше на восток географически, а хронологически в глубь тысячелетий, нельзя не принять во внимание давние розыскания Анри Л'Арбуа. Ученый сообщает, что народ rutennu упомянут в одной из древнеегипетских надписей: рутенну вместе с ассирийцами (под их главенством) нападали на Египет. Л'Арбуа поддерживает точку зрения Шарля Ленормана, ученика великого Шампольона, что «...лидийцы, людой (Ludoi) – по-гречески, людденс (Luddens) Библии, по-видимому, идентичны тем рутеннам, именем которых египетские памятники обозначают ассирийцев»[90].

Взгляды французских ученых прошлого века находят поддержку у современных специалистов. И.Ш.Шифман в своем комментарии на X главу книги «В начале» (=Бытие) сопоставляет упоминаемый в этом тексте (10.2) этноним Магог со страной Магог у Иезекииля (38.2) и «князем» (архонтом – греч.) этой земли Гогом (Иезекииль. 38.2-3;39.1). Последнее имя в свою очередь «сопоставляется с именем Гига, царя Лидии». Шифманом предлагается также передавать этноним Лудим, Луд (см. канонический перевод на русский язык книги «Бытие», 10.13, 22) как Лидия[91]. В «Родословии сынов Ноевых» положение этого народа выглядит двойственным: в стихе 13 он связан через египтян

(Мицраим) с «хамитами» (потомками Хама), в стихе 22 Луд (Лидия – ?) – четвертый сын Сима («Элам, Ассур, Арфаксад, Луд...»), т.е. причисляется к семье семитских этносов. Возможно, в библейском тексте отразились разные периоды древних миграций лидийцев. Известно, что Иезекииль описывал географические реалии VII-VI вв. до ХЛ. Тогда, как свидетельствуют древнегреческие писатели, лидийцы жили на западе Малой Азии, но взаимодействовали с египетскими фараонами в качестве наемников или поселенцев. Во всяком случае, Иезекииль предрекает Лидии гибель «от меча» (персов – ?), наряду с Ливией, Эфиопией и др., вместе с Египтом (30.5). Иосиф Флавий несколькими столетиями позже размещал Лидию на территории Малоазийского полуострова. Следует припомнить точку зрения русского экзегета А.П.Лопухина: «...в классическую эпоху население Лидии было скорее арийского, чем семитического происхождения, ученые предполагают, что семиты населяли эту провинцию лишь в самой глубокой древности, но что впоследствии они уступили ее арийцам. Эта постепенная замена одного населения другим происходила главным образом в эпоху ассирийских царей, в анналах которых и можно находить некоторые намеки на него»[92]. Наука последних десятилетий выявила политическую и культурную преемственность между Лидией первого тысячелетия до ХЛ и хеттами более раннего времени, хотя обнаруживаются и следы влияния месопотамской культуры (вавилонская система мер и весов – например).

«Книга» пророка Иезекииля сообщает о «князе» Гоге из земли Магог, который угрожает спокойствию жителей «гор Израилевых» (38.2-3; 39.1). О Магоге – но как об эпониме – сообщается также в «Бытии» (10.2) и в первой книге «Паралипоменон» (1.5). Текст одинаков: «Сыновья Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, (Елиса), Фувал, Мешех и Фирас». Елиса фигурирует также во внуках Иафета как сын Иавана (Бытие, 10.4; Паралипоменон, 1.7). Иезекииль лучше владеет информацией, чем люди, редактировавшие «Тору» или «исторические книги» Ветхого Завета. Он сообщает, что земля Магог расположена на севере («от краев севера» – 39.2), на побережье и островах[93]. Люди живут там «безпечно» (39.6)[94], «беззаботно», на «земле неогражденной» (38.11). Анализ текста Иезекииля показывает, что ближе всего географические

ориентиры земли (страны) Магог подходят к западному берегу Малой Азии, у берегов которой много островов. Следует обратить внимание на то, что правильное понимание географического положения страны Магог помогает правильно объяснить имя ее правителя Гог – точнее говоря, подтвердить мнение Шифмана о тождестве библейского Гога с описанным в древнегреческих источниках Гигом, основателем Лидийского царства[95]. Комбинация данных эллинских, египетских и варварских источников позволяет установить, что довольно продолжительное время в первую половину первого тысячелетия до ХЛ Лидия и ее воины играли выдающуюся роль на морях и, естественно, берегах Восточного Средиземноморья. Известно, что создатель Лидийского царства имел интенсивные дипломатические отношения с Ассирией и Египтом. При фараоне Псамметихе между Египтом и Лидией был подписан договор «о дружбе». В «Плаче о Тире» Иезекииль пишет о наемных воинах Тира: «Перс и Лидиянин и Ливиец находились в войске твоем» (27.10). Служили «лидияне» также наемниками в Египте (30.5,6). Поэтому неудивительно, что в тексте иудейского пророка сообщается, что наряду со страной Магог, под властью Гога (Гига, Гигоса) находились в те времена Мешех и Фувал (38.3;39.1) – родственные «яфетические» народы (Бытие, 10.2; Паралипоменон,1.5) и, наверное, территориально соседние народы[96]. Кроме этих двух народов, в числе подвластных «князю» Гогу в «Септуагинте» и переводах с нее фигурирует народ рош (рос). Процитируем известного российского экзегета начала нашего столетия М.Скабаллановича: «Но LXX и все другие древние переводы (выделено мной – Е.К.) считают Рош собственным именем, след. именем народа»[97]. Иначе говоря, в указанных текстах Рош как и стоящие у Иезекииля вслед за ним Мешех и Фувал, являются этнонимами. Комментаторы давно обратили внимание, что в позднейших масоретской Библии и «Вульгате» Иеронима эпоним отсутствует. Вместо него предлагается термин политический: «наси рош» и «princeps capitis». Однако отбросить мнение «Септуагинты» как ошибку переводчика или описку переписчика представляется невозможным. Во-первых, в этой греческой версии ветхозаветных книг существует несколько уточнений древнеиврите кого текста как раз географического плана. В пророчестве Исайи о Тире (23.1-10) вместо Таршиша иудейского канона – Септуагинта ставит Карфаген. Шифман дает такой комментарий: «Упоминание Карфагена вместо Таршиша – древнего государства на территории южной Испании – позволяет полагать, что вариант Септуагинты возник не раньше конца VI в. до н.э., когда карфагеняне разрушили Таршиш и заняли его место в политической жизни Западного Средиземноморья»[98]. Во-вторых, существует, наряду с греческой, другая, восходящая к сирийскому переводу Ветхого Завета (Пешитте), традиция включать росиев (rosaye) в генеалогию яфетических народов[99]. В-третьих, чисто иудейская традиция также относит русов к древним яфетидам, связывая их не с Иаваном, а седьмым (восьмым – ?), последним сыном Яфета Фирасом (Тирасом)[100]. По мнению Ш.Ленормана и других исследователей, «...Фирас – это то же, что классические «тиренцы» – древнейшее пелазгическое народонаселение сначала древней Лидии и Финикии, отсюда Греции и наконец Италии»[101]. Приведенное мнение опирается, в частности, на свидетельство Геродота, что лидяне, выселившиеся из Лидии вследствие многолетнего голода, стали зваться тирренами по имени их предводителя Тиррена[102]. Переселенцы из Лидии появились на морских границах Египта, о чем свидетельствуют иероглифические надписи этой страны. На северо-западе от владений фараонов, по наблюдениям египтолога Эберса, были отмечены некие Lutu или Rutu. Французский историк начала нашего века Э.Филипон утверждал, что часть «народов моря» «из Малой Азии» после поражения от Рамзеса II осели на землях западнее нильской дельты, т.е. на территории Ливии (XIV-XIII вв. до ХЛ), и именно отсюда они начали колонизацию берегов западного Средиземноморья. Филипон имеет в виду прежде всего шардана, которые дали позднее название колонизованному ими острову Сардиния. Отметим, что столичный город Лидии тоже Сарды. О связи жителей стран Западного Средиземноморья и Лидии свидетельствуют античные авторы, в частности Тацит. Предположение, что, кроме шардана, у северо-западных границ Египта какое-то время обитали другие выходцы с западно-малоазийского побережья больше, чем правдоподобно[103]. Наверное, луту – это люди из Лидии, и, что самое важное, они, судя по всему, родственны (тождественны – ?) руту, т.е. рутенну, рутенам. Вывод, минимально возможный, на основе приведенных здесь материалов: в период лидийской гегемонии на

восточных берегах Средиземноморья в состав политической структуры, возглавляемой Гогом (Гигом) и его наследниками, входили разные этносы (племена, народы и т.п.), в их числе и предки русов (ругов, росов, рутенов). Подчеркнем что наименования лидийцев у евреев (луд, т.е. люд) и греков (людой, т.е. люди) мало различимы от русской лексемы нашего времени «люди». Впрочем, близки и аналогичные лексемы в других европейских языках: прусское ludis – человек, латинское laudis – народ; варианты из германских языков – liud (liodh, lyd), liuti (совр. – Leute)...

* * *

Повсюду близ «топоследов» русов (рутенов) находятся такие же лемов и (реже!) венедов (энетов, виндов)[104]. На северо-востоке Энеиды в древнейшие времена славился «равнинный, богатый хлебом» о.Лемнос («лемский остров), «Лемн священный» гомеровской «Илиады»[105], неподалеку, на побережье Херсонеса Фракийского, лежал порт Лимны. Южнее, в Ликии, существовал г.Лимура (Limura). На другой стороне Эгейского моря, в Фессалии, античные нарративы фиксируют еще один лимский город – Лимнайя (или Лимнатос). Селение того же названия известно в Арголиде. Лимна (Λίμναι) – город на границе Лаконии и Мессении. В Спарте и Афинах были «лимнские» («лемнские») кварталы. На северо-африканском побережье, на незначительном расстоянии от порта Русаддир было известно селение Лемнис (Lemnis). Восточнее, в годы существования здесь римской провинции, находился муниципий Lemellef, в «Певтингеровых таблицах» – Lemelli praesidium; встречаются такие варианты написания – Lemelli, Lemellensi[106]. На северо-западе Средиземноморья рутенская топонимика указываст, что районом колонизации для носителей этого этнонима стала прибрежная полоса в отрогах Пиренеев. О рутенах в горных областях пиренейского севера знал Исидор Севильский (VII в.). Селение Vindeleia, согласно «Путеводителю Антония» (Itinerarium Antonii), существовало в землях кельтского племени антригонов в «Hispania Tarraconensis (сейчас провинция Бургос, близ Панкорво). Хотя ко времени прихода римлян население здесь было кельтизировано, топоним отражает иную, более древнюю этническую ситуацию. По мнению Хольдера, Винделея «abgeleitet von Stamm *vindělŏ (woher auch V. Vindelici)[106a]», т.е.

топоним, как и известный этноним, имеет венедское происхождение. «Лем[н]ские» (лигурийские) поселенцы десантировались восточнее. Их селения раскинулись на прибрежьях Альпийских гор и Аппенинского полуострова вплоть до р.Тибр.

Все эти материалы указывают один географический четко ориентированный вектор движения – от малоазиатских берегов через южнобалканское побережье Эллады на просторы Средиземного моря, включая его самые отдаленные западные части.

Особо следует отметить, что древнейшие египетские источники знают не только рутенов, но и «ламенов» (Lamenen, иногда – Ramenen). Известны последние также «ветхозаветным» нарративам. Долгое время на приморской равнине центральной части Палестины существовало поселение Lydda[107]. Вопросы о связи лем[н]ов, лидов, и рутенов на раннем этапе их этногенеза, взаимоотношения этих «народов моря» с Египтом и евреями древней Палестины должны решаться отнюдь не с позиций скепсиса. Не исключено, что первый поток морской колонизации берегов Средиземноморья, связанный с ними и родственными им племенами, предшествовал не только греческой, но и финикийской[108].

Здесь наш поиск смыкается с теми розысканиями, которые ведут специалисты и энтузиасты над знаменитым фесским диском и другими надписями древней Европы и ближних азиатских областей, а также над сложнейшей проблемой этногенеза этрусков и близких (подчиненных) им племен[109]. Однако это уже другие, весьма непростые и объемные сюжеты.

Можно предположить, что Цезарь, находившийся до начала галльских походов некоторое время при дворе малоазийского тирана Никомеда, мог установить наличие связи rutennu восточного Средиземноморья с племенем Центрального массива Галлии. Отсюда и появился в его дневниках этноним рутены (ruteni).

Термин, предложенный Цезарем, был признан античной наукой, а позднее и учеными людьми средневековой Европы. Начиная с «Анонима Галла» и Саксона Грамматика, этноним рутены (ruteni, rutheni, rutini) стал использоваться для описания славянской этнической общности, в том числе и славян восточных (русских), вытеснив или, по крайней мере, сузив область применения других этнонимов: венеды (винды), руги и даже русы. Вероятно, составители средневековых нарративов знали, как кор-

релированы эти онимы. Им было известно о генетическом родстве рутенов Аквитании, ругусков Альпийских гор и ругов Балтики, но источники, давшие им информацию по данной проблеме, современным исследователям недоступны – во всяком случае, «пока».

Завершая этот сюжет, хочется выйти за жесткие рамки академической науки: интересовавшие нас древние народы-соседи и сейчас живут недалеко друг от друга на склонах Карпатских гор. Это – русины (ruteni) и лемки. Последний этноним – единственный на карте народов Земли, сохранивший широко распространивший когда-то формант lem[110]. Формант «обогащен» славянским ласково-уменьшительным (уничижительным) суффиксом «к» благодаря, надо полагать, соседям. Карпатский лемки (лемы)[111] – единственные потомки древних и величественных племен, обитавших в разное время в различных ландшафтах Европы. Вероятнее всего, в прикарпатские районы, а затем «наверх» Карпатского массива, «во внутренние Бескиды», они продвинулись, гонимые военными невзгодами «великого переселения народов» с южнобалтийского побережья[112]. Ушла на юг от холодной Балтики и часть ругов, но судьба ругов в ходе миграции, вызванных готскими завоеваниями, оказалась исторически более счастливой, чем их прибалтийских соседей.

* * *

Тацит зафиксировал первый этап проникновения готов через южнобалтийское побережье в центральные (висленского бассейна) области Европы. Медленное, но неуклонное продвижение готов на юг и юго-восток к теплому Черноморью, захватившее жизнь нескольких поколений (не менее ста лет), дало толчок к перемещению различных по своей структуре этногрупп, племен, кланов, родов и др. – в разных направлениях. Картина этих перемещений в силу исключительной бедности письменных источников не поддается реконструкции в ее сложной динамической конкретности. Можно лишь предполагать волновое движение части этногрупп (русов, венедов) вдоль Балтики – на восток и северо-восток. Вероятно, именно тогда колонии ругов возникли в устье Немана – восточнее и севернее его[113], на северо-западе современной Эстонии (русский город Ротала), в Финском заливе (Ругодив – будущая Нарва)[114], а может быть – на территории

Аланд и берегах Ботнического залива[115]. Венеды же разместились на западе современной Латвии, топонимическими воспоминаниями о чем являются р.Вента (и Вентспилс), а ранее являлся Вендский (теперь – Рижский) залив. Впрочем, на некоторых древних картах Вендским заливом или Финским морем зовется современный Финский залив – «Sinus Venedicus» или «Mare Finonicum»[116].

Некоторые социумы были сдвинуты готами на юг – в Прикарпатье, к дунайским и рейнским лимесам Римской империи. Другая часть племенных групп должна была присоединиться к готам, как подчиненные или союзники, и в составе их политических и военных структур оказалась на территориях, близких к северным берегам Черного моря. Список племен, вторгавшихся под главенством готов в пределы Римской империи, весьма разнообразен[117]. Среди них и «балтийские» жители, соседи ругов,– гепиды и эрулы (герулы)[118]. В огромной державе готов, раскинувшейся в северопричерноморских землях от устья Дуная до низовьев Дона, герулы заняли восточный фланг. Они строили корабли в гаванях Азовского моря (черноморский берег от Крыма до устья Дуная достаточно строго стерегли римские эскадры), и отсюда готско-герульский флот устремлялся в пиратские набеги на мирных жителей Крыма, Кавказского и Анатолийского побережий[119].

Труднее найти свидетельства миграций в Причерноморье ругов, тем не менее они существуют и заслуживают внимания[120]. В написанном около 555 г. «дополнении» к тексту сирийскоязычной рукописи, обозначенной учеными нового времени как рукопись «Псевдо-Захария Ритора»[121], можно узнать, что где-то к северу (северо-западу?) от Нижнего Дона и Азовского[122] моря живут «...люди, наделенные членами тела больших размеров: оружия у них нет, и кони не могут носить их, потому что они наделены такими членами тела»[123]. Важную, хотя и краткую, информацию дает другой известный источник середины VI в. Иордан. Согласно Иордану (Getica 91.13) поражение «великого» готского конунга Эрманариха (Германариха) в войне с вторгшимися на подвластную ему территорию гуннами было вызвано изменой племени росомонов. «Росомонов племя неверное» (Rosomonorum gens infida) фигурирует не только у Иордана. Память о нем сохранилась в

древнегерманском эпосе и в устах народных сказаний приобрело жанрово обусловленный суровый драматизм. Не названный по имени росомонский «князь», зависимый, следует полагать, от готского властителя, во время боевых действий совершил со своей дружиной (отрядом?) «предательское отступление». В гневе Эрманарих, которому удалось схватить его супругу Сунильду (в оставленном князем лагере – ?!), велел разорвать ее, привязав к хвостам диких коней. Пылая жаждой мести, два брата Сунильды Сар (Sarus) и Аммий (Ammius) напали на Эрманариха и в жестокой схватке ранили его. Возникшая вследствие ранения болезнь, «глубокая старость» и страх перед вторгшимися гуннами вызвали отчаяние, а затем и смерть готского владыки[124].

Данные всех трех источников хорошо увязываются между собой на историческом и палеолингвистическом уровнях. В первую очередь следует провести сопоставительный анализ этнических терминов. Шёнфельд испытывал колебания в классификации лексики: «Rosomoni PN (oder VN ...)...»[125], т.е. росомоны – личное имя или имя народа. Указание в саге на «росомонского князя» (Rosomonenfürst)[126] решает сформулированную именитым немецким лингвистом альтернативу в пользу «этничности» термина. Представляется, что мы имеем дело с двухкорневым словом. Если в различных копиях «Гетики» Иордана первая часть пишется одинаково, то вторая имеет варианты, равно как и связка между ними, т.е. gens – Rosomonorum, Rosomanorum, Rosimanorum, Rosomorum[127] (выделено мной – Е.К.). Последнее написание – очевидная описка. Корень *mon (*man) принадлежит к германскому лексическому фонду и означает «человек», «мужчина». Следовательно речь идет о «племени росских людей», «племени людей – росов» и т.п. Заметим, что И.Маркварт когда-то считал этноним «рос» сокращением от «росомоны»[128].

Сопоставление людей «племени ros» Иордана и народа «hros» «дополнения» к сочинению Псевдо-Захарии выглядит по меньшей мере оправданным. Эта логическая операция ведет к выводу, что оба писателя-современника использовали уже принятое в этнографической информационной системе Восточной Римской империи обозначение одного из племен, обитавших в северном Причерноморье. Это обозначение в форме греческой лексемы 'Рῶς закрепилось в Византии навечно. В ряде случаев ее использовали

западноевропейские писатели (например – «Бертинские анналы»). Греческий этноним «рос» живет доныне в имени великого государства Россия.

Странное, на первый взгляд, свидетельство об отсутствии у росов оружия и коней может быть объяснено зависимым (полурабским – ?) положением племени по отношении к ост-готам (иначе как объяснить свидетельство об «измене» Эрманариху?).

Несомненно, статус «неверного племени» поднялся после разрыва обязательств зависимости и перехода на сторону победоносных гуннских завоевателей. Из западноевропейских памятников письменности известно, что один из сыновей владыки Ульдина (годы правления – 401-408)[129], который сам на склоне лет возглавил державу гуннов, носил имя Ругила (Rugila), т.е. «маленький руг»[130]. Латинские источники сообщают и другие варианты имени – Ruga, Ruas, Roas, т.е. Руга, Руас, Роас. Греческие писатели зовут его 'Ρουας, 'Ρωίλας (т.е. Руас, Ройлас)[131]. Следовательно, разные по языку и культурному облику авторы используют как взаимозаменяемые форманты *ro- и *ru- , которые имеют варианты фонетического развития и лексических фиксаций фонемы. Следовательно, онимы руги (rugi), росы (rosi), роусы (=русы) взаимосвязаны (взаимозаменяемы) и репрезентируют один социокультурный (этнический) субъект. Историческая интерпретация антропонимического факта должна быть также однозначна: Ругила появился на свет от женщины союзного гуннам племени, жены или наложницы (?) Ульдина. Следовательно, можно говорить о довольно тесном контакте гуннской знати и перешедшей на их сторону ругской (росской) верхушки.

Кроме Ругилы, были известны такие росские (ругские) антропонимы: Сар, Аммий, Сунильда. Принадлежность женского – Сунильда (=Сванхильда) – к германскому имяслову бесспорна[132]. Другое дело – мужские имена. Шёнфельд стремится обосновать германское происхождение антропонима sar(us), подчеркивая, что Хольдер «без основания» вносит его в кельтский антропономикон[133]. Однако в пользу точки зрения последнего – многочисленные данные эпиграфики западных областей Римского государства[134] и более ранние (лигурийские[135] – ?) надписи. Напоминанием о древнем онимическом ландшафте до сих пор служит р.Саар (Saar, «ранее – *Sar), приток Мозеля[136]. Что касается Ам-

мия, то принадлежность его к италийско-кельтскому именнику, обоснованная Хольдером[137], не вызывает возражений даже со стороны представителей немецкой палеолингвистики[138]. Утверждая, что Сар и Аммий – имена негерманские, мы не исключаем их использование германцами, во всяком случае – германской знатью[139], но это являлось результатом заимствования через разные формы общения (главным образом – следствие брачных связей). Не исключено, что проникновение этих и подобных имен в готскую среду произошло первоначально через росов (ругов). Позднее – как одно из последствий завоевания провинций Империи, увеличившее число смешанных браков. Нельзя не обратить внимания на такой интересный, если не сказать удивительный, штрих: в конце IV в. на причерноморских землях росы (руги), невзирая на почти трехсотлетнюю подчиненность готам, сохранили онимические традиции «крайнего» запада Европы. Впрочем, влияние готов и свойственного им германского имяслова существовало, о чем свидетельствует имя сестры Сара и Аммия. Однако, это влияние не привело к растворению ругов в готской среде – наверное, и потому, что сами великие завоеватели дистанцировали себя от слабых.

Союз с гуннами создал условия для укрепления социальных устоев племени и возрождения его политических амбиций. Вместе с подчинившимися гуннам ост-готами росы (руги) ушли в Закарпатье и далее на берега «голубого» Дуная, верхней его части, прикрыв правый (северный) фланг ведомых восточными кочевниками на запад разноплеменных «орд».

Но в западную сторону передвинулись не все росы-руги. Какие-то их группы остались на востоке (точнее – юго-востоке) Европы. Об этом красноречиво свидетельствует топонимика. За два столетия историко-географических поисков, начатых Карамзиным, было выявлено достаточно много онимических обозначений рек, гор, пустошей, болот, поселений и др. и даже целых «гнезд» таких онимов для того, чтобы сделать определенные предположения[140]. Некоторые из этих «гнезд» уже описывались. Это – «нижненеманское гнездо» и гнездо «нарвское». Еще четыре топонимических «гнезда» обнаруживаются на водных коммуникациях между Балтикой и Черным морем. Наиболее близкой к нижненеманскому гнезду русских топонимов является группа

названий в междуречье верхнего Немана и Припяти. На пути от Гродно к Волковыску (=верхнему волоку) топонимисты XIX ст. зафиксировали болото и реку Росса (Рос)[141]. До сих пор здесь существует селение Россь. Еще одно «русское гнездо» находится к югу от о.Ильмень: Старая Русса, расположенная на р.Порусье; севернее близ устья р.Мсты, в Ильмень впадает другая «малая» Русская река[142], Историки (в том числе – А.А.Шахматов) в этой местности искали упоминаемый арабскими писателями «остров Русов» и обиталище хакана (кагана) русов. Подробная критика этим взглядам была дана Х.Ловмяньским[143]. В «Повести временных лет» сообщается о селении Рша[144] у Смоленска»[145]. Считается, что позднее Рша стала зваться Оршей[146]. Рядом текла р.Оршица[147] – производный гидроним, на наш взгляд, от исконного *Рша (Рша – Орша – Оршица). Благодаря И.Я.Спрогису известно, что близлежащая к реке и городу местность именовалась в русско-литовских документах «Русью», «Русской землей»[148]. Фиксируя эту древнюю традицию, исследователь связывает ее происхождение с хронологически глубокими взаимодействиями различного плана между нижненеманскими землями и верхним Приднепровьем.

Последнее топонимическое гнездо находится южнее Киева, на западном берегу Днепра. Оно образовано рекой, известной по поздним древнерусским (с XII в.) и позднейшим (велико) русским источникам как Рось. Гласный звук гидронима передавался тогда долгим «о». Однако в более раннее время – до XI в. (А.В.Соловьев) или XII в. (Р.А.Агеева) – в названии реки звучал краткий глухой гласный (полугласный – demi-voyelle, по терминологии Соловьева)[149]. Следовательно, адекватная запись лексемы в именительном падеже рьсь. Оно встречается в различных изводах «Повести временных лет». В копиях встречается вариант: Рша[150]. Нельзя не согласиться, что на языке авторов ПВЛ и, наверное, их современников этноним Русь и гидроним Рьсь разные слова, имевшие различный фонетический облик. Но также верно другое: лингвистические нормы более раннего времени, чем XII ст., были иные – глухие гласные широко использовались славянами в различных онимах, среди которых – иностранные этносы: гъте (готы)[151], вси (*въсь – весь)[152], тьрма[153] и др.

Надо заметить, что особенности греческого произношения этнонима и его письменная фиксация в греческом языке не

связаны с возникновением и бытованием его в славянской среде. Здесь действовали внутренние закономерности динамики разных языковых структур и далеко не одновекторные внешние воздействия[154]. Приведенные в данной работе разнообразные материалы не оставляют аргументов в пользу концепции, декларировавшей происхождение этнонима Русь от гидронима Рось. Скорее наоборот – название реки происходит от обитателей ее берегов.

Историческая связь между этно- и гидронимом должна существовать и может быть установлена. В первую очередь, укажем на историческую традицию сближать североднепровские город и реку Рша с «землей» русов. По аналогии можно связать и южную Ръсь, Рша с русами (росами). Жители южной Ръси звались поршане[155]. Нетрудно предположить, что поршанами звалась и какая-то часть населения верхнего Приднепровья (*рошанами, наверное, также). Рушанами звали и жителей южного Приильменья[156]. Связь между указанными восточно-европейскими онимиконами проясняется, если прибегнуть к аналогам из западноевропейской области славянского расселения: жителей о.Рана (Руяна) звали не только раны и руги, но также рушане, рожане (в последнем случае, несомненно, описка, правильно – рошане)[157]. Какая-то часть территории близ устья Немана и к югу от о.Ильмень звалась Порусье[158], а земля на берегу Роси (Ръси) – Поросье (Поръсье)[159].

Еще одно интересное наблюдение связно с «Правдой Русской». Ее краткая редакция (древнейшая – !?) в Академическом списке имеет заголовок «Правда Росьска». В том же списке законы Ярославичей обозначены как «Правда уставлена руськой земли...»[160]. В «Новгородской первой летописи (в младшем изводе)» под 1016 г. говорится о древнейшей «Правде» Ярослава. Она названа здесь «Правда Руская»[161]. Отсюда следует вывод, что гласные «о» и «у» чередовались в истории русских говоров[162].

Корреляция между всеми этими данными представляется на порядок выше случайной. На данной стадии знаний гипотеза о гегемонии русов (росов) на речных путях днепровского бассейна и ряда смежных с ним кажется правомерной. Больше того, налицо основания для предположения, что славянская земледельческая колонизация шла в значительном числе регионов вослед за ними, а не впереди их[163].

Рассуждая о местностях юго-восточной Европы, где после гуннского нашествия могли закрепиться руги (росы) следует назвать леса Донецкого кряжа (северный склон)[164], а также, с большей уверенностью, восточные регионы Крымского полуострова, куда эта часть русов ушла, вместе с готами спасаясь от власти гуннов. Готы осели в лесах северного и северо-восточного склона Крымских гор[165]. О крымских готах писал известный посол от римского папы к Чингизидам Вильгельм Рубрук. Где-то по-соседству от «малой» Готии в Крыму размещалась крошечная крымская Россия (или несколько разобщенных районов[166], в том числе на Керченском полуострове[167]).

Создается четкое представление, что выбитые в конце I – начале II ст. ХЛ готами с насиженных южно-балтийских земель руги-русы (во всяком случае – значительная их часть) расселились по разным местностям Восточной Европы. К последним векам первого тысячелетия ими была создана впечатляющая цепь контролировавших водные коммуникации колоний от устья Немана и Наровы до Керченского пролива, скоординированных между собой родством и общностью хозяйственной деятельности, мало связанной, логически рассуждая, с земледелием[168].

* * *

Русы, двинувшиеся с гуннами на запад, оставили в виде названий различных мест заметный след в Прикарпатье вплоть до верхнего Дуная[169]. Вместе с герулами они сыграли немалую роль в политической жизни гуннской империи. Они входили в союз германских племен, которые под верховенством готов нанесли решающее поражение гуннам в 455 г. Одоакра, главу военного переворота, лишившего власти последнего римского императора, современники зовут то «рогом», то «королем рутенов», то «королем герулов»[170]. После распада гуннской державы на северном берегу верхнего Дуная[171] возникло «королевство ругов». Вероятно, наряду с государством «хакана русов» в Приднепровье, – это наиболее раннее из развитых политических образований русского племени, предшествовавшее призванию «князей-варягов». И хотя государство русов на Дунае просуществовало недолго, какая-то их часть продолжала жить здесь и в соседних долинах Восточных Альп. Отсюда русы переселились на территорию Тюрингии[172] и

дальше на Запад. Австрийский ученый Эрих Цёлльнер нашел «русскую землю» на территории Люксембурга в районе Мерш[173]. Ругов как жителей Италии помнит итальянский фольклор[174].

Что касается балтийских русов, то они создали свои опорные районы на полуострове Ютландии, на южном и норвежском берегах Северного моря. Из этих мест они совершали пиратские рейды в Атлантику, вплоть до юга Пиренейского полуострова. На востоке Балтики русы укрепились на северо-западе современной Эстонии, где выстроили крепость Роталу[175] (современная Хаапсалу), а также на близлежащих островах. Во всяком случае, нельзя не допустить, что немецкое название одного из эстонских островов Даго связано с именем одного из местных русских правителей, известным из текста «Датской истории» Саксона Грамматика. Грамматик повествует и о русском конунге Олимаре, правившем на русских землях Эстонии и подчинившим себе на какой-то срок племена, обитавшие на юго-западе современной Финляндии, а также на северо-западном побережье Ботнического залива, также эстов, куршей и др.[176] Не в память ли об этом русском завоевании какая-то часть этого побережья уже после шведской колонизации называлась «Берег росов»[177]? Финское наименование шведов – «ruotsi», (а Швеции – «Russia») – появилось только потому, что русы были первыми[178] западноевропейцами, корабли которых появились у финских берегов. Логично думать, что в период «встречи» двух социумов русы (руги) говорили на германском языке. Позднее, когда финны познакомились с родственными по языку и культуре русам свеями и готами, они использовали принятое ранее этническое обозначение и для этих новых знакомцев. Можно думать, что русами для ливов, эстов и других были поначалу все, достигшие их земель на морских судах.

Подчеркивая включенность русов (ругов) в германскую среду на очередном этапе их исторической жизни, нельзя не обратить внимание не другое: «германизм» русов изначально был не столь чистым, как у готов. В их среду, как и других германских племен[179], входили разные этнические элементы, негерманские. Политические образования, которые носят названия «племенных» союзов, в условиях предгосударственного времени «военной демократии» имели сложную полиэтническую структуру, где социальная иерархия вырастала из этнической и чаще всего с ней совпадала. Несколько поступившись престижными помыслами о ранних этапах славянской истории, возможно признать, что в политическом, военно-организаторском (но, заметим, не в экономическом и культурном) отношении славяне отставали от германцев, сарматов, тюрков. Поэтому они были зачастую вынуждены подчиняться им. Но шло время, и подчиненные коренным образом меняли свое положение, ассимилировали воинственных, а потому демографически более уязвимых господ. Так случилось с сарматами, которые исчезли, дав имена двум славянским племенам – «сербам» и «хорватам». Известна судьба болгар-тюрков в процессе исторической жизни превратившихся в болгар-славян. Ассимилировались в славянской среде Южной Прибалтики ряд германских племен – среди них славянизировались и руги, во всяком случае какая-то их часть. По свидетельству Раффельштеттенского таможенного устава (Верхняя Австрия) первых лет X в. приходившие из расположенного на северной стороне Дуная бывшего Королевства ругов люди были славянами. Об ославянивании южно-балтийских ругов свидетельствуют все германские летописцы, писавшие в IX-XI вв. Больше того, храм Свентовита, расположенный на «русском острове» (Ругене, Руяне – последнее имя было тогда больше в ходу), являлся крупнейшим культовым центром всего славянского мира[180]. Саксон Грамматик приводит данные об ославянивании в IX в. русов Роталы[181], активно взаимодействовавших с жившими неподалеку славянами, а Гельмольд – герулов (восточной их ветви – ?).[182]

Здесь уместно обратить внимание на то, что в источниках (германских) XI-XII вв. жители о.Руяны чаще всего называются rani, ranni, ranii[183], а не руги, как было за тысячу лет до этого, когда писал Тацит[184]. Создается впечатление, что из двух соседних и как-то связанных между собой племен ругов и ранов значение первых заметно уменьшилось, а других резко возросло. Анализ причин дает интересный результат. Было уже указано, что этноним «раны» означает «зависимые», «подчиненные». От кого зависимы? Вероятнее всего, от ругов. Миграция большей части русов[184] изменила решительным образом демографическую и социально-политическую ситуацию в южной Прибалтике. По численности и политической значимости раны получили перевес, хотя, очевидно, среди них сохранился укорененный веками пиетет

к древним и знатным русским родам. Отсюда и двойное название существовавшего на Руяне и смежных землях материка политического объединения – руги (русы) и раны.

Логика фактов приводит к выводу о преображении в течение V-IX вв. древнего племени «ругов-русов», где, вероятно, германоязычный элемент был господствующим, в этническую группу «ранов-русов-ругов» со славянским языком, с преобладанием славянских обычаев и верований. Другая судьба ждала те группы «русского» населения, которые обосновались западнее (Тюрингия, Люксембург) или южнее (Италия),– они влились в складывающиеся здесь германские народы раннесредневекового времени, а позднее разделили их судьбу. Остается открытым вопрос о днепровских и крымских русах. Преобладание славянской среды в Приднепровье не могло не сказаться на поселившихся здесь «ругах-росах».

Необходимо задуматься и о другом: все ли древние навыки были забыты (или отброшены) «северными» русами в IX века. Думается, что нет – вместе с древним именем сохранились и некоторые жизненные устои племени: например – судоходство и связанный с ним пиратский «промысел». Не были преданы забвению и личные имена русов: принесенные из «южных палестин» и заимствованные у соседей-германцев. Конечно, уловить германское влияние легче, чем выявить лигурийский (может быть, точнее – лигурийско-италийский с кельтскими включениями) базисный этнокультурный слой, но это остается почетной задачей для отечественных историков.

* * *

Выяснив непростую этническую историю рутенов-ругов-русов, легче разобраться в генеалогии Рюрика и его братьев, найти их родину. Решение вопроса на основании ПВЛ без привлечения других свидетельств, сохранившихся от древнерусской исторической традиции, невозможно. К счастью, за последнее время историки за рубежом и в нашей стране все с большим доверием относятся к фактам, сохраненным «иоакимовской»[185] и «никоновской» летописями[186]. Первая из них рассказывает о семье «новгородского посадника» Гостомысла, а в «никоновской» содержится рассказ о «вече», обсуждавшем вопрос о призвании князей.

В поле зрения историков оказались также мекленбургские «родословия», опубликованные около 150 лет назад в Париже, а затем в Брюсселе[187]. Большая работа была осуществлена по анализу исторической «памяти» славянских языков[188].

Совокупность источников дает такую картину. У правителя Гостомысла была немалая семья, что в условиях узаконенного обычаем многоженства нередкость. Отсутствовал и твердый порядок наследования (лишь в середине XI в. Ярослав Великий введет «лестничную» систему наследования великокняжеской власти). Преемника уходившему из жизни правителю определяло вече. Объяснимо и желание Гостомысла повлиять на решение людей, собравшихся на вече («вечников»). Поэтому вполне правдоподобно выглядит рассказ Иоакимовской летописи о «вещем сне» умирающего князя, которым тот выражал свою волю: пригласить одного из сыновей своей «средней» дочери Умилы, находившейся замужем за «заморским князем» – варягом. Воля Гостомысла, если верить Никоновской летописи, достигла цели. Вот кусочек летописи: «... собравшись, они решали о себе: поищем между себя того, кто бы был у нас князем и управлял нами, поищем и уставим такого или от нас, или от хазар, или от полян, или от дунайцев, или от варягов. И был об этом великий спор: одни хотели одного, другие – другого: так, посовещавшись, **послали к варягам**» (выделено мной – Е.К.).

Звали этого «варяга», мужа Умилы, если верить информаторам из Мекленбурга начала XIX в., Годлавом (в вольном переводе с немецкого «любимец богов»), причем он почитался как князь оботритов (=ободритов). Ободриты, второе название бодричи, – большой союз славянских племен, около 400 лет существовавший на территории сегодняшней немецкой «земли» Мекленбурга. С ними на востоке соседствовали руги, однако говорить о тождестве двух племенных групп нельзя. Кем же был Рюрик и его родичи – ругами-русами или ободритами? Каков этнический облик имен легендарных братьев?

Логичнее и проще начать с имен. Восточно-славянское Рюрик – синоним немецкому Рерик (Рерих), но Рерик, Рюрик – это не немецкое имя. Германская знать заимствовала его также, как Трувор и Синеус у жителей Римской империи[189]. В летописях содержатся сведения о датском конунге, носившем это имя.

Известно и другое: на землях ободритов в VIII-IX вв. существовал город-порт Рерик (он, кстати, восстановлен в 30 гг. нашего столетия и найти его на карте современной Германии нетрудно). Получается, что «славянский» город и «славянский» князь – имеет одно и то же имя, но имя не славянское. Парадокс разрешить можно, если вспомнить, что славяне того времени не знали письменности и к тому же были чужды христианской религии. Письменные же свидетельства, дошедшие до нас, написаны на языке западного христианства – латинском и христианами, происходившими из германской среды. Иначе говоря, латинские памятники того времени фиксируют лексику немецких диалектов, родных для писателей, а отнюдь не разговорную славянскую речь. Следовательно, можно предположить, что немецкое «рерик» – обработка какого-то славянского слова на немецкий лад. Летописец франкского императора Карла Великого Эйнхардт подсказал, что в рыночном городе (= «эмпории») Рерике правил князь ободритов, и что название города Рерик взято им (Эйнхардтом) из датского языка (от датских информаторов)[190]. Историк бременского епископства, которое руководило христианской проповедью среди прибалтийских славян, Адам помог информацией, что ободриты звались также реregами – по имени наиболее мощного племени, контролировавшего приморский торговый город. По законам славянского произношения немецкое «реregи» звучало у славян как «рараги», «рароги». И соответственно славянское «рароги» («рараги») должно по законам немецкой фонетики произноситься как «реregи». Слово «реregи-рароги» может быть объяснено только с помощью славянской лексики: Рарог – это славянское божество, западно-славянский диалектный вариант более знакомого нам восточнославянского «священного» имени Сварог. А Сварог, по свидетельству летописной традиции восточных славян, – верховный бог всего пантеона славянских языческих богов. Получается, что имя сына Умилы содержит, во-первых, прямое указание на его племенную принадлежность, а, во-вторых, оно освящает носящего его человека связью с высшим племенным божеством, если не высшим божеством всех славян. Говоря по-другому, земной Рарог – носитель силы божественного Рарога (Сварога).

Высокое имя давало большую власть. Только такой человек мог организовать поход в страну, раскинувшуюся далеко на

Востоке по берегам неведомых рек и озер... Возникает также возможность объяснить, при чем тут русы. Рарог-Рерик-Рюрик мог отправиться в свое «дальневосточье» и переправить туда родичей и дружину только морем. А для этого необходимо было иметь флот. Таковым же располагали соседи-русы, а не рароги. Отсюда «военно-морская экспедиция» Рарога стала русской, во всяком случае – по преимуществу русской: «...вызвались из немецкой земли три брата со своими родами, взяли с собой Русь всю и пришли...»[191]. Задачу по созданию «русской» экспедиции Рюрику-Рарогу облегчало особое положение его родового владения – города Рерика-Рарога. В 808 г. датский конунг Годофрид сжег город и по обычаю тех времен вывез его славянское население в свои владения, где основал порт Хедебю. Рерик-Рарог, занимавший выгодное географическое положение, отстроился, но потерял значение племенного центра, жизнь в нем стала иной. Изменился этнический состав его жителей. Он превратился в боевую базу варягов[192]. Это славянское понятие связано с божественным именем Сварог и знакомым разговорным «свара». Корень один: вар – борьба, война. Стало быть, варяг – боец, воин. Срезневский фиксировал на древнерусском языке «варъ» в значении «сторожень», «варить» – беречь, «варовати» – сохранять, защищать. В чешском слово «warovati» также значит беречь[193]. Аналогичное варягу скандинаво-германское понятие той эпохи викинг – тоже означало воина (бойца), но и указывало на место пребывания (=военную базу) этого воина: вик (wic) – залив, укрепление на узком морском заливе, позднее – область, прилежащая к заливу. Несколько таких виков известны в Скандинавии, были они и в Восточной Прибалтике, и на берегу Северного моря. В виках жили профессиональные воины, моряки и купцы (разделить эти профессии тогда было трудно), а также их многочисленные родичи (не забудем о полигамии), рабы и некоторое число свободных, строивших и ремонтировавших корабли, ковавших оружие, изготовлявших пищу и бодрящие напитки. Викинги сами управляли своими делами, избирали вождей, вершили суд. Их действия мало сообразовывались с традиционной жизнью соседних племен и родовых групп.

Состав населения виков не был однороден также в этническом отношении. Сюда собирались из разных племен удальцы и бо-

гатыри, верившие в себя и убежденные, что умом или силой добьются для себя более славной доли в жизни, чем та, которую могли им дать скучные будни родных селений. Город-вик Рарог-Рерик выделялся из других своей «русскостью». Русов здесь было больше, чем кого бы то ни было. Но рядом с ними на пристанях и подле можно было увидеть и дана (датчанина), и гота, и свейского воина, и уроженца приатлантического севера Скандинавии («нурмана» или «мурмана»), и пришельца с Британских островов. Все это людское половодье ждало вождя, способного наполнить ветром славы и добычи паруса их нетерпеливо качавшихся на бодрой балтийской волне кораблей. Эти люди и составили морскую дружину Рюрика.

Неизвестно количество ушедших с тремя братьями на восток кораблей, никто не считал разместившихся на них варяговвикингов. Но здравая логика подсказывает, что масштаб замысла диктовал необычные размеры привлеченных людских и материальных ресурсов. Думается, с уходом «русского» флота опустел и теперь уже на 1000 с лишним лет город (впрочем, последнее слово здесь за археологами).

Важно подчеркнуть, что Рарог-Рюрик и его братья отправились не во временный, хотя бы и долгосрочный поход. Они покинули южную Балтику как переселенцы. Уходя из родных мест, они надеялись обрести где-то за 1500-2000 верст на востоке новую родину.

Возникает целая группа вопросов о мотивах такой дальней и трудной миграции: почему возникла потребность миграции из «милого» отечества в сторону «северо-восточную»? Чем привлекала именно эта «сторона», какие она имела преимущества перед другими направлениями. Как соотносились шансы на успех и контршансы?...

Потребность переселения четко сформировалась для славян, живущих в Центральной Европе, на рубеже VIII-IX вв. В это время разобщенные германские королевства соединились в могущественную Франкскую империю Каролингов. Каролинги создали новое и (на существовавшем тогда технико-научном уровне развития) совершенное сухопутное войско – тяжело вооруженную конницу закованных в железо могучих бойцов на крупных и сильных, также закованных в железо конях. Этими «танками

средневековья» были истреблены авары, разбиты арабы... Пешие, имевшие легкое вооружение, ополчения славянских племен стали для них в буквальном смысле толпами мальчиков для битья – правда, битье было до смерти.

Конец VIII и последующие два века – это первый этап германского возвращения на восток, своего рода немецкая средневековая реконкиста. За это время «реконкистадорами» были колонизированы земли верхнего Дуная и восточных Альп, территории к востоку от Эльбы. Немецкие миссионеры и рыцари все увереннее чувствовали себя на землях между Эльбой и Одрой, в Моравии, Чехии, Польше и др. За ними тянулись торговцы, ремесленники, землепашцы. Колонизационное движение с запада неожиданно нашло поддержку в пробудившейся для активной политической жизни Скандинавии. Начиная с конца VIII в., морские конунги скандинавских виков ведут активную борьбу сначала за гегемонию в северо-европейских морях, а позднее на всех морских и водных коммуникациях, соединявших Запад с Византией и арабскими государствами Ближнего и Среднего Востока. Одними из первых были разгромлены древние торговые народы северной части европейского континента – фризы, англосаксы. Ушло в прошлое преобладание флота русов в водах Восточной Балтики, хотя пираты Русского острова продержались до начала XIII в. Не следует сбрасывать с политических счетов и рост в IX в. (и позднее) военно-морского могущества куршей и эстов (эзельских), активно оспаривавших политические и военные позиции на восточно-балтийских побережьях. Нажим с запада и ставшая постоянной война на Балтике побуждают славян уходить в глубь материка. Начинается самое протяженное во времени и пространстве миграционное движение: за 1000 лет, с конца IX до конца XVIII вв., славяне прошли путь от туманной Балтики до залитой солнцем долины Калифорнии и омытых теплым прибоем Гавайских островов.

Называя балтийские побережья как трамплин для славянского движения на восток, первоначально – на необозримые лесные просторы севера Восточно-европейской равнины, следует внести коррективы в оценку масштабов и значения миграции славян, которые происходили с юга на север под воздействием кочевых агрессоров. Такое перемещение имело место, но не надо его

переоценивать. Например, жившие по Десне и Сейму северяне – конечно же родственники живших к югу по нижнему Дунаю народу северо (божественный покровитель и тех, и других один: из императоров династии Северов или вся эта династия?). Известно, что основатель столицы Приднепровья Кий пришел с Дуная... Однако ПВЛ свидетельствует и о другом: невзирая на насилие со стороны обров (аваров), никуда не ушли с берегов Южного Буга (Бога) дулебы (анты). Их потомки – волыняне и бужане – влились в древнерусскую народность. Наша летопись подчеркивает чуждость южным славянам полочан, новгородских словен, вятичей и радимичей. Два последних племени пришли из «ляхов», т.е. из Польши. Да и кривичи, до того как они пришли в верховья Волги и Днепра, долгое время обитали на территориях современной Литвы и западной Белоруссии. О каком-то времени господства их над частью литовских племен напоминает имя главного жреца племен: «Крив – кривейте» (кривами же литовцы, как и латыши, до сих пор кличут славян). На верхнем Днепре стоит г.Смоленск, но среди западно-славянских племен было носившее имя смоляне. Озеро Ильмень имеет топонимические аналоги в Германии, на бывших славянских землях – естественно. Недаром, со времен Шахматова специалисты по исторической лингвистике четко различают северные и южные говоры у восточных славян. То, что земли по Двине, верхней Волге и нижней Оке имели «балтийские» связи, свидетельствует факт включения в «новгородскую» державу Рюрика Ростова, Мурома, Полоцка, наряду с Белоозером и Плесковом.

Природные факторы стали «сепаратором» потоков славянской миграции – трудно проходимы были болота и «пущи» Припятского бассейна, лесные дебри верховьев Десны и Оки, да и едва ли многие земледельцы, привыкшие к степному чернозему, рискнули бы без крайней нужды променять привычный хозяйственный быт на трудную жизнь лесного земледельца.

«Южные» славяне предпочитали осваивать и осваивали преимущественно лесостепную окраину, двигаясь на восток – на Дон, Воронеж и далее, как сейчас установлено археологами, в бассейн р.Хопер.

Процесс движения славян с Прибалтики в глубь материка еще мало изучен. Вероятно, он проходил несколькими волнами[194].

Сначала снялись славянские группы, которые жили на восточном побережье моря. Затем стали прибывать теснимые германскими рыцарями и датскими викингами славяне из областей между Эльбой и Одрой («западные», «прибалтийские» славяне), потом двинулись из восточного («польского») поморья «лехитские» племена. Движение проходило по Зап.Двине, по малым, но в те времена полноводным рекам к северу от нее (в частности, по р.Гауе), в меньшей степени вверх по Неману, через водораздел на Березину и далее на верхний Днепр, Сож... Миграционное движение славян сопровождалось поиском мест, удобных для земледелия, строительством укрепленных городов и городков. Хозяйственное размежевание между пришельцами (землепашцами и ремесленниками) и местным литовским и финским населением (скотоводами и охотниками) в определенной мере ослабляло межэтнические конфликты. Больше того, создавались политические образования вроде славяно-финского, которым управлял Гостомысл, или кривичского славяно-литовского племенного союза. Многоотраслевое хозяйство, быстро и успешно внедряемое славянами земледелие создавали здесь на краю европейской цивилизации условия для возникновения высшей формы общественной организации – государства.

Объективные условия стали реальностью, когда на берег быстрого Волхова сошла дружина Рарога-Рерика, имевшая в своем составе немало людей, знавших, что такое государство и как его строить.

Примечания

1. Готы в IX в. жили южнее свеев в восточной части Скандинавского полуострова и на о. Готланд, расположенном близ побережья.

2. Вепсы – самозвание народа. Вепсы в IX в. являлись соседями ильменских словен на севере и востоке, в то время как эсты ограничивали их с запада, а меря – с юго-востока (с «волжской» стороны).

3. Пересказ был сделан на основании различных вариантов («изводов») ПВЛ, в основе которых лежит текст начала XII ст. Реферирующим являлась «Радзивиловская летопись». – ПСРЛ. XXXVIII. Л., 1989. С. 16.

4. Текст «сказания» сложился не сразу. Ранний его вариант, входивший в так называемый Начальный свод (около 1095 г.), сохра-

нился в составе Новгородской Первой летописи младшего извода. Сказание Начального свода упоминает только три племени: словен, кривичей, мерю... – *Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л. 1990. С. 185-186.

5. Не лишним будет напомнить мнение выдающегося российского ученого Гильфердинга, что германские племена (руги, вандалы, готы) завоевали местное славянское население и временно жили среди подчиненных славян в качестве «пришельцев» и «господ». – *Гильфердинг А.Ф.* История балтийских славян. Т.1. М., 1855. С.11,14 и др. Сравни его «Собр.соч.» Т. IV. СПб., 1874.

6. См. Очерк II. Прим. 104.

7. Славяне были поселены императором Юстинианом II в Малой Азии, в частности – в Левктрах и Никомедии. В 686 г. они были уведены в Сирию арабами. В Сирии славяне расселились по разным местам, в частности заняли земледельческие угодья в Апамее: «Sclavini per Syriam effusi in Apamae agro habitant» // CSHB.I. P. 559, 561 etc.

8. Из «Жития святого Колумбана» известно, что он принес «свет евангельского учения язычникам-венетам, которые также славянами зовутся», в районе Брегенца, на юго-востоке от Боденского водного бассейна.

9. Современные немецкие историки обозначают живущих здесь славян как «Main-Regnitz Wenden».

10. Католический миссионер встретил в 736 г. на берегах р. Фульды «огромное множество славян»: magnam sclavorum multitudinem // MGH. Scriptorium. II. P. 369.

11. Уцелевшее во время войн, сопутствовавших им голодовок и эпидемий, лишенное славянами-колонистами земельных угодий романизированное население Балкан (точнее, северной и центральной их части) оказалось вытесненным пришельцами в мало или совсем непригодные для земледелия гористые районы, где вынужденно занялось пастушеским скотоводством. Особенно много «влахов» оказалось в Карпатских горах и их предгорьях. Они-то и являлись предками будущих румын и молдаван. Те же влахи, что обитали в горах южнее Дуная: в горах Пинда (Греция), Родопах и Стара Планина (Болгария), Динарском нагорье (бывшая Югославия), с течением времени ассимилировались славянским большинством.

12. *Украинцев В.Н.* Славянские языки и славянские народы. Истоки родства. Минск, 1985. С.44.

13. О наличии больших масс кельтов в Европе едва ли можно говорить. Однако отдельные их группы могли существовать в различных местностях.

14. После поражения в 455 г. гуннов от союза германских племен гунны разбрелись по всей Европе – от Крыма и Дона до Балтики и Северного моря.

15. *Иордан.* О происхождении и деяниях готов. Getica. Вступительная статья, перевод и комментарий *Е.Ч.Скржинской.* М., 1960. С.70.

16. *Schönfeld.* S.246.

17. PRE. Neue Bearbeitung. Supplement. B.V. Stuttgart. 1931. S.549.

18. PRE. B.XII. S.193. Крамер, автор статьи о лемовиках, видит аналог в готском слове «weihan». От vi[c] – викинги раннего средневековья. Они же – варяги восточнославянских памятников письменности.

19. О значении *lem[o] будет сказано особо – в дальнейшем. Сейчас отметим, что предложенное Цезарем этническое обозначение было поддержано Плинием и Птолемеем. В «Географии» (II, 7) – Λεμόβικες, Λιμουίκοι.

20. Urbs Rutena (Рутенский город) – римское название. Более древнее среди галлов – Segodunum (Укрепление, укрепленное место). А как звали город его жители? Родез или похоже...?

21. В период восстания Верцингеторикса рутены мобилизовали 12000 воинов, а лемовики – 10000.

22. *Holder.* II. S.172.

23. Ib. S.175.

24. PRE. Neue Bearbeitung... B.XII. Stuttgart, 1952. S.1896-1897.

25. *Holder.* II. S.172.

26. Ala Lemavorum зафиксирована в одной из латиноязычных надписей (CIL. II.2301). Сейчас селение Monforte de Lemos.

27. Плиний зовет Limici. Птолемеева «География» знает Λιμίκων.

28. Достоверно о существовании трибы известно с 388 г. до ХЛ. – *Holder.* II. S.176.

29. PRE. B.XII. S.1930.

30. В «Певтингеровых таблицах» встречается третий вариант написания – Lemunum.

31. *Holder.* II. S.178.

32. В мощном флоте венедов сохранилось ясное свидетельство Цезаря.

33. Portus Lemanae (Lemanis) – на берегу Ла-Манша . Сейчас – Lympne – река и селение на ее берегу.

34. Lemannonius Sinus – на северо-западе Великобритании, где начинались поселения каледонцев, – знал Птолемей (2.3.1; 2.3.8). Сейчас залив зовется Loch Fine, существует также озеро – Loch

Lomond. – PRE. B.XII. S.1894. Неподалеку от Эдинбурга, «от Норт Берика на запад, до мыса Гиллейн-Несс, протянулась цепь из четырех островков – Крейглит, Лэм (выделено мной – Е.К.), Фидра и Айбрау...» – свидетельство Р.Л.Стивенсона (1882 г.) в тексте романа «Катриона» (разн. изд.)

35. PRE. Neue Bearbeitung... B.XIII. Teil 1. Stuttgart, 1927. S.709.

36. Vienna – позднейший эквивалент немецкому топониму Wien, латинскому Vindbona.

37. Валлийское Rhos соответствует английскому Ruos, Ros.– *Turvey R.H.* The Marcher Shire of Pembroke and the Glyndŵr Rebellion. – The Welsh History Review. Vol.15 (1990). P.153.

38. *Rhys J.* and *Brynmor J.D.* The Welsh People. L., 1900. P.7-8.

39. *Садовская М.С.* Римский флот Виндоланда. К вопросу о романизации Британии в I в. до н.э. // Из истории античного общества. Межвузовский сборник. Горький, 1988. С.72.

40. The Marcher Lordships of South Wales. 1415-1536. Select Documents. Ed. by. *T.B.Pugh.* Cardiff, 1963. Index.

41. Название читается как «Венсиссель» с ударением на первом слоге. Венсиссель имеет площадь 3000 кв.км. – Brockhaus Lexikon. B.19. Mannheim, 1989. S.103.

42. *L'Arbois de Jubainville H.* Les premier habitants de l'Europe (Paris, 1877), Les noms gaulois chez Cézar et Hirtuis de Bello Gallico (Paris, 1891. V.1) etc. Французский ученый опирается на устойчивое мнение античных писателей, отличавших кельтов от венедов и племен, этноним которых содержит формант *lem-. Лемовиков и кельтов различал Цезарь. Разными народами считал celticos и lemavos Плиний. В средневековой Франции жители Лиможа выделялись своеобразным говором.

43. Мюлленхоф в своем известном многотомном труде «Deutsche Altertumskunde» (1870-1892) первый сблизил прибалтийских лемовиков и лемовиев средиземноморских земель. (B.IV. Hälfte 2. Berlin, 1990. S.564).

44. *Conway R.S.* The Italic Dialects. V.I, II. Cam., 1897; The Pre-Italic Dialects of Italy. Parts I, II, III. L., 1931.

45. *Rhus J.* The Celtic Inscriptions of Cesalpine Gaul. – Proceedings of the British Akademie. V.VI L., 1911.

46. *Hubert H.* The Greatness and Decline of the Celts. Tr. from French by *M.R.Dolye.* N.Y., 1980 (первое издание – 1934, переиздание – 1972).

47. Lepontii (Lepontici) хорошо известны Цезарю, Ливию, Плинию и ряду античных писателей. Они долго удерживали за собой долину р.Тичино (на север от Лаго Маджоре). Лигуры и лемуры воспринимались в античном мире как синонимы. – *Holder.* II. S.182. Существовал римский государственный праздник «lemuria», отмечавшийся в начале мая ежегодно. Топонимика Лигурии указывает на связь древних лигуров и праздника: близ Генуи отмечены гора Lemurinus (Лемурская) и река Lemuris (т.е. лемуров) // PRE. Neue Bearbeitung... B.XII. S.1931-2.

48. *Hubert H.* The Greatness... P.124.

49. *Holder.* II. S.175.

50. Deutsches Wörterbuch von *J.Grimm* und *W.Grimm* Bearbeitet von *V.Dollmayr.* B.XI. S.755. Нам кажется, что эти заимствования произошли первоначально на разговорном уровне не от латинского ulmus, а от *lem(os) – древнего западноевропейского (лигурийского) слова. Влияние латинской лексики было вторичным и, может быть, чисто литературным, «письменным». Как показал А.Хольдер, для образования онимов использовались в поздней античности и раннее средневековье все три «вязовых» форманта – существовали мужские имена Elmetiacos (V.I. S.1416), Ilmeunnus (V.II. S.35) Ulmouis (V.III. S.325). Беда Достопочтенный сообщает о «silva Elmete» в Йоркшире. Селения Ulmirus, Ulmo существовали на территории Галлии, а речка Ulmodus впадала в Маас.

51. Срезневский. I. С.1090.

52. В «Толковом словаре русского языка» (М., 1935. Т.1. С.1191) предлагается (наряду с формами илем, илим, илъм) льма как диалектная форма.

53. «...Надпись медными этрусскими буквами удостоверяла, что уже тогда (т.е. в доримскую пору – Е.К.) почтенное дерево было святыней», – указывал А.Чертков. Дерево это, по его мнению, было ясенем (не дубом).– См. прим. 76.

54. Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961. С.195-6.

55. Штаерман Е.М. Мораль... С.196. Штаерман заимствует данные из издания: Vendryes J., Tonnelot E., Unbegaun B. Les religions des céltes, de germanis et des anciens slaves. Paris. 1948, P.281.

56. Орфики существовали и имели влияние на берегах Эгейского моря и окрестных землях еще до Троянской войны. Об орфическом учении и его «центрах» во Фракии знали древнеегипетские жрецы. В «Илиаде» (песнь 6.419-420) рассказывается, что «окрест могил», где был похоронен убившим его Ахиллесом правитель «плакийских Фив» в Киликии (близ морского берега) Этион, «нимфы холмов» «Зевеса великого дщери» посадили «ульмы» (? – пер. Н.И.Гнедича. М., 1959. С.109-110). Заметим, что «быстроногий Ахиллес» Этиона «...предал

сожжению вместе с оружием пышным» (С.417-418). Тайны орфического мировоззрения пытался раскрыть Корнелий Агриппа. Его работа, вышедшая в Лондоне в середине XVII в., осталась нам недоступной. Материалы Агриппы и комментарии к ним см.: *Лазарев В.* Священные деревья орфической мистерии // Наука и религия. 1993, № 1. С.30; № 3. С.25.

57. *Korkkanen I.* The People... P.32-37, 70 etc.

58. Древнеанглийская поэзия. Пер. *В.Г.Тихомирова.* Ред. *О.А.Смирницкая.*, М., 1982. С.15. См. также прим. к «Видсиду» (с.258-9).

59. См. Приложение 6 (Ильмень-озеро).

60. Как свидетельствует в 43 главе Тацит, готы «управляются царями несколько более суровым образом, чем остальные германские народы, но все-таки еще не до подавления всякой свободы», а вот ругам и лемовиям свойственно «повиновение царям».

61. *Иордан.* Getica... P.23.

62. Там же. Комментарий. С.192-193.

63. Обзор точек зрения см. у Шёнфельда (S.196).

64. *Holder.* II. S.1255-7.

65. Ib. S.1248-9.

66. PRE. Stuttgart, 1914. S.1232-3. По свидетельству Аммиана Марцеллина, среди чиновников Империи функционировал «praeses Tripolitanae» по имени Рурикий.

67. О соотношении rod и rad было сказано во II очерке книги.

68. В rouergue сочетание гласных «ou» должно читаться по-французски как полногласный звук «u» (по-русски – «у», «ю»). Сочетание «er» произносится как русское «э». Предпоследняя гласная «u» указывает, что буква «g» соответствует русскому звуку «г». Сама же гласная беззвучна. Концевой «e» можно пренебречь. Получается *руэг. См., например: Французско-русский словарь. Сост. *К.А.Ганшина.* М., 1939. С.634-635. Во французской речи закрепилось произношение rwerg (руерг) // Nuveau Petit Larousse. Paris, 1968. P.910, 1655. Этимологизировать слово в рамках галльско-римского лексического фонда не удается. Ближайшее французское – rouer, валлонское – rowe, провансальское – rogar, rodar, итальянское – rotare восходят к латыни и означают круговое движение (вращение). См.: Dictionnaire de la Langue Francaise. T.IV. Paris, 1885. P.1766; Larousse de XX Siecle. T.VI. Paris, 1933. P.59. Можно предположить наслоение кельтского этнонима raurici на некельтское (лигурийское – ?) понятие *rug(i). О рауриках пишут Хольдер (II. S.1085-1086) и Шёнфельд (S.295).

69. Здесь «ργγ» ошибочно вместо «rug». Таково мнение Хольдера (II. S.1243).

70. Мнение Раппопорта в его статье. – PRE. 1914. S.807.

71. Лигурийская принадлежность суффикса «sk» была признана в XIX в. Хольдером (II. S.1243) и К.Мюлленхофом. См. статью Веттера для PRE (Stuttgart, 1926. S.528).

72. *Schönfeld.* S.258-9.

73. Шёнфельд (S.185) дает другие варианты имени с удвоением «n» (ranni, rannii) и определяет его как этноним.

74. Несмотря на «многочисленные гипотезы», «имя этого скандинавского народа не ясно», – пишет Шёнфельд (S.185).

75. *Holder.* II. S.1072.

76. *Чертков А.Д.* О языке пеласгов, населявших Италию, и сравнение его с древнесловенским. М., 1855. С.29, 39, 42.

77. Сейчас Венисьо (Венисо) имеет около 75000 жителей. Brockhaus Lexikon. B.19. S.108.

78. *Pokorny I.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch... S.1146.

79. Не считая, конечно, живущих в Монако монегасков, но о них речь должна идти особо. Употребление суффикса «ск» во «Фрагменте» при описании локальной принадлежности того или иного исторического персонажа ставит под сомнение его чисто скандинавское происхождение.

80. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка // Таблица развития индоевропейских звуков.

81. *Назаренко А.В.* Об имени «руси» в немецких источниках IX-X вв. // Вопросы языкознания. 1989, № 5. С.47, 53 и др.

82. Статья Назаренко определенно подтверждает данное положение.

83. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь... С.926 и след.

84. *Procopius.* De bello Gothico. – Opera. V.II. 396.2; 400.21; 401.15; 404.8.

85. *Conway R.S.* The Italic Dialects... V.I. P.11.

86. Л'Арбуа указал на этнические связи обитателей Сардинии и Руссильона. – Les premiers habitants... P.86, 44, 45 (note 2).

87. Ib. P.65, 73 etc.

88. PRE... Stuttgart, 1914. S.1234; Holder. II. S.1072.

89. Ib. S.1233.

90. *L'Abois de Jubainville H.* Les premiers habitants... P. 173 note 4. См. также Кузнецов Е.В. Этногенез... С. 156. Прим. 90.

91. *Шифман И.Ш.* От Бытия до Откровения. Пятикнижие Моисеево. М., 1993. С.66, 274, 276.

92. Толковая Библия Т.I. СПб., 1904. С.446.

93. Иезекииль предрекает: «... пошлю огонь на землю Магог и на жителей островов, живущих беспечно... Я – Господь» (39.6)

94. Цитаты здесь и далее: Толковая Библия Т.VI. СПб., 1909. С.446, 451.

95. О лидийцах и их царе Гиге писали Платон, Плутарх, Страбон и др. Обширна и литература нового времени.– *Довгяло П.И.* Становление идеологии раннеклассового общества (на материале хеттских клинописных текстов). Минск, 1980. С.106, 114-115, 143, 150 и др.

96. Если принять идею о соседстве Мешеха (Мосоха) и Фувала (Тувала) к Лидии, то, ориентируясь на схожесть согласных и уточняя гласные в эпонимах, получим Мисию, область севернее Лидии, и «Фивы Плакийские» – «град... киликийских народов цветущий» (Илиада. Песнь шестая. 397, 415).

97. Толковая Библия Т.VI. С.446.

98. *Шифман И.Ш.* Ветхий Завет и его мир. М., 1987. С.12-13.

99. Отрывок из толкования Ефрема Сирина, т.е. Сирийца, жившего в Нисибисе и Эдессе (306-373), на известный текст из книги «Бытие» (10.4) в переводе А.П.Дьяконова: «Иаван стал отцом греков... сыновья Иавана: Елиша, Таршиш, Кетим и Роданим. **Кетим есть отец росиев (rasaye). Родоним есть отец родиев (rodaye), т.е.тех, что на острове Родос».** Комментарий Эфрема к «Пешитте» выделен Дьяконовым.– ВДИ. 1939. 4. С.87.

100. См. перевод В.Я.Петрухина «Книги Иосиппон» (X в.), в основу которой были положены известные труды Иосифа Флавия.– *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX-XI вв. М., 1995. С.38.

101. Толковая Библия Т.I. С.69.

102. Подробно об этом: *Немировский А.И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С.42.

103. Толковая Библия Т.I. С.75. Точка зрения Э.Филипона была поддержана Н.А.Красновской «Происхождение и этническая история сардинцев». М., 1986. С.36. См. также: *Немировский А.И.* Этруски... С.33, 49, 51 и др.

104. На стороне Трои сражались энеты, переселившиеся позднее на север Адриатики и создавшие там довольно обширное государство и высокую цивилизацию. Имя ближайшего сподвижника Гектора «мощного Энея» – возможно, эпоним какого-то племени, если не энетов, то родственного им этноса. Литература об энетах (венетах) трудно обозрима – *Королев А.А.* Новые данные о венедском языке // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977. С.119, 126 и др. Энеты были, вероятно, близкими родственниками дарданов, которых ветхозаветные книги обозначают как доданим (Бытие. 10.4), и, следовательно, троянцам. Имя Энея – эпоним энетов. Генетическое родство доданим

и славян фиксировалось в иудейской историко-географической традиции. См. «Иосиппон»: «И Морава, и Харвати, и Сорбин, и Лучанин, и Ляхин, и Кракар, и Боймин считаются (происходящими) от сыновей Доданим...» – *Петрухин В.Я.* Ук.соч. С. 39-40.

105. См. пер. «Илиады» Н.И.Гнедича. Песнь вторая («Перечень кораблей»), 721.– Гомер. Илиада. М., 1959. С. 50. Лемнос занимает весьма почетное место в эллинской мифологии. Известно, что здесь в глубокой древности (2000-1500 до ХЛ) жили синтии, родственные синдам восточного берега Черного моря. К его берегам пристали аргонавты вскоре после того, как возглавляемые царицей Ипсипилой лемносские женщины перебили своих распутных мужей и т.п. На этом острове была обнаружена знаменитая лемносская надпись – «eine vorgriechische Inschrift von Lemnos» – *Pauli, Carl.* Alt-italische Forschungen. B.II. Leipzig. 1886.

106. PRE. B.XII. S.1894, 1897, 1928 usw; B.XIII. T.1. S.701, 706, 709 usw.

106a. *Holder.* III. S.330.

107. В римское время город Лидда был переименован в Диосполис (Diospolis).– PRE. B.XIII. T.2. S.12. В 10 км. на северо-запад то Лидды существовал другой город будущих европейцев – Дагон. В «Первой книге Маккавейской» (II.4) повествуется о сожжении войсками египетских Птолемеев «капища Дагона» (в Дагоне). – Толковая Библия Т.VII. СПб., 1913. С.90. Людей, живущих в Дагоне, если верить «Книге Ездры» (4.9), звали «даги». Невольно напрашивается аналогия с названием балтийского острова Даго, а также антопонимами Дагон, Даксон (Очерк IV). Эти разобщенные огромными пространствами онимы оказываются сближенными, если припомнить миф о боге Таге этрусков. Чтили Тага и древние римляне. Согласно римской традиции Таг был сыном Гения (Cic. Div. II,23,50). Как отметил А.И.Немировский, «... у греков не было героя по имени Таг, но в эгейско-анатолийском регионе и в Передней Азии имелись сходные имена. Еще в III тысячелетии до н.э. в Эбле почитался бог подземного мира Дагон, которому поклонялись и филистимляне – видимо, пеласгийские поселенцы. Сходство имен Таг и Дагон дало основание предположить идентичность этих богов». – *Немировский А.И.* Этруски... С. 216.

108. Название одного из древнейших типов средиземноморских судов – лембос (lembos), возможно, имеет этническое происхождение. То же следует сказать и о боевых «лигурах» древнеримского флота.

109. Большой вклад в изучение миграции «морских» народов с восточных берегов Средиземноморья на запад внес *А.И.Немировский.* Этруски... С.7-62. См. также: Гриневич Г. Праславянская письмен-

ность (Результаты дешифровки, с дополнениями). М., 1993 и другие труды этого автора.

110. Очевидцы говорят, что именно эти карпатские горцы любят вставлять в речь «сорное», по мнению наблюдателей, словечко «лем» (факт сообщен доктором филол. наук В.Н.Шапошниковым). Не является ли подобное вкрапление в речь средством защиты этникона от забвения? Сейчас, наверное, действие является бессознательным, но начало было ему положено когда-то, как нам кажется, вполне сознательно.

111. Вспомним приводившийся ранее немецкий вариант названия Львова – Лембург.

112. Историческим парадоксом следует считать переселение польским правительством усмиренных им в сороковые годы нашего столетия бескидских лемков в Восточную Пруссию и другие земли Прибалтики. Знали ли переселенцы, что прихотливая историческая судьба возвращает в места, покинутые их предками более чем за полторы тысячи лет до этого?

113. М.В.Ломоносов, а за ним Н.М.Карамзин указали, что северный рукав Немана зовется Русна (селение на его берегу и сейчас называется Русна).– *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т.I. М., 1988. С.30. Последующие исследователи обратили внимание на расположенный здесь остров Russe (Alt-Russe). В районе Клайпеды (Мемеля) были известны два селения – Руссен и Руслен.– *Забелин И.Е.* История русской жизни... С.171, 177 и др. Менее чем в сотне километров к востоку от устья Немана расположен один из древнейших городов Литвы – Россиены (сейчас – Рассейняй) на реке того же названия. Вообще, как установили Спрогис, «русских топонимов» в Принеманье много.

114. Близ Ругодива существовал ряд других «русских» топонимов – остров Русна, селения Роснолай, а у истока р.Наровы из Псковского озера населенный пункт Русной и др. – *Забелин И.Е.* История... С. 178.

115. Близ западного берега Ботнического залива заслуживает внимания расположенное на острове селение Rogge Synd – «Морская карта» Олауса Магнуса (1539). Это селение указано и на карте Финклера (1567) в форме Rogge Sud (Rogge Sund). Взято из приложения к книге: *Савельева Е.А.* Олаус Мангус...

116. См. «Морскую карту» О.Магнуса (1539).– Там же.

117. В «Истории...» императора Клавдия, прозванного за победы над готскими отрядами на Дунае в 268-270 гг. «готским», можно прочесть: «...denique Scytharum diversi populi Peuci, Gretungi, Austro-

goto, Tervingi, Visi, Gepides, Celtae et Eruli praedae cupiditate in Romanum Solum insuperunt» (Hist. aug. Claudius. 6.2).

118. Гепиды жили в доготское время в устье Вислы. Эрулы (герулы) пришли из Скандинавии. Последние примкнули к готской миграции выбитые данами из юго-западной части Скандинавии (Smöland, Halland, Schonen).

119. Об этих экспедициях писали достаточно много. Например: статья «Heruli» Раппопорта // PRE. Neue Bearbeitung. B. VIII. Stuttgart. 1913. S.1151, 1155, 1163, 1166 usw.

120. Точку зрения о «захвате» части ругов движением готов в Причерноморье, где они стали зваться «розомонами» (росомонами), высказал А.Г.Кузьмин: Падение Перуна (становление христианства на Руси). М., 1988. С.133.

121. Дьяконов А.П. в статье «Известия Псевдо-Захарии о древних славянах» (ВДИ. № 4(9). М., 1939) сообщает об источнике следующее: «В последней из сохранившихся глав компиляции Псевдо-Захарии (XII, 7) приводится приписываемый Птолемею Филометру «очерк... вселенной» с перечислением разных стран и народов, а за ним следует написанное в 555 г. дополнение, содержащее сведения... о 13 народах, живших на север от Кавказа...»– Там же. С.84.

122. Их соседи, ближайшие к югу (точнее к юго-востоку, за Доном),– амазонки, т.е. сарматские племена.

123. Перевод отрывка принадлежит Н.В.Пигулевской: «Сирийский источник VI в. о народах Кавказа» // ВДИ. № 1(6), 1939. С.265.

124. Изложено по краткому переводу Отто Л.Иричека (Die deuschen Heldensagen. Leipzig. 1898. S.118).

125. *Schönfeld.* S.194.

126. *Jiriczek O.L.* Die deuschen Heldensagen... S.118.

127. *Schönfeld.* S.194, 195 usw.

128. *Marquart J.* Osteuropäischen und ostasiatischen Streifzüge... Leipzig. 1903. S.365, 382.

129. Ульдин (Uldin), первый известный король гуннов, имел среди других детей сыновей Ругилу и Мунджука. У последнего были сыновья Бледа и великий Аттила.

130. Имя его более известного в истории племянника Аттилы состоит из древнеевропейского *atta – «отец» и уменьшительного суффикса. Буквально – «маленький отец». Формант присутствует в языке древних эллинов (от него – Аттика).– *Трубачев О.Н.* Этногенез... С.148.

131. Первое написание встречается в «Historia Ecclesiarum». Феодора, второе – у Приска. Анализ см.: PRE. Zweite Reihe (R-Z). Erster

Halbband (Ra-Ryton). Stuttgart. 1914. S.1157.

132. Лучший анализ имени Sunilda был дан Шёнфельдом (S.218).

133. Ebenda. S.199.

134. Антропонимы, содержащие композит *sar-, встречаются на территории дунайских провинций Империи, Галлии (современный Лион), Британского острова (совр. Лондон) и др. – *Holder*. II. S. 1364, 1365, 1372.

135. Имя Saravus содержит лигурийский композит *avo.– Ebenda. S.1364.

136. Ebenda. S.1365.

137. *Holder*. B.I. (1961). S.128, 130-131. Известны мужские и женские имена с формантом *Amm-. Надписей с именами Ammius, Amma и производных от них особенно много найдено в Галлии (близ современных Намюра, Бордо, Ниццы и др.). Женское имя Amma коррелируется Хольдером с кельтским «am» – мать (I. S.128). См. также дополнительные факты в томе III (S.598). Надписи, здесь отмеченные, были найдены в Реймсе, Лионе, Асторге и других местностях.

138. Шёнфельд признает встречающиеся у германцев имена Ammius, Ammacius, Ammaca, Ammava кельтскими (S.17,18). Amsivarii- племя, жившее на берегах Эмса, – полукельтское-полугерманское (S.19). Точнее, нам кажется, считать племя кельтским, но подвергшимся германизации (частичной-?).

139. Орозий знает Сара, герцога готов, управлявшего в Таррагоне. О популярности имени свидетельствуют упоминания в текстах Созомена, Олимпиадора (в форме Σάρος), у Зосимы (Ἀσάρος). Подробнее во втором томе словаря Хольдера (S.1372), в словаре Шёнфельда (S.198).

140. Топонимические материалы не могут быть, к сожалению, проверены нарративными данными. Отсутствуют и явственные археологические находки.

141. *Забелин И.Е.* Ук. соч. С.177.

142. *Шахматов А.А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С.54.

143. *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С.177.

144. «Радзивиловская летопись». ПСРЛ. Т.38. Л.1989. С.71. Указатель географических названий. С.175. Сравни с «Летописью по Лаврентьевскому списку» (1872). С.162.

145. Здесь, переехав Днепр «в лод[ь]и», сдался 10 июля 1066 года полоцкий Всеслав киевскому великому князю Изяславу Ярославичу, который клятвой на кресте обещал ему безопасность и... обманул.

Клятвопреступление было отмщено в 1068 г. поражением от половцев и знаменитым восстанием киевлян, провозгласивших Всеслава своим князем...– ПСРЛ. Т.38. С.71 и след.

146. Эта точка зрения отражена в упоминавшемся «Указателе...» (ПСРЛ. Т.38. С.175). Но между Оршей и Смоленском около 100 км., и это трудно согласовать с замечанием летописи «На Рши у Смоленска». Кроме того, если князь переезжал Днепр, то, вернее всего, он ехал из родных владений на правом берегу реки Днепр, т.е. летописная Рша (Орша) стояла на левом берегу (?). Здесь необходимо дальнейшее изучение источников. Впрочем, расположение древней Рши ближе к Смоленску, чем позднейшая Орша, ничем не подрывает нашу аргументацию.

147. *Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С.136.

148. *Спрогис.* С.361. См. Приложение 8.

149. *Агеева Р.А.* Страны... С.136.

150. Летопись по Лаврентьевскому списку... СС.76, 146, 221, 242, 313, 327; ПСРЛ. Т.38. СС.38, 65, 121, 128. Форма Ръсь использовалась чаще, чем Рша (Рсьша). Например, ПСРЛ. Т.38.: «Ярослав почаставит(и) городы по Рси» (С.65), «...в граде Родне на усть Рси» (С.38), «...воеваша по Ръси» (С.128).

151. ПСРЛ. Т.38. С.16.

152. Там же. СС.11, 13, 16. Аналог *Перъмь (Перемь).

153. «Търма» позднее превратилось в полногласное «торма».– *Попов А.И.* Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л., 1973. С.95, 110-111.

154. Греческий этноним сложился под воздействием греческого перевода Ветхого Завета (перевода «семидесяти толковников»).– *Дьяконов А.П.* Известия Псевдо-Захария... С.87.

155. Летопись по Лаврентьевскому списку... С.305, 306. Летопись Ипатьевского списка. СПб., 1876. С.236, 265 и др. См. также: *Соловьев А.В.* Византийское имя России // Византийский временник. Т.12. 1957. С.144.

156. Летопись по Лаврентьевскому списку... С.486.

157. *Агеева Р.А.* Страны... С.125.

158. Неманское Порусье позднее превратилось, расширившись, изменив свою этнографию, в Пруссию. Существуют неясности с некоторыми топографическими обозначениями Новгорода. В особенности: откуда в центре города Прусская ул.? Почему Прусский конец звался раньше «Людин» конец? Думается, что в начале говорили о «конце», населенном людьми («людинами») из Порусья. Позднее

самоидентифицирующий «антично» русский этноним «людины» (вспомним Ветхий Завет) «ославянился», они стали славянами, но память о ближайшей «географической» родне сохранилась. Улица же стала зваться по новому топонимическому обозначению прибалтийского порусского района – Пруссия.

159. ПСРЛ. Т.38. С.128 (прим. 30). Летопись по Лаврентьевскому списку... С.327.

160. Законодательство Древней Руси. Т.1. Под ред. *В.Л.Янина*. М., 1984. С.47, 48.

161. Там же. С.36, 37.

162. Точнее сказать: южное «о» и северное «у» сосуществовали. При этом налицо тенденция вытеснения южнорусского гласного.

163. Наблюдение Х.Ловмяньского – «Начало Новгорода (к вопросу об образовании Русского государства)» – над топонимикой Прильменья привело к выводу, что названия с корнем рус расположены к югу от линии р.Шелонь – о.Ильмень – р.Мста, а «варяжская топонимика» к северу от этой линии, что отражает разные, сталкивающиеся порой потоки миграции в малонаселенные пространства Восточноевропейской равнины.

164. Археологам следовало бы обратить внимание на свидетельства арабских географов Эль Масуди (X в.), Ибн Батута (XIV в.) о русских копях серебра в Донецком кряже. Эти сообщения были подтверждены специалистами-геологами в начале XIX в.

165. *Васильев А.А.* Готы в Крыму // Известия ГАИМК. Л., Т.I. (1921). Т.V. (1927).

166. К.де Боор среди европейских кафедр готской митрополии нашел русскую – на северо-востоке Крыма.

167. В VII в. «царь русов» правил Боспором, который звался хазарами Корчев (Керчь).– *Коковцев П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С крымскими русами, вероятнее всего, связан рассказ «Жития св.Стефана Сурожского» о походе русского князя Бравлина на г.Сурож. Наличие в восточном Крыму полуземлянок салтово-маяцкого типа, т.е. материальных комплексов, аналогичных тем, что встречаются на берегах Дона и Северского Донца, также красноречиво говорит об этнической близости населения этих мест.– *Гадло А.В.* Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные// Вестник Ленинградского университета. №14. Вып.3. 1968 (VII). С.63 и след. Известно также, что «черные люди» из русских поселенцев Крыма помогали Владимиру в его походе на Херсонес. См. «Житие Владимира особого состава». Оно было рассмотрено Шахматовым в работе «Корсунская легенда о крещении

Владимира».– Сб. статей в честь В.И.Ламанского. СПб., 1912.

168. Такие соображения сопоставимы и помогают восполнить то неясное, что существует в классическом описании русов Ибн Фадлана, а также в некоторых положениях составителей ПВЛ. В число последних следует отнести языковую славянизацию русов.

169. В южном Прикарпатье целый ряд топонимов был выделен еще в XIX в. Я.Головацким.–Географический словарь... С.269, 270 и др. В числе мест, отражающих факт присутствия росов-рогов в Прикарпатье,– Русский перевал в Карпатах. См. также: *Кузьмин А.Г.* Падение Перуна... С.143 и др.

170. Вот свидетельство Иордана: «..Рог (руг, рус, рутен – Е.К.) Одоакр, сплотив толпу торсилингов, скиров, герулов, вторгся в Италию и императора Августула, от царства отстранив, осудил на заточение в крепости Лукуллана в провинции Кампанья». В источниках можно встретить и другие мнения о «национальной принадлежности» Одоакра, в частности – что Одоакр по происхождению скир (scirus genere)/ Fragmenta Historicorum Graecorum. V.IV. Paris, 1861. P.617, 209. Однако о том, что Одоакр – рутен, свидетельствуют две надписи в пещерах близ г.Зальцбург. Записи воспроизвел в своем многотомном сочинении Томас Ходжкин (*Hodgkin Th.* Italy and her Invaders. V.III. Ox., 1892. P.133ff). Вот отрывок одной из них: «...477 г., Одоакр, из народа рутенов, вступил с германцами в Рим...» Несогласованность в источниках, наверное, объясняется тесным политическим союзом разноэтнических подразделений германцев-наемников, которыми командовал на территории Италии Одоакр (Odoacer). Возможны и смешанные браки между наемниками.

171. Несомненно, географические контуры территории дунайского Русоланда нуждаются в уточнении, но сейчас представляется, что лежащая к северу от Дуная современная Нижняя Австрия и южная часть Моравии входили в ее состав. Отсюда руги вторгались на Балканы – во Фракию и Иллирию, в частности. – Fragmenta Historicorum Graecorum. V.IV. Paris, 1861. P.621, 714; 1870; vol.V. Pars I. P.27, 259... – Интересно сообщение средневековой хорватской летописи об острове Руяна в Адриатическом море. Константин Багрянородный утверждал, что пришедшие на Адриатику в V в. раусы (русы – ?) основали будущий город Рагузу – Дубровник.

172. В составе Тюрингии Русское графство как особый «удел» упоминалось вплоть до XX в. (до Веймарской республики).

173. *Zöllner.* S.117.

174. Отмечено Срезневским в третьем томе «Материалов...». О приходе ругов в Италию сообщают и нарративные источники.

175. Упоминание о «русской Ротале» впервые встречается у датского историка Саксона Грамматика. Писал о Ротале и Генрих Латвийский в «Ливонской хронике» (С.120).

176. Вот что пишет датский историк: «Олимар победил Тора Длинного, царя ями (=еми) и хельсингов, и двух других правителей, едва ли обладавших меньшей властью, прославленный покровитель варваров, он управлял не только Эстией и Куретией с Аландией, но и шведскими островами...» (Olimarus Thorum Longum, Jamorum atque Helsingorum regem duosque alios haud inferioris potentiae duces, Hestiam quoque et cum Ölandia Curetiam, sed et insulas Suetae praetentas, celeberrimus barbariae domitor triumphavit). – *Saxo*. 1931. P.132. Здесь необходимы пояснения: хельсинги – жители северо-восточной области Швеции, примыкавшей к Ботническому заливу. Аландия (точнее – Ölandia), основанная фризами крепость на юго-востоке современной Латвии, – объект постоянной борьбы куршей, живших по соседству с ней, и скандинавских викингов.

177. Здесь следует обратить внимание на приморскую крепость – Roggesund в Скандинавской области Хельсингия (Helsingia), отмеченную на «Carta Marina» 1539 г. Отмечен этот топоним также на «Карте Северной Европы» Олава Магнуса (1507). – См. вкладку в книге Е.А.Савельевой.

178. Русы и венеды были предшественниками скандинавов и фризов на восточнобалтийском побережье.

179. О полиэтничности германских племенных союзов периода «великого переселения народов» писалось немало. В частности, о полиэтнической структуре захватившего значительную часть Аппенинского полуострова в VI в. племени лангобардов писала И.А.Дворецкая. – Образование раннефеодального общества и государства в Северной Италии. Автореферат докторской диссертации. М., 1985. С.16.

180. Подробное описание святилища Свентовита в крепости Аркона на о.Руяне дал Саксон Грамматик во второй части своей «Истории данов» (он лично участвовал в датской экспедиции на Рюген, приведшей к уничтожению святыни славян).

181. О Ротале – «Очерк 4».

182. См. «Очерк 2». Прим. 176.

183. Факт впервые зафиксирован: *Masch A.G.* Beytrage... S.81. Наиболее полную справку об этническом ландшафте острова составил Цёллнер (Rugier... S.108ff): rugianenses от Rugia (Annales Corbienses, дополнение к записи 844 г. – MGH. Scriptores. II. P.3), rugiani (Saxo), ruani (Widukind), rani vel rugiani (Helmold). В «Vita Ottonis Babenbergensis» (MGH. SS.V.XII) остров называется Rogia (p.775) Ruthenia

(p.817-9), а жители его – rutheni. (p.817-9). Добавим онимы rani, rugiani (*Adam of Bremen*... P.67, 188), Rugia (Carta Marina. 1539). В итоге для острова получим такие варианты: Rugia, Rogia, Ruthenia, Rana, Ruana. Все они этнического происхождения от rugi, rogi, rutheni, rani, ruani. Все онимы обозначают один объект и, следовательно, взаимозаменяемы.

184. Отметим, что раны также частично мигрировали с германцами. Лингвисты обнаружили с корнем «ran» несколько имен у остготов (Ranilda) и вест-готов (Ranimirus, Ranvaldes). Параллели этим именам находятся в пределах Империи. В CIL. XIII, 10001, 415 приведено личное имя: Rannio Salvio e[quite] R[omano]. Там же (CIL. XIII, 10036, 67) указан топоним Ranvicus. – *Holder*. II. S.1073. Заслуживают внимания и онимиконы с корнем «ran» у западных славян. Не все они связаны с лексемами «рано», «ранний» и т.п. См. также Приложение 7.

185. В частности, данными Иоакимовской летописи стали пользоваться В.Л.Янин, О.М.Рапов. См.: *Рапов О.М.* Русская церковь в IX – первой трети XII вв. – М., 1988. С.257 и др.

186. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980.

187. *Marmier X.* Les Letters sur la Nord. Paris, 1840. Брюссельское издание имеет дату 1841.

188. Некоторые итоги этой работы подведены в издании: *Jakobson R.* Select Writting. II. Word and Language. The Hague – Paris, 1971. P.641, 643 etc.

189. См. приложение 9.

190. Einhardi Annales. Ed. *G.H.Pertz*. Hannover, 1845: «...emporio, quod in oceani litore constitutum, lingua Danorum Reric dicebatur» (P.56), «...dux Abodritum in emporio Reric» (P.58-9).

191. См. текст «Сказания...» в данном «Очерке».

192. Н.Ф.Блейк полагает, что какое-то время город Рарог-Рерик был базой викингов, по своей значимости сравнимой лишь с Йомсбургом X века. Он пишет: «Reric was then [IX в.] an earlier Jomsborg». – The Saga... Introduction by *N.F.Blake*. P.XI.

193. *Срезневский*. I. С.229-230.

194. Первая группа славян пришла на земли, прилежащие к Псковскому и Ильменскому озерам, в V-VII вв. Второй поток колонизации пришелся, вероятнее всего, на VIII в. – Седов В.В. Формирование восточно-славянской народности. Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып.198 (Средневековая археология Восточной Европы). М., 1982. С.11-12.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Вакх, Бафомет, Бхагаван и др.

Если верить одному из орфических гимнов, «личину» быка имело изображение (или изображающий) Вакха (Бакха). Дионис орфиков изгнал Вакха с лица земли. Однако позднейший преемник Вакха уже в «черной» (сатанинской) мифологии имеет также бычье имя – Бафомет[1]. Почитание божественного быка («буйвола»), судя по печатям, извлеченным из земли археологами, не было чуждым людям, оставившим культурные памятники Мохенджо-Даро[2]. Вряд ли стоит напоминать о «священных коровах» индусов более позднего времени. Важнее отметить сакральное значение лексемы *бха (*bha). «Бхагаван», в дошедшей до нас теонимической традиции – «Всевышний Господь», «Бхагавадгита» – «Песнь Бога», «бхаита» – «слуга бога» и др.[3] «Сам Господь Шри Кришна... упоминается на каждой странице «Бхагавад-Гиты» как Верховная божественная личность, **Бхагаван**» (выделено цитируемым автором)[4]. И.Покорный переводит bha как «огонь», «свет», «сияние» (Schein, Licht, Glanz); bhos, bhas – свет , мощь, власть, (Licht, Macht)[5]. Вероятно, в обсуждаемом случае возможны уточнения: «божественная мощь», «светлая творящая сила», «божественный творящий свет». Существуют параллели с семитской теонимикой[6].

[1] Шюре Э. Великие посвященные. Калуга, 1914. С.181 (прим.).

[2] Альбедиль М.Ф. Забытая цивилизация в долине Инда. СПб., 1991. С.142, 152 и др.

[3] Шри Шримад А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Источники вечного наслаждения. Краткое изложение Песни десятой Шримад Бхагаватам. М. и др., 1986. С.854.

[4] Шри Шримад А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада. Бхагавад-Гита, как она есть. Полное издание с подлинными санскритскими текстами, русской транслитерацией, дословным и литературным переводами и подробными комментариями. М. и др., 1984. С.16.

[5] Pokorny I. Indogermanisches etymologishces Wörterbuch. Bern, 1959. B.I. S.104.

[6] Рижский М.И. Библейские пророки и библейские пророчества. М., 1987. С.25, 26 и др.; Берже Ф. Евреи и Талмуд. Париж., 1928. С.12.

2. Радуница

Радуница (Радоница) – весенний праздник; день поминовения усопших на Фоминой неделе, когда поются радостные пасхальные песнопения[1]. Христианский календарь присоединил его к пасхальному циклу и сделал подвижным. Иногда его отмечали в конечный день пасхальной недели – в «Фомино воскресенье» (Кострома и окрестности), иногда в следующие понедельник или вторник. В Троицкой летописи под 1377 можно прочесть: «Литва и Ляхи и Жемать придоша изгоном к Переяславлю по велице дни на другой неделе во вторник на заутрене по радонице», т.е. после радоницы, которая отмечалась в понедельник[2]. Богатый материал о празднике собрал В.И.Даль. Он дает такие варианты слова, существовавшие в его время: «рад(о)нецъ, раду(о)ница; радовница, радошница... Тут пьют, едят, угощают и покойников, призывая их на радость пресветлого воскресения... На юге – Фомин понедельник, на западе – вторник, на севере – вторник или воскресенье... На западе говорят радованцы, радованские поминки. По-видимому все слова эти от радъ – но где же тут радость? **Не от родитель ли?** (выделено Е.К.) или от радеть?»[3]

[1] Срезневский. III. С.14.

[2] Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверия. Вып.II. М., 1837. С.45, 54, 194, 195.

[3] Даль В. Толковый словарь... Т.IV. М., 1955. С.8.

3. Helsingalondan – «Счастливая страна».

Попытка этимологизировать Helsingalondan по данным скандинавских языков не дает результата. В средние века северные германцы знали, что Helsingja-land – область в Швеции. Helsing jar – ее житель, но почему так, а не иначе? Связать эти географи-

ческие понятия с «helsingr» (птица, казарка белошеяя) или с «helsi» (шея) едва ли надежно[1]. Материалы готского языка[2] и древнего «hochdeutsch»[3] также не помогают; не удается обнаружить связь топонима с германскими антропонимами[4] или этнонимами[5]. Успех приносит изучение фризского ономастикона. Составитель «Friesche Naamlist» И.Винклер включает в него такие топонимы как Helsingfors (современная столица Финляндии – Хельсинки), Helsenwarfen, но самое главное, он сообщает, что у фризов существовало мужское имя – Helse, женское – Helsinga[6]. Составитель «Готского этимологического словаря» Э.П.Леман также относит корневое hel к древнесаксонскому и древнефризскому (западногерманским) языкам, а не к северным или восточным ветвям германских языков[7]. Налицо основание утверждать, что топоним Helsingalondan (Helsingja-land) – фризский. Фризское название позднее было принято скандинавами. Такое могло случиться только при одном условии: первыми из «немцев», кто вошел на своих кораблях в воды Ботнического залива и стал осваивать его западный берег, были фризы, но не готы, свеи или даны. Данное суждение увязывается с тем, что Birkö – топоним западно-германского, вернее всего – фризского, происхождения[8]. Поселения с таким названием существовали в центральной Швеции, на севере Ботнического залива, на западе Финляндии (в земле квенов). Фризская надпись на камне была найдена в Сигтуне. В устье р.Эмс существует о.Бёркум (Börkum, Borkum). Остров был известен в древности, Плинию – в частности, как Burchana[9].

В данной работе решается положительно вопрос о фризском происхождении названия «Аланды» (Аландский архипелаг). По свидетельству Генриха Латвийского, фризские корабли в начале XII ст. участвовали в перевозках людей и товаров из Восточной Прибалтики на запад[10].

Антропонимы Helse, Helsinga ведут свое происхождение от hels, heilsa, что значит счастье, радость; hälsing – пожелание добра, приветствие[11]. Мальчик, получивший это имя,– Счастливый, девочка – Счастливая[12]. А Helsingalondan – «Счастливая страна».

---

[1] Creasby R. An Iselandic-English Dictionary. Ox., 1957 (2nd ed.) P.255.

[2] Lehman W.P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1956.

[3] Grosse R. Althochdeutsche Wörterbuch. B.IV. Berlin, 1987.

[4] Brechenmacher J.R. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Familiennamen. Görlith, 1847.

[5] Schönfeld M. Wörterbuch der altgermanischen Personen-und-Völkersnamen. Heidelberg, 1911.

[6] Winkler J. Friesche Naamlijst... Amsterdam, 1971. S.156.

[7] A Gothic Etymological Dictionary... P.169.

[8] Saga Book of the Viking Society for Nothern Research. Coventry, 1936. P.9, 11, 13 etc. Birkö – от фризского birk (право). – Ib. P.10-11. Точнее, право особое или особого места (пространства). В северофризском языке нового времени исключительный статус **человека** из какой-либо географической области (birkfâzed-Birkvogt) или **сообщества** – «Lygumkloster (zur dänischen Zeit)». – Jensen P. Wörterbuch der nord-friesischen Sprache... Neumünster, 1927. S.28. «Официальный» оттенок имеют такие фризские двухсложные слова: birjuchtigie – rechtgeven, machtigen; birjuchtsye – judicare berechten, recht doen... – Dijkstra W. Friesche woorden boek (lexicon frisicum). Amsterdam, 1971. Eerste Deel. S.155.

[9] Doornkaat K.J. Wörterbuch der ostfriesischen Sprache. B.I. 1879. S.206.

[10] Генрих Латвийский. Хроника Ливонии... С.79, 130.

[11] Главное их значение существует в современном шведском языке – правда, в измененной, адаптированной к языковым нормам шведской разговорной речи фонетической упаковке, т.е. hälsa – «здоровье», приветствие («здороваться»). – Шведско-русский словарь. Сост. Д.Е.Миланова. М., 1959. С.411.

[12] Koolman J. Wörterbuch der ostfriesischen Sprache. Norden, 1877. S.17.

4. Таможенный устав Раффельштеттена (начало X века)

Sclavi vero, qui de Rugis vel	Славяне же, которые выходят ради
de Boemanis mercandi causa exeunt,	торговли из земли ругов или боге-
ubicunque juxta ripam Danubii vel	мов, появляются где-либо у берега
ubicunque in Rotalariis vel Reoda-	Дуная или в торговых местах
riis loca mercandi optituerint...	в [земле] роталариев или реодариев...
[Далее – размер пошлины].	

Комментарий Эриха Цёлльнера: «...Писец епископа Пассау начала X века не был искушен в языкознании, но он твердо знал другое, что германцы, которые были родственны его собственному баварскому народу по языку, отличаются от славян, в равной степени он не мог не знать о языковом единстве последних... остается вопрос, названы ли в таможенном уставе руги славянами так потому, что речь идет об ославянившихся потомках ругов, о смешанном народонаселении, которое тогда уже говорило по-славянски и потому считалось баварцами за настоящих славян или эти руги получили свое имя исключительно потому, что заселили бывший Ругиланд? Во-втором случае мы имеем параллель с этнонимом «Boemani», богемцы (Böhmen). Здесь речь идет о славянском народе, который сам себя называет и называл чехами, но соседями германцами звался богемцами по причине того, что они поселились в древней стране боев... Прошло 600 лет между уходом боев из этой страны и расселением в ней чехов, поэтому вопрос об этнической связи между этими народами не ставится. В отношении же расселения ругов вопрос остается открытым...»[1]

[1] Zöllner E. Rugier oder Russen in der Raffelstettener Zollurkunde? – Mitteilungen des Institute für Österreichische Geschichtsforschung. B.LX (1952), H.1-3, S.108.

5. Некоторые стихи «Калевалы»[1]

Вейнемейнена сын юный
делал лодку, заклиная,
делал лодку, песню пел он.
Вот ладью он приготовил,
рыбьей чешуей накрывши.
Он гребет, плывет в той лодке,
вдоль реки Невы гребет он –
У залива крикнул Хукко
«Чья ладья плывет по водам?»
«Вейнемейнена потомок
в лодке с **Терского прибрежья**...»[2]

* * *

Старый верный Вейнемейнен
целый день топор свой точит...
Шел себе тесать он лодку.
Уж ладью он изготовил,
в воду оттолкнул ту лодку,
усадил грести всех старых,
молодых грести заставил.
Старые гребцы дрожали...
Так под замок он подъехал,
Требовал из замка[3] мясо,
рыбы приказал он выдать
спутникам своим голодным,
утомившимся героям.

* * *

Хитроумный русский воин
лодку на скале готовил,
челн красивый ловко строил.
Наконец, ладью он сделал,
шесть уключин в этой лодке.
В воду он ладью спускает,
просмоленный челн на волны,
в шесть уключин весла вставил.
И уселся в этой лодке
старый верный Вейнемейнен,
сел и юный Евкахайнен[4].

* * *

Старый витязь Вейнемейнен,
шел в **норвежский край суровый**,
Был он кузнецом отменным,
хорошо ковал железо,
также сталь ковал отлично...

[1] Руны и исторические песни. Под ред. В.Евсеева. Петрозаводск, 1946. С.20-21, 28-29. Из глав «Военные походы Вейнемейнена» и «Изготовление кантеле».

[2] Терское прибрежье – северный берег Белого моря. Здесь и далее выделено мною – Е.К.

[3] Речь идет о «финском» замке, «граде».

[4] Евкахайнен – спутник, иногда – соперник Вейнемейнена. Здесь спутник.

6. Ильмень-озеро

Соотнесенность композитов ulm-ilm-lem открывает возможность для более правильной этимологизации некоторых географических названий. В частности – название южногерманского города Ульм, русского озера Ильмень. «Дубликат» последнего находится на юго-западе Германии. Это небольшое озерко на северо-восток от Боденского озера – Illmensee, т.е. Ильмен-озеро. На северо-западе Германии известна река Illmenau. Здесь вторая часть гидронима «au» (=*aa) переводится на основе древней северо-германской (фризской) лексики как вода. Поэтому Ильменау = река Ильмен. Еще одна река Ильм является притоком реки Заале. На Ильме стоит Веймар. Возникает вопрос, к германскому или славянскому лексическому фонду относятся эти гидронимы? В пользу славянства композита говорят ряд факторов исторических и историко-лингвистических. Все три онима расположены на территории, занятой славянами в раннее средневековье или (новгородский случай) с раннего средневековья до сей поры. Эти раннесредневековые названия не могли быть немецкими, хотя бы, потому, что форма ilme относится к средневековому (а не к древнему – !) германскому языку, сформировавшемуся к концу I тыс. ХЛ, т.е. значительно позже возникновения рассматриваемых онимиконов. Добавим, что северо-германские наречия знали alm (шведский язык), alm, aelm (датский), olm (голландский) – все от ON álmr[1]. Удвоенное «ll» является записью славянской фонемы «ль». Суффикс ин(ъ) – in (en) – славянский, указывающий на принадлежность чего-нибудь (кого-нибудь): например, «Ольминъ двор» в Киеве, где был похоронен убитый Олегом киевский правитель Аскольд. Параллели можно найти в «The Oxford English Dictionary»[3]. Приведем только один пример из «Хроник» Роберта Фабиана: «They were hanged upon the elmyn tree», т.е. некие были повешены на **вязовом** дереве. Существовали и другие написания этого прилагательного elmyng, elmen etc. Появление в некоторых

вариантах ПВЛ написания «Ильмерь»[4] – позднейшая переделка на немецкий лад: где «мерь» – «Meer». Поэтому: «Ильмень» – **«вязино»** («вязово») озеро. Новгородский Ильмень – тоже, и это логичнее, чем этимологизировать его от славянского слова «ил». И, может быть, наименование великого славянского водоема надо связывать с первыми из западноевропейцев – лемами, пришедшими на его берега?

В порядке примечания заметим, что имя владельца двора, где была сооружена могила незадачливому князю, в точности соответствует голландскому обозначению дерева вяз в IX в.: olm – или, быть может, близкому к голландскому по звучанию скандинавскому alm, aelm?

И последнее: топография нашей страны дает достаточно богатый материал для дальнейшего обсуждения затронутой здесь проблемы: озеро Ильмень на Тамбовщине – памятное место для историков крестьянского восстания под руководством Антонова; на Южном Урале, в черте г.Миасс, расположено еще одно о.Ильмень, а рядом с этим небольшим озером довольно обширный прославленный «Ильменский» заповедник; в 28 км к северу от забайкальской Кяхты находится «Ильмова пядь», где археологи нашли древнее гуннское захоронение.[5]

---

[1] The Oxford English Dictionary. V.III. P.93.

[2] ПСРЛ. Т.38. 1989. С.17.

[3] The Oxford English Dictionary. V.III. P.93.

[4] ПСРЛ. Т.38. 1989. С.12, 16.

[5] БСЭ. Т.10. С.139.

7. Из русских песен

В одной древней свадебной песне встречаются такие слова:

Выбегало-вылетало тридцать три корабля.
Ой, рано, ой, рано, **ой,рано мое**[1].
Тридцать три корабля со единым кораблем.
Ой, рано, ой, рано, ой,рано мое.
Со единым кораблем,**со удалым молодцом.**
Ой, рано...

Весь колорит песни «морской», далекий от древнерусских континентальных ландшафтов. «Рано» – слово, обращенное к мужчине (жениху). Он сравнивается (соотносится) с кораблем, т.е. «мое рано» – «удалый молодец» – «единый» (единственно милый) «корабль» из многих других. Налицо свадебная песня моряков, хорошо увязываемая с Руяной (Рюгеном) и ее живущими морем людьми. Рано – мужчина, эпоним племени раны, рании и т.п., обитавшего на Руяне. Может быть, рано – ед. число от мн. раны...

[1] Выделено мной – Е.К.

8. Оршанская Русь

И.Я.Спрогис в проанализированных им материалах сорока актовых книг земского суда в Россиенах (ныне Расейняй), относящихся к сорока восьми волостям Жемайтии XVI века, нашел семь упоминаний о «Руси» на верхнем Днепре, вблизи от современной Орши – «в Оршанском повете»[1]. Упоминания встречались ученому в II, IV, VI, XVII, XXVII актовых рукописных книгах (во II и VI книгах – дважды). В актах говорится об «имении» «на Руси», «данниках». В одном случае встретилась такая формулировка: «отъеждзаючи для потребъ своихъ до Руси». В другом акте – «сдучи зъ селъ Рускихъ». Селения называются. Их перечень невелик. Остапковичи (три раза), Ольки (Гольки или Голек), Заесе (Заенья), Холопиничи (Холопеновичи), Хотюхово (Хотохово, Хотихово), Бойжена, Каменец[2] и др. Последнее название относится вернее всего к некоему каменному дому (замку – ?) или крепости. Возможно, это феодально-административный центр «русского повета и присуда» в XVI ст. Ограниченность округа и его связь с Оршей говорит о древности топонима, а также подчеркивает его уникальность в верхнеднепровском регионе.

[1] Однажды встретилась такая формула: «в повете и присуде Оршанском».

[2] Спрогис. С.150, 361 и др.

9. О происхождении имен Трувор и Синеус

Если установлено, что параллели имени Рюрик (Ruric) находятся в античных и раннесредневековых письменных памятниках исторической области Лангедок, занимавшей южную часть средневековой Франции (или, как пишут в Gr.Larousse: «...anc. pays du midi de la Fr. ...), то с логически обусловленной неизбежностью формируется вопрос: не там ли, т.е. на территории Лангедока, найдутся прототипы имен его братьев Трувора (Truvor) и Синеуса (Sineus)?

Ответ должен быть положительным. Начнем с антропонима Трувор. Широко известно, что нарицательное трувор существовало на севере Франции феодального времени (XII-XIII вв.) для обозначения лирического поэта, писавшего на «лангедойль»: «Trouvere (архаичное, исконное – truvor)» – «...Poète lyrique de lange d'oil...»[1]. Коррелируется с этим именем топоним Трувиль (Trouville) на берегу Ла-Манша, севернее Кана (Caen). Трувор, однако, не северофранцузское слово, а понятие, заимствованное из «лангедок». Его принесла на север страны, ко двору Людовика VII, знаменитая Элеонора Аквитанская в 1137 г., когда ее выдали замуж за короля. Сама она говорила на диалекте, свойственном северному региону распространения лангедока (диалект Пуатье), и была внучкой известного трубадура южной части страны. Благодаря ее интересам и симпатиям влияние южнофранцузской поэзии доминировало на севере некоторый отрезок времени. Позднее поэтический лангедойль стал развиваться параллельно лагедокскому, выработал особый стиль, но имя поэта «трувор» и обозначение поэтического стиля, с ним связанного, заимствованные с юга, остались.

Значение troubadour (древне-провансальское – trobador, trovar) и truvor (trouvere) одинаковы: composer un poème; в более широком смысле – inventer («изобретатель», «выдумщик») и т.п.[2] Параллели находятся в латинском и древнегреческом языках, точнее – латинский заимствовал некоторые греческие лексемы, сохранив их стиль. Это – tropaeum (трофей), tropaetus (увешанный трофеями) и др. Известно такое выражение: «cantare tropaea Cesaris»[3]. Трофей без особой смысловой натяжки можно рассматривать как некую счастливую находку – результат военного счастья. Слово имеет,

однако, и другие, более глубокие корни, о чем свидетельствуют словари **романшского (ретороманского) языка**. Существуют, например, такие онимы, как Trutg, Trotg, «Truw commune» (коммуна упоминается в документе 1418 года): все от «доримского» *trogio[4]. Провансальское trovâ, вероятно, также возникло без латинского посредничества[5]. Их смысловые значения не отличаются от лангедока. Итак, имя одного из прибывших в IX в. на берега Волхова князей имеет глубокие исторические корни, коррелянты его находятся в архаичных слоях древнеевропейских языков. **Трувор** – счастливый искатель военных трофеев и по значению его имени, и по результатам его исторической деятельности. Оним сохранился в названии г.Трубеш (Трубеж), позднейший Трубчевск[6], и фамилии правивших там князей – Трубецкие[7].

Антропоним Sineus находит многочисленные параллели в том же лингво-географическом пространстве, что и Truvor. На территории западных провинций Римской империи были известны, как утверждает эпиграфика, такие имена: Sinicus, Sinicius, Siniacus, Sinna..., а также близкие им: Senilius, Senilla, Seninus, Senillus, Seniccus[8]. Можно узнать, что во Фландрии понятие sint заменяло французское saint (Sint Andries – Saint Andre в Зап. Фландрии)[9]. В Провансе также sint было равно французскому saint[10]. В основе приведенных онимов и понятий лежит понятие – senex, senior – старик, старший. Иногда: старший – в смысле высший, уважаемый как высший, старший; отсюда сеньор, синьор и др. Вероятнее всего, имя Синеус (Sineus) следует читать Сениус (Senius) и означает оно более старший: в нашем случае – старший из трех братьев.

[1] Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse. T.10. Paris, 1985. P.10. 441ff.

[2] Известен, в частности, такой вариант: глагол trouver – находить, открывать, изобретать; и trouvaille – счастливая находка, неожиданная находка (a windfall).– A Short English Dictionary. V.II. Ox., 1936. P.2254.

[3] Слово сохранилось в современном итальянском: trovare – находить.

[4] Rätisches Namenbuch. Begr. R. Planta. Bern. B.1. 1964. S.342, 348, 352. Сравни: Disziunari rumantsch grischun... Red. Ch.Pult... Bishofberger, 1938–1966.

[5] Dictionnaire savoyard... Par A.Constantin, J.Desormaux. Paris, 1902. P.409.

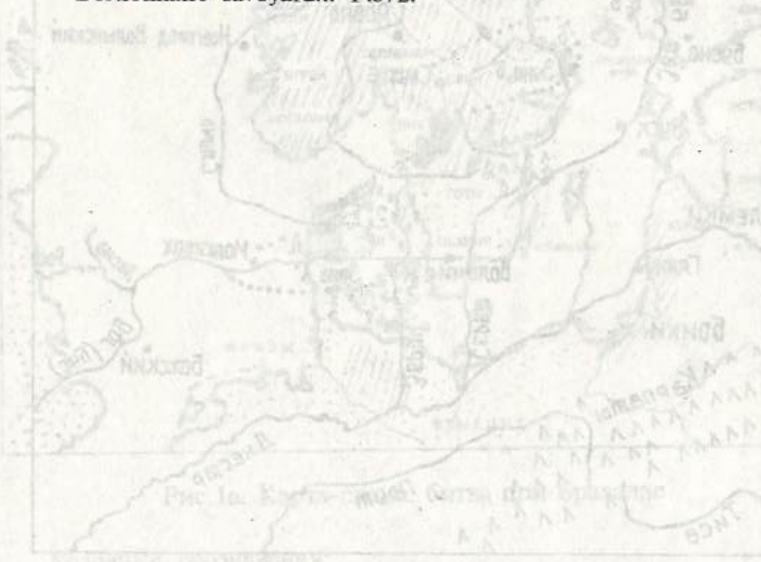
[6] См. НВЛ: Указатель географических названий. Разн. изд.

[7] Хольдер ставит знак равенства, в частности, между Senisser и Sinisser. – B.II. 1574.

[8] Ib. S.1470, 1477, 1478, 1567, 1574 etc.

[9] Grand Dictionnaire Encyclopédique Larousse. T.9. Paris, 1985. P.1961. Близ Брюгге была коммуна Sint Kruis. – Ib.

[10] Dictionnaire savoyard... P.372.



10. Карты

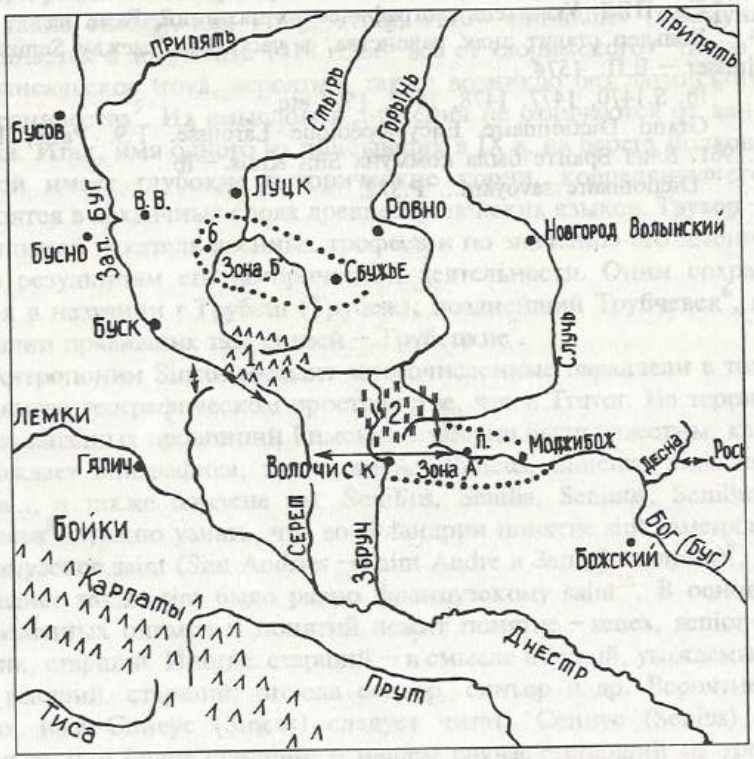


Рис.1. Топонимы от имени Бог

Зона «А» имеет две подзоны:

A^1 – Межибож[ье], Божеск[ий], р.Бозок, Бозиковицы, Божемильцы (Бозимильцы), Богудзанка, Забужье, Божок, Божка.

A^2 – Божская дубрава, р.Божек, «Болото Бога», болото Божек.

Зона «Б»: Буша, Буща, Божское, Божов (два), Бушковичи, Бужск, Сбужье (Збожье), р.Божанка, г.Божья.

1 – Кременецкие высоты.
2 – Болото, ранее – озеро.
В.В. – Владимир Волынский.
П. – Проскуров.
↔ – волоки.

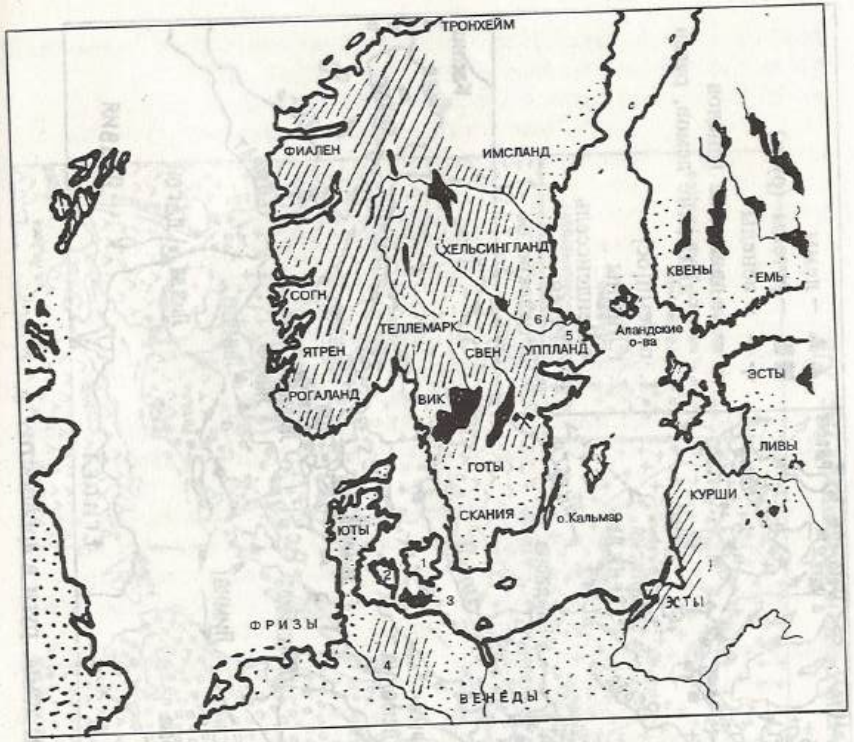


Рис.1а. Карта-схема: битва при Бравалле

Условные обозначения:

1 – о.Зеландия
2 – о.Фюн
3 – о.Лаланд (Лолланн)
4 – Нордальбинги
5 – Упсала
6 – Сигтуна
⚔ – Место битвы при Бравалле
· Тронхейм – населенный пункт
..... – зона поддержки Сингурда Ринга
///// – зона Харальда Хильдетанда.

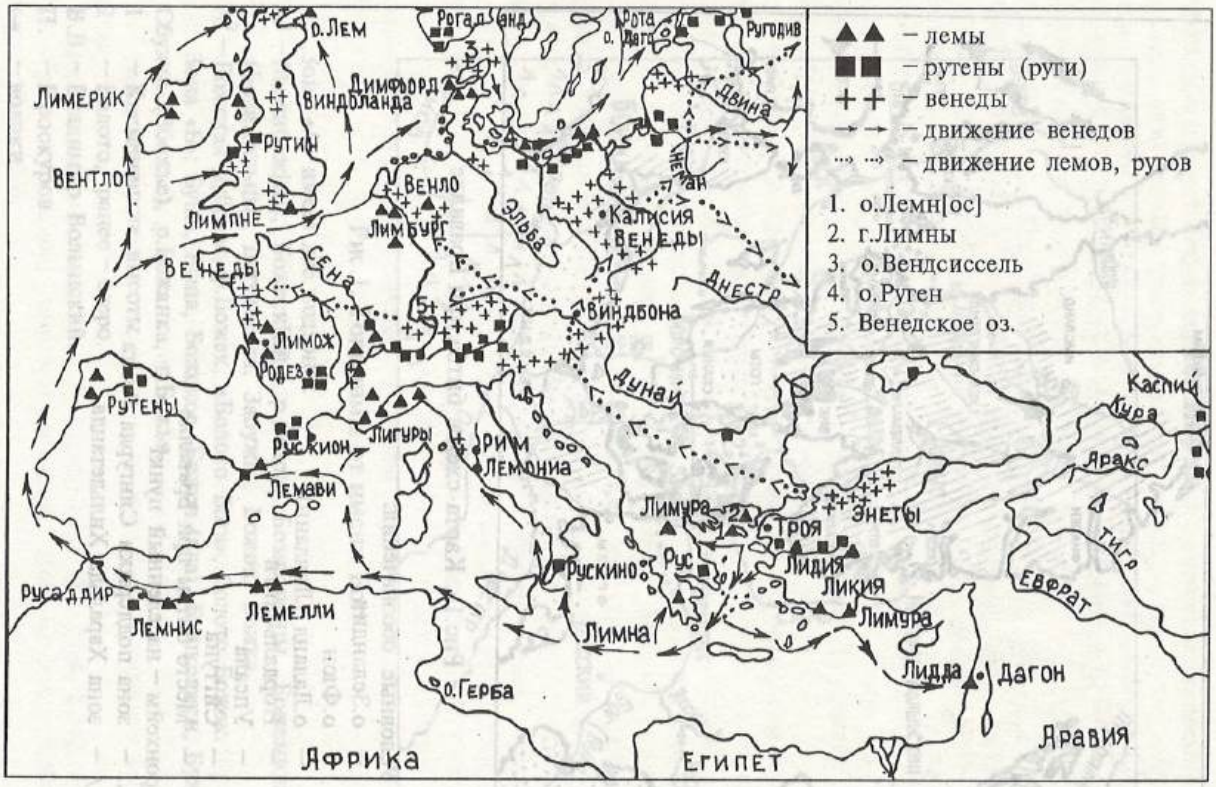


Рис.2 Венеды, лемы, руги в древности

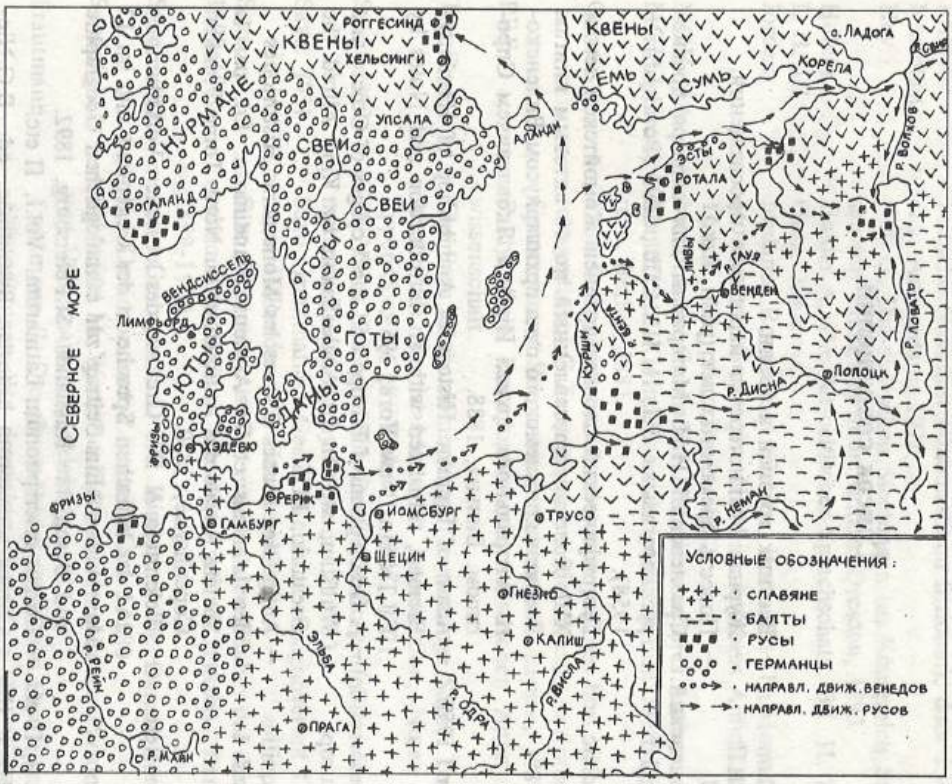


Рис.3 Балтийский регион середины I тыс. ХЛ.

Список сокращений

ВДИ – Вестник древней истории.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения.
ПВЛ – Повесть временных лет (разн. изд.)
Срезневский. I, II, III – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.I, II, III. СПб., 1893 (Ротапринт – 1958).
Спрогис – Географический словарь древней Жомойтской земли XVI столетия, составленный по 40 актовым книгам Россиенского земского суда архивариусом Виленского центрального архива Иваном Яковлевичем Спрогисом. Вильна, 1888.
Adam. 1959 – Adam of Bremen. History of Archibishop of Hamburg-Bremen, translated with an Introduction and Notes by F.J.Tschan. New York, 1959.
A Description of Europe – A Description of Europe and the Voyages of Othere and Wulfstan, written in Anglo-Saxon by King Alfred the Great. L., 1855.
Antiquitiés Russes. I – Antiquitiés Russes d'apres les Monuments Historiques des Islandais et les Anciens Scandinaves. Ed. par la Société Royale des Antiquaires du Nord. Tome Premier. Copenhague, 1850.
Bielenstein – Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13 Jahrhundert. Ein Beitrag zur ethnologischen Geographie und Geschichte Russlands. St.Petersburg, 1892.
CIL. I, II etc. – Corpus inscriptionum Latinarum. Vol.I, II etc.
CSHB. I, II – Corpus scriptorum historiae Byzantinae, ed. B.G.Niebuhr. Bonn, 1839. Pars I, II.
Förstemann. I – Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Bd.I. Personennamen.Zweite, umgearbeitete Auflage. Bonn, 1900.

Förstemann. II – Förstemann E. Altdeutsches Namenbuch. Zweiter Band. Erste Hälfte (A-K). Dritte vollig neu bearbeitete, um 100 Jahre (1100-1200) erweiterte Auflage. Herausgegeben von Herman Jellinghaus. Bonn, 1913.
Friesche Naamljist – Friesche Naamljist (Onomasticon frisicum), door J.Wincler. Amsterdam, 1971.
Hey – Hey G. Die slavischen Siedlungen im Königreich Sachsen mit Erklärung ihrer Namen. Dresden, 1893.
Holder. I, II, III – Holder A. Die Alt-celtischer Sprachschatz. B.I, II, III, Graz, 1962.
Jordan – Jordanis Romana et Getica. Recensuit Th.Mommsen. Monumenta Germaniae Historia. Auctores Antiquissimi. Tom.V. Pars prior. Berlin, 1882.
MGH. AA – Monumenta Germaniae Historia. Auctores Antiquissimi.
MGM.I,II etc. – Monumenta Germaniae. Scriptores rerum Merovingiarum. Berlin, 1883.
Orosius – Pauli Orosii historiarum adversum paganos libri VII. Ex. recognitione C.Zangemeister. – Bibliotheca scriptorum Graecorum et Romanorum teubneriana. Lipsae, 1889.
PRE – Paulys Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
The Saga – The Saga of the Jomsvikings (Jómsvikinga Saga). Translated from the Islandic with Introduction, Notes and Appendices by N.F.Blake. L.-N.Y., 1921.
Saxo. 1893 – The Nine Books of the Danish History of Saxo Grammaticus. Translated by O.Elton. L., 1893.
Saxo. 1931 – Saxo Grammaticus Gesta Danorum, recognoverunt J.Olrik et H.Raeder. T.I. Haunae, 1931.
Saxo. 1899-1900 – Saxo Grammaticus. Die ersten neuen Bücher der danischen Geschichte. Übersetzt von H.Jantzen. Berlin, 1899-1900.
Saxo. 1980 – Saxo Grammaticus. The History of the Danes. Ed. by H.E.Davidson and P.Fischer. Cam., 1980.
Schönfeld – Schönfeld M. Wörterbuch der altgermanischen Personen-und-Völkernamen, Heidelberg, 1911.
Trautmann – Trautmann R. Die elb-und-ostseeslavischen Orstnamen. – Abhandlungen der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse. Jahrgang 1947. Nr.4. Teil.I, 2. Berlin, 1948, 1949.
Trautmann. Die slavische – Trautmann R.Die slavische Orstnamen Meklenburgs and Holsteins (zweite verbesserte Auflage). – Abhandlungen

Orstnamen — des sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philosophisch-historische Klasse. Band V. Heft.3.

Vasmer. Die Slaven... — Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. Aus der Abhandlungen der preussischen Akademie der Wissenschaft. Philosophisch-historische Klasse. Nr. 1,2. Berlin, 1941.

Vasmer. Schriften. I, II — Vasmer M. Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde, herausgegeben von H.Bräuer. B.I, II. — Veröfffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa Instituts (Slavisches Seminar) an der freien Universitet Berlin. Begründet von Max Vasmer. Herausgegeben von H.Bräuer, V.Kiparsky, J.Striedler. B.38. Berlin, 1971.

Zöllner — Zöllner E. Rugier oder Russen in der Raffelstettener Zollurkunde? — Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. B.LX (1952). Hefte 1-3.

От редактора: вместо эпилога

«Исторические очерки» содержат определенную сумму конкретных фактов, получивших первичную («позитивистскую») интерпретацию. Верный своим исходным принципам, автор избегает связывать себя глобальными гипотезами и навязывать читателю широкие геоэтнические обобщения... Однако, читая и обдумывая текст «Очерков» и «приложений», читатель невольно испытывает настойчивое желание сформулировать ряд мыслей общего характера, поставить их в научно-полезный гипотетический ряд — ряд, не связанный с фантастикой беллетристов или мифологемами специалистов (или людей, считающих себя специалистами) широкого профиля.

Во-первых, славяне и русы этногенетически имеют разные характеристики, и первые этапы их исторического бытия прошли в расположенных далеко друг от друга регионах. Протославяне, как удачно показал О.Н.Трубачев, начали свой отсчет времени от группы земледельческих племен, живших вокруг Балатона (современное название), от альпийских предгорий на западе до Карпатского хребта на севере. Рутены (русы, руги), лемы (лимы, лемовии) и венеды (энеты, винды) принадлежали к народам Восточного Причерноморья, земле Магог (Ветхого Завета), лежавшей на берегах и островах Эгейского моря. Им предстоял длительный во времени и долгий путь по водным и сухопутным дорогам Западной Европы. Они были первопроходцами населенных варварами земель. Это было первое (дофиникийское, догреческое и тем более докельтское «великое переселение народов») XII и ближайшие последующие века до ХЛ. С предками славян они встретились на землях Центральной Европы, где славяне расселились, преодолев горную котловину между Судетами и Альпами — «Моравские ворота» — в начале второго тысячелетия до ХЛ. Специальные лингвистические исследования должны здесь многое прояснить...

Например, как соотносятся ludoi (luddans) Малоазиатского полуострова со славянскими людьми Центральной Европы. Или: случайно ли сближение таких этнонимов как амореи Палестины, фоморяне Ирландии и поморяне Южной Балтики. Очевидно, что контакты будущих славян и венедов были более ранними и интенсивными (стратно-суперстратными – по меткому замечанию В.В.Мартынова), чем славян и русов. Отсюда – тождество этнонимов венеды и славяне в представлении античной и послеантичной исторической традиции, сохраненной преимущественно германскими писателями. Несомненно и другое: существовали очень древние контакты русов, венедов, лемов.

Если в IX в. русы Прибалтики на землях восточнославянских племен вследствие ассимиляции говорили по-славянски (вспомним соответствующие пассажи из ПВЛ), то каков был их язык раньше? Думается, что говорить о влиянии кельтской, а позднее германской лингво-культурной среды можно, но первичный язык русов (и близких им лемов, а, возможно, и венедов) был близок к лигурийским или, точнее, итало-лигурийским диалектам. Языки венедов, ругусков, рутенов, лемов и лемовиков принадлежали к древнему европейскому лингвострою, разрушенному, как и политические институты, культурные структуры этих ранних европейцев, сначала великими кельтскими завоеваниями середины первого тысячелетия до ХЛ, а позднее – пятисотлетним господством Рима (вспомним приводившееся выше мнение Губерта – гл.V).

Рассуждая по проблемам исторических судеб рутенского (ругского, русского) языков, можно использовать метод аналогий. Известно, в частности, о многоязычности евреев в древности и более близком до нас времени. Один арабский автор об одной из этнографических групп евреев (евреев-радонитов!) замечает, что они «...говорят по-персидски, по-румынски, по-арабски, по-французски, по-андалузски и по-славянски». (Методические рекомендации и источники по курсу древней истории восточных славян. Сост. Е.В.Кузнецов, В.В.Фомин. – Н.Новгород, 1985. С.7). Вероятно, что разбросанные в различных местах ойкумены русы, не имея такой культурно-оберегательной силы как письменность, переходили на языки тех более многочисленных земледельческих народов и племен, в среде которых им приходилось жить.

Несомненно, русско-славянская проблема – центральная в истории нашего Отечества и его народов, но не единственная, к которой подталкивают нас «Исторические очерки».

Нарисованная здесь схема не оставляет места концепции «полесской первородины» славян (М.Фасмер и его продолжатели). Сложные процессы движения и взаимодействия древних народов Европы, отраженные, частично, в «Очерках», подводят к пониманию многоэтничности крупных племенных образований, которые сложились накануне и в ходе «великого переселения народов». Они, как и известные «варварские королевства», являлись разноплеменными (территориально-племенными – ?) политическими структурами.

К более партикулярным, хотя и исторически существенным, относится, в частности, изучение культа бога Рада в теонимии древних славян. Плодотворна мысль автора о зеркальной связи богов Рада и Рода, но ее проверка на базе привлечения дополнительных фактов совершенно необходима и ждет внимательного исследователя.

В исторических сочинениях под влиянием конкретных политических феноменов в последнее время актуализировался вопрос об этнической истории Восточной Прибалтики. Материал четвертого очерка четко показывает, что первые письменные источники знают на прибалтийских берегах племена эстов, куршей, ливов и венедов, но не сообщают о литовских и леттских племенах. Важно подчеркнуть, что венеды (т.е. какие-то группы древних славян) являются для земель северо-запада современной Латвии (Видзем), а также запада (бассейна р.Вента) более ранними насельниками, чем предки современных титульных этносов – литовцев и латышей. См. работу: Кузьмин А. «Кто коренной в Прибалтике?»

Русские (ругские, рутенские – иначе) анклавы были в то время на восточнобалтийских берегах: они контролировали стратегические с экономической точки зрения позиции в устье Немана, на северо-западе сегодняшней Эстонии (район Хаапсалу), при устье р.Наровы, а, возможно, и группу гаваней Ругодива (позднее – Ревеля, ныне Таллина).

Возникает вопрос о расселении руссов в период раннего средневековья. Продолжая наблюдения по данному вопросу А.П.Кузьмина, автор «Очерков», аргументирует ряд интересных

наблюдений об их поселениях на берегах речных коммуникаций в Восточной Европе. «Очерки» подводят к вопросу о возможности территориальных приобретений ругов в южной части Каспийского моря, но не находят (пока?) решения этого вопроса. Во всяком случае, наличие области Руян (Руяндж) в центре южного «иранского» побережья Каспия, откуда прямая дорога вела через горы Эльбруса в г.Рей, а оттуда – в Багдад, а также некоторые другие, известные автору нарративные и топонимические данные ставят этот вопрос на твердую почву. Недостаточно полно учтены и топоследы русов на крайнем западе Европы, в частности, не обсуждено свидетельство Исидора Севильского о рутенах (ruteni) – «язычниках» на северо-западе Пиренейского полуострова.

Очерк о битве при Бравалле заслуживает более укрупненной оценки. В этой «битве народов» Северной Европы как «равноправные», или почти равноправные, по доблести и силе участвовали, наряду с германцами-скандинавами («свеями», готами, данами, уроженцами современной Норвегии), и русы, и славяне, и другие племена. Поэтому представление «западной» науки о викингах-скандинавах нуждается в расширении. В морских военных походах и торговых экспедициях участвовали не только скандинавы, т.е. уроженцы западных берегов Балтики, но и насельники ее южных и восточных берегов. Во всяком случае, жители Русского острова (о.Рюген, Руген) были активны на море до конца XII в. Походы русских кораблей под «черными парусами» на Севилью и другие прибрежья Андалуса (Андалузии) отнюдь не мифологемы арабских писателей. Ссылка автора в этом вопросе на сагу о «йомбургских викингах» выглядит очень удачной. Заставляют задуматься и приведенные в пятом очерке сведения о владениях русского правителя Олимара.

Следует, наверное, отечественным фольклористам откликнуться на призыв более внимательно заняться древнейшими слоями фольклора славянского, финского и других народов Северной Европы. Суждения автора о южнобалтийской Волыни, о русских в «Калевале» и этнониме «рано» в новгородских песнях не должны забыться.

Привыкли писать, что славяне заимствовали культуру, язык, обычаи у кого-то, что это новый этнос на ландшафтах Европы. Приведенный здесь материал позволяет взглянуть на этот вопрос

более уравновешенно, без однобокости. Да, другим народам славяне многим обязаны, но у славян их соседи (их современники) кое-что взяли! Этюд о происхождении гидронима Ильмень подталкивает к этому. Главное, следует признать: славяно-венеды и, возможно, славяно-лемы – более древние этнические образования, чем германцы и кельты.

Накопилось много наблюдений о связях восточных славян и славян южных. Материалы «Очерков» говорят о миграции ряда племен с земель, прилежащих к Южному Бугу (Богу) и Днестру, на запад Балканского полуострова. Кажется возможной миграция на балканские земли части племен из дулебского (антского) племенного союза, в том числе тех, эпонимом которых был «рекс» Бог (Бос, Бож). И, конечно, нельзя не задуматься о причинах широкого распространения имени Рад и производных от него в имясловаре сербов и родственных им этногрупп – как в прошлое, так и в настоящее время. Во всяком случае, о ближайшем родстве балканского сербского этноса и ряда восточных славянских племен (групп племен) уже можно говорить уверенно. А признание древнего родства предков современных русских людей и народа Сербии – не только прошлое, но и кровоточащая современность.

О.А.Колобов

Содержание

От автора 3
Очерк 1. Об антах, их «рексе» Босе и р.Бог (Буг) 5
Очерк 2. Вестготский король Радагайз и славянский бог Рад 28
Очерк 3. Битва при Бравалле и этническая карта северной Европы 64
Очерк 4. Геллеспонт северный, геллеспонтики и их соседи 82
Очерк 5. Призвание русских князей: предистория 126
Приложения 184
1. Вакх, Бафомет, Бхагаван и др. 184
2. Радуница 185
3. Helsingalondan – «Счастливая страна» 185
4. Таможенный устав Раффельштетена (начало X века) 187
5. Некоторые стихи «Калевалы» 188
6. Ильмень-озеро 190
7. Из русских песен 191
8. Оршанская Русь 192
9. О происхождении имен Трувор и Синеус 193
10. Карты 196
Список сокращений 200
От редактора: вместо эпилога 203

СЛАВЯНЕ И РУСЫ: ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА (IV–IX вв.)

Евгений Васильевич Кузнецов

Редактор Н.В.Артемьева

ИБ 691

Темплан 1997 г., позиция 95

Лицензия № 020235 от 20.01.97.

Подисано в печать 15.07.97. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл.печ.л. 13. Уч.-изд.л. 12,3 Тираж 500 экз.
Заказ 1150. С.328.

Издательство Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского. 603600. Н.Новгород, пр.Гагарина, 23.
Типография ННГУ, Н.Новгород, ул.Б.Покровская, 37.



Кузнецов Евгений Васильевич (1931 г.р.) – уроженец г.Нижнего Новгорода. В 1955 г. окончил историческое отделение Горьковского государственного университета им.Н.И.Лобачевского. Учился у последних представителей русской дореволюционной интеллигенции С.И.Архангельского и Н.П.Соколова, унаследовав от них методику работы с историческими источниками и широту интересов. В течение четырех десятилетий научной деятельности изучал различные проблемы зарубежной и отечественной истории. Из более чем 170 научных и научно-популярных работ особую известность приобрели «Движение лоллардов в Англии конца XIV–XV вв.» (1971); перевод «Истории Ричарда III» Томаса Мора и обширные комментарии к ней (1973) для серии «Литературные памятники» АН СССР. Последние 25 лет руководит редколлегией межвузовского сборника по истории Англии позднего средневековья и раннего нового времени.

Из работ по истории России известен ряд статей по этнической истории славянства, межэтническим отношениям на территории Нижегородского Поволжья. Под руководством Е.В.Кузнецова в 1992 г. опубликована первая хрестоматия по истории Нижегородского края (XII–XIX вв.)